

ИНЕССА ИВАНОВА

КНИЖНАЯ
КОРОЛЕВА

ПУТЬ ПОПАДАЮЩЕЙ

Инесса Иванова

**Книжная королева.
Путь попаданки**

«Автор»

2025

Иванова И.

Книжная королева. Путь попаданки / И. Иванова — «Автор»,
2025

Я попала в книгу на место ненужной королевы, томящейся в замке на окраине страны. По сюжету её должны убить по дороге в столицу. В книге ничего не сказано про то, кто отдал приказ: король, его всемогущая фаворитка, от лица которой написана книга, или во всём виноват незаконный брат короля. Герцог, тёмный маг, кто должен сопроводить меня в столицу. Но у меня есть брат-король соседней страны и верная служанка-сестра. И знание сюжета, который мне надо изменить, чтобы вернуться домой.

© Иванова И., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Книжная королева 1. Путь попаданки	5
Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	18
Глава 4	23
Глава 5	28
Глава 6	32
Глава 7	37
Глава 8	42
Глава 9	47
Глава 10	51
Глава 11	55
Глава 12	58
Глава 13	62
Глава 14	67
Глава 15	71
Глава 16	75
Глава 17	79
Глава 18	84
Глава 19	88
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Инеcса Иванова

Книжная королева. Путь попаданки

Книжная королева 1. Путь попаданки

Глава 1

«Наконец, мы с Энрике, с его величеством, королём Клермондии и Лузитании, могли не бояться осуждения Святого Престола и заключить брак по любви. По велению сердец, давно связанные кровью, текущей в наших детях, мы произнесли брачные клятвы у алтаря. И да простит нас тень несчастной королевы Бланки, мы будем счастливо править страной. На благо мира и наших детей».

Нет, ну вот как так можно! И эта героиня считает себя непогрешимой и правой во всём! Я отшвырнула книгу на диван, дочитав последнюю страницу.

Исторический любовный фэнтези-роман, основанный на реальных событиях.

Мы недавно на семинаре проходили эти тёмные страницы истории Португалии.

Прообраз короля – Педро I Жестокий – приказал умертвить свою молодую жену из Франции, потому что союз ему был больше не нужен. Но на фаворитке в истории он так и не женился. Сослал в монастырь.

Здесь же по книге Мария добилась того, к чему шла всю жизнь. И даже то, как она вскользь упомянула о погибшей в дороге королеве, меня бесило. Мол, бедняжка по воле Божьей скончалась по пути в столицу.

То ли не выдержала тягот пути (ага, королева не шла пешком), то ли виной тому внезапная болезнь от стылых стен замка, где она содержалась последние три года (ну да, могли бы королеве предоставить лучшее жильё).

Фаворитка наметнула на причастность к смерти соперницы незаконного брата короля, тёмного мага Родриго Каста. Мол, он действовал из собственных интересов, а они с королём ни сном ни духом, занимались своей любовью, а не политикой.

Да-да, я так и поверила, что Мария Товара, дочь канцлера, спокойно писала прощальные письма королю, уехавшему на границу урезонивать очередных бунтовщиков, где смирилась с судьбой уйти в монахини. Покорно уступив своё место опальной и ненужной никому из них королеве.

И она узнала о письме брата королевы Бланки, короля соседней страны, требующего убрать всеильную фаворитку прочь от двора, только после смерти несчастной королевы. Смерти, которая всем им была так на руку!

Послевкусие от книги осталось неприятным. Не люблю лицемерных особ, прикидывающихся овечками, в роли главных героинь!

Я пошла на кухню сделать себе чай с бутербродами. И пока жевала хлеб с маслом и сыром, вспоминала отца.

Он ушёл от нас, когда мне исполнилось семь. После моего дня рождения отвёл в сторонку, пообещал часто навещать, если я буду хорошей девочкой и слушаться маму. А потом укатил в новую семью.

Он звонил раз в год.

Говорил мягким тоном, что не может приехать, что так нам с мамой будет лучше, что у него важная командировка.

Мама тоже его ждала и верила обещаниям. А потом я разом осиротела в девятнадцать лет. Отец попал в автокатастрофу, мама утонула через полгода.

Я так и не сказала ей, что у него намечалась уже третья семья. Она бы мне не поверила. Ему верила, а остальным – нет.

Все близкие ушли, а привычка быть хорошей девочкой осталась. У меня всё было правильно. Как надо.

Училась в столичном вузе на историческом факультете, как хотела мама, пошла по её стопам. Меня всё устраивало.

За исключением одного – я потеряла способность верить людям на слово.

Вот и этой треклятой фаворитке из книги я бы ни за что не поверила!

Перекусив, отправилась подремать. Мы снимали однушку на двоих с девчонкой с филологического. У меня было наследство, я подрабатывала в фастфудной по вечерам, так что деньги кое-какие водились. Но я жутко уставала.

Даже сейчас, закрыв глаза и вытянувшись на диване подремать перед сменой, подумала, что неплохо бы поваляться недельку на пляже в жаркой стране. Читать книги, вышивать и ни о чём не думать.

Ничего, вот закончу последний курс, полгода осталось, и куплю путёвку в экзотическую страну...

Проснулась я от тошноты и боли в животе. Застонала и повернулась на спину. Боль чуть-чуть утихла, но в теле отчего-то возникла такая слабость, будто я долго болела, и вот, наконец, очнулась.

Я открыла глаза в полную темноту и чуть не упала с постели, пытаясь резко встать. Я что, проспала?!

Боль резанула в районе пупка.

– Ваше величество, что с вами! Опять хвори? Я позову лекаря, – произнёс молодой женский голос совсем рядом.

Зашипели свечи, их неровный тусклый свет на миг ослепил меня.

А когда я разлепила веки, то от слабости не смогла встать на ноги. Рядом со мной, на коленях ютилась молодая светловолосая женщина, лет двадцати, не больше. Довольно миловидная, но слегка косила на один глаз.

Она держала канделябр с тремя свечами возле своего лица, на котором была написана такая тревога, что сердце сжалось в предчувствии беды.

– Это я, Ирен, ваше величество. Опять те самые боли? Хоть бы не снова брюшная лихорадка! – тараторила она, разминая мне босые ступни.

– Где я?

– У себя в опочивальне. Мы всё ещё в этом проклятом замке Мендоса, ваше величество!

– Света больше нет?

Вокруг была душная темнота, в которой я не могла разглядеть очертания комнаты. Сидела на огромной мягкой кровати и не понимала, что делаю здесь. Это явно не съемное жильё, а девица, массирующая мне ноги, мне и вовсе была незнакома.

Значит, я сплю. Пора просыпаться, Оля!

Перечитала перед сном переживательных книг! Всё, теперь только комедии про любовь по телеку!

Я на секунду закрыла глаза, потом решила досчитать до ста, чтобы окончательно проснуться, но тут стук в дверь и грубый мужской окрик заставили очнуться:

– Именем короля, откройте! Её величеству срочно требуется пройти к коменданту замка! Говоривший был не местным, в его голосе слышался акцент.

– Что случилось? Сколько времени?

Я вдруг поняла, что сижу в одной длинной до пят ночной рубашке. Шёлковой, красивой, с вышивкой по вырезу и рукавам, но всё же в исподнем.

ТЬфу, слова-то какие! И, как назло, никак не могла проснуться!

И голосом я говорю не своим. Красивым, грудным, волнующим, но чужим.

– Сейчас ночь, Гови! Как вы смеете тревожить её величество! Ждите!

Голос у моей служанки, а это была именно она, оказался резким и громким, когда было надо. Она встала с колен, не спеша набросила мне на плечи тёплую серую мантию, отороченную мехом горноста, и лишь затем отправилась открывать дверь.

А я пока пыталась овладеть телом.

И ущипнуть себя за разные части тела. Боль немного отрезвила. Я вспомнила всё так ясно, будто сама пережила!

И чувствительность вернулась. И память.

Чужая память и чужое тело.

Не успела я что-то сказать, позвать верную Ирен, молочную сестру королевы Бланки, как та приоткрыла дверь, светя в проём вторым канделябром. Первый она оставила для меня на столе у окна.

– Что случилось?

– Прибыли гости, госпожа, – произнёс тот самый мужской голос. – Комендант принял гранда герцога Каста и его слуг с верительными грамотами от нашего монарха, разместил честь по чести. Но его сиятельство от ужина отказался и требует немедленной аудиенции у её величества.

Ну вот и здравствуйте! Кошмар продолжался.

Я сидела и слушала чужую речь, понимала её, как свою родную, а в голове проносились картинки прошлого. Не моего, разумеется.

Я была на месте той самой ненужной королевы Бланки, урождённой франккской принцессы, про которую упоминалось в той самой книге, что я прочитала на ночь.

И что получается?

Я посмотрела на свои руки. Не мои, её. И тело её, и всё вокруг было другим, но, как ни странно, знакомым. Бланка провела здесь три года с самого замужества, король даже не притронулся к ней, оставив невинной.

Это я уже узнала из памяти королевы, в книге от лица фаворитки говорилось, что королева досталась короне порченной, не девственницей. Ага, врала, сволочь!

Так я и думала!

– Моя госпожа должна привести себя в порядок, пусть гранд подождёт, раз уж ему так срочно, – хмыкнула Ирен и захлопнула дверь перед посланником.

Не слушала, что тот говорил о гранде Каста и о том, что тот посланник самого короля. Грешно заставлять ждать столь сиятельную особу.

А я всё примечала, старалась проснуться, но внутри зрела уверенность, что этого не случится. Что вот так просто это не работает.

– Ваше величество, Бланка, герцог не станет ждать долго. Как бы не накликать беды!

Ирен хлопнула в ладоши, обходя углы, и стало не в пример светлее. Магические шары с белым светом взвились под потолок, и я, наконец, осмотрелась.

Я находилась в большой комнате, по стенам которой были развешаны гобелены. Довольно старые, некоторые столь выцветшие, что едва возможно разглядеть рисунок. В основном это были сцены из королевской охоты. На кабана или вепря, как его здесь называли, на тонконогих ланей.

Кровать моя, довольно просторная, тоже видела лучшие времена. Лак кое-где облупился, краска потрескалась, но хлопковое постельное бельё оказалось новым, перина довольно мягкой, пышной. А подушек было накидано столько, что спать пришлось бы сидя.

– Что-то не так, ваше величество? Вы увидели признаки порчи? Комендант уверял, что все слуги проверены, тёмных магов среди них нет.

Ирен истолковала мой интерес по-своему.

Я же смотрела во все глаза и думала о том, что всё, чему меня учили на историческом факультете, было неправдой. Почти всё.

Королева Бланка – это какой век? Четырнадцатый.

А если я попала не в историю, а в книгу? Написанная по реальной истории, она всё же могла содержать определённые вольности.

Надо будет разобраться, как из этого выпутаться. Лучший способ – проснуться. Но можно ли так?

Пока я думала, Ирен начала меня одевать.

К счастью, нижнее бельё оказалось не таким, каким оно было в реальности. В настоящем четырнадцатом веке.

Никаких панталон до колен с разрезом между ног, чем-то бельё напоминало современное, даже спортивное. Поверх надевалась просторная, светлая рубашка до пола из тонкого льна.

А платье и вовсе оказалось великолепным.

Правда, блёклым, пастельного тона, но с таким тончайшим кружевом поверх мягкого корсета из китового уса, что я даже побоялась его испачкать.

– Помыться не успеем, – решительно сказала Ирен, заметив, что я смотрю на кувшин и тазик у окна. – С утра прикажу наполнить купальню.

– А туалет?

– Пожалуйте, я провожу в термы.

Ага, ну хоть не ночная ваза.

Магия оказалась весьма кстати и тут. Всё-таки я попала в книгу!

Только там аристократия двух объединённых стран Клермондии и Лузитании обладали светлой магической силой, как и дворянство соседних стран. Тёмные маги рождались редко, но метко.

Покончив с необходимым, осмотрев себя в большом напольном зеркале в рост человека и оставшись довольна увиденным, я заметила, что королева привлекательна. Фаворитка в книге почти не упоминала о внешности Бланки. Дала ей эпитет «бледная тень» и успокоилась.

Женская зависть!

Королева была среднего роста, хрупкого, даже изящного телосложения, имела густые тёмные, чуть волнистые волосы. Самым восхитительным на её лице были тёмные большие и влажные глаза «испуганной лани».

Ирен, дав мне вволю на себя налюбоваться, накрыла зеркало тканью.

– Отец Педро говорит, что так вам не смогут нанести вреда. И что не следует поддаваться греху тщеславия.

Это был мой личный духовник.

У меня в голове было столько вопросов, что с одной стороны, не терпелось задать их верной Ирен, готовой за меня любому глотку перегрызть. Или перерезать, не зря она метко метает ножи. А с другой, я боялась себя выдать.

– Желаете наудачу нанести каплю эликсира синьора Паскуале?

Что-то такое шевельнулось в памяти. Нет, в книге о нём не говорилось не слово, но удача мне не помешает

Ирен достала ключик, висевший на золотой цепочке у неё на шее рядом с нательным крестом, и отперла им шкатулку, спрятанную в одном моих сундуков.

– Это духи, – увидела я овальный пузырек из хрусталя, внутри которого плескалась тягучая янтарная жидкость.

Едва Ирен успела специальной лопаточкой, тоже хрустальной, нанести мне каплю на шею, как бедная моя дверь в коридор снова содрогнулась под ударами мужского кулака.

На этот раз ждать ответа не стали.

– Именем короля, открывайте!

Дверь распахнулась, и в комнату в сопровождении коменданта, внушительного и довольно представительного мужчины лет сорока пяти с острым вертлявым взглядом, вошёл другой тип.

Благородный идалго, носящий одежду синего цвета, которая так шла к его глазам – могли бы сказать о нём дамы того времени.

Заносчивый и опасный человек, который с одинаковой лёгкостью будет говорить комплименты даме и посылать преступника на эшафот – добавила бы я при беглом взгляде на него. А когда наши глаза встретились, я первой отвела взгляд.

Слишком тёмный омут с чертами всех мастей таился в глазах незнакомца.

– Ваше величество, – произнёс он, склонясь передо мной, но не слишком низко. – Прошу прощения за мою дерзость, но ваш супруг, его величество Энрике Справедливый, просил как можно скорее передать вам одну весть, чтобы вы так же возрадовались, как и он. Позвольте поговорить с вами наедине, ваше величество.

Глава 2

– Наедине? – удивилась я, переводя взгляд на коменданта.

– Вы верно поняли, ваше величество, – усмехнулся герцог, нагло рассматривая меня.

Будто оценивая, как породистую лошадь на базаре.

Его худое, безбородое и энергичное лицо казалось ликом Дьявола. Равно как и беспардонный интерес к моей особе.

Это была неслыханная дерзость, граничащая с оскорблением даже просто благородной гранды, а уж по отношению к королеве и подавно.

Я сразу вспомнила, что королева находилась под защитой коменданта, кто сейчас стоял рядом потупившись. Просьба герцога, являющегося доверенным лицом короля и его незаконнорождённым братом, не нравилась моему тюремщику, но он не собирался бросаться грудью на мою защиту.

Память Бланки подсказала, что с братом короля спорить никто не хотел. Потому что он доверенное лицо монарха и тёмный маг. Кто знает, что от них можно ожидать?

А ещё я помнила сюжет книги – для королевы ничего хорошего отпущено в нём не было. Так что и причин у меня выслушивать послания супруга с гулькин нос, но и отказаться просто так было нельзя.

– Гранд Арарипе, – официально обратилась я к коменданту, и тот восторженно, услышав своё имя. Мне показалось, что даже вздрогнул и поморщился. – Я не понимаю, почему вы позволили беспокоить меня среди ночи. Я всего лишь бедная женщина, выполняющая волю своего супруга-короля, но всяким домогательствам имеется предел. Побойтесь Бога, гранды!

На герцога я и не смотрела, хотя чувствовала на своём лице его пылкий взгляд.

Пусть не думает, что я трепещу перед ним!

Моя первоочередная задача – вернуться домой. И что-то мне подсказывало, что если королева умрёт, то и я вместе с ней.

– Воля короля священна, – мягко возразил комендант.

И посмотрел мне в глаза с мольбой: пощадите, мол. Вы тут потом разберётесь, а мне не сносить головы.

– Но не выше воли Бога!

Я говорила смело, но на рожон тоже не лезла. Вся эта ночная сцена, моё появление в пышном платье, убранные в причёску, которую успела соорудить Ирен, волосы, все эти знатные мужчины, смотрящие как на добычу, но не как на женщину, – всё это казалось нереальным.

Я чувствовала себя ценным призом в каком-то маскараде.

Сейчас мы доиграем сцену и разойдёмся по гримёрным. Смоем краски, снимем странную одежду и отправимся по делам. И я всё забуду, как страшный сон.

– Воля монарха нередко означает волю Бога. Это помазанник Божий! Только Святой престол может быть выше воли короля, ваше величество. А мы все, без исключения, должны подчиняться нашему королю. Я не займу у вас много времени.

Герцог говорил вкрадчивым тоном, со скрытой насмешкой. Я кожей чувствовала, что он не ожидает от меня серьёзного сопротивления.

Но слегка удивлён моим протестом.

– И это не терпит до утра, гранд?

Я посмотрела на визитёра. Брат короля, именно на него фаворитка в книге возложила вину за смерть королевы. Мол, недоглядел, бедняга простыла по дороге.

А сейчас, глядя на этого бледнокожего, черноволосого красавца в самом расцвете мужской силы, я понимала, что у него нет и не может быть никаких «недоглядел». Он прямо идёт

к цели, как каравелла к Новому Свету, и привык её достигать. Даже если придётся вздёрнуть на рее всю команду.

Ох, опять у меня такие странные мысли!

– Извольте, – кивнула я герцогу

Ирен тут же принесла моё парадное кресло, стоявшее в углу и покрывающееся пылью. Ранее у ненужной королевы не было столь знатных посетителей.

– А после этой непродолжительной беседы, – обратилась я к коменданту, игнорируя сведённые скулы герцога, – я бы хотела перемолвиться с вами, гранд Арарипе. Тоже наедине.

Комендант поклонился мне. Гораздо ниже, чем до того это сделал герцог, и удалился вместе со слугой. Я сделала знак Ирен тоже покинуть комнату. Она пыталась умолять меня оставить её, для защиты и сохранения репутации.

– В моих руках честь королевы будет сохранена лучше, чем у Христа за пазухой, – отрезал герцог.

Служанка и я перекрестились. Брат короля не внушал мне доверия и раньше, а что ждать от богохульника? Пусть это книга, но и в ней, основанной на реальной истории, упоминание имени Господа все казалось страшным грехом.

– Иди, – коротко приказала я Ирен. – Но будь поблизости.

– Боитесь, ваше величество, что я причиню вам вред? Уверяю, если бы на то была воля нашего короля, это бы давно случилось с вами, – герцог насмешничал, даже когда мы остались одни.

Но всё же дождался, пока я сяду, и лишь затем, когда я указала на другое кресло, последовал моему примеру.

У него был острый взгляд и такие же скулы, что подчёркивало отсутствие бороды, как было принято у некоторых идальго.

– Что за весть вы мне принесли? – мягко спросила я, гадая, достаточно ли точно играю роль королевы.

Впрочем, герцог ранее не видел меня вживую. А остальные не выказали удивления моим поведением. Значит, всё в порядке.

А ещё я надеялась, что новость герцога каким-то образом подскажет, как мне вернуться.

Или проснуться от кошмара.

– Его величество желает видеть вас, гранда. Вам надлежит как можно скорее покинуть замок Мендоса. Я буду сопровождать вас на этом пути.

– Семь дней.

Я похолодела. Всё как в книге! Королева не прожила и семи дней после того, как пустилась в путь.

– Что, простите, ваше величество?

Мыслями герцог был уже, вероятно, в пути.

– Путь до столицы от замка Мендоса занимает семь дней при хорошей погоде, а сейчас лето.

– Вы проникательны, ваше величество. И, вероятно, обладаете превосходной памятью. Сколько лет назад вы приехали сюда?

Снова насмешничает. Так и хотелось сказать ему, глядя в самодовольное лицо, что я никуда не поеду.

Но это ничего бы не изменило. По приказу короля меня могли сопроводить силой, значит, надо действовать хитростью.

– Три года. Мне было шестнадцать, когда я прибыла в Лузитанию. И мне жаль, что я провела столь много дней вдали от моего супруга, но та была воля Господа нашего и его величества. Вы правы, ваше сиятельство, я счастлива этой новостью.

И снова перекрестилась, тайком наблюдая за герцогом. Я обычно неплохо разбиралась в людях, умела расположить их к себе спокойной, неторопливой беседой, но сейчас даже поджилки тряслись.

Это не было похоже на игру или книгу, вот оно всё, реальнее некуда!

Герцог внезапно изменился в лице, почернел, как небо перед бурей, и сказал металлическим голосом:

– Я прикажу вас связать, ваше величество, и бросить на дно кареты на всё время пути, если вы вздумаете играть со мной! Или затягивать наш отъезд. Учтите, у меня есть на то полномочия. Вы же и сами это помните? Или уже забыли?

Я чувствовала, как на моей шее затягивается удавка. Стало сложно дышать, но я смотрела ему в тёмно-синие, почти чёрные глаза. И не находила там для себя ни капли сочувствия.

– При нашей первой и последней встрече вы сказали, что я чудовище. Вот и не забывайте, ваше величество!

Я совсем не помнила эту нашу встречу.

Блин, о чём это я?!

Память королевы прятала от меня события её прошлого, заменяя их благообразными картинками. Проведя много лет в захудалом замке почти на окраине страны, она придумала себе прошлое и утешилась им.

Но сейчас мне нужно было докопаться до того, что случилось на самом деле!

Как назло, в книге о королеве почти ничего не говорилось, а если и упоминалось фавориткой, то лишь покорность и набожность бедняжки, которая всем мешала. Вроде бы её жалко, но свои интересы важнее.

Для каждого.

– Что я вам такое сделала, ваше сиятельство? – зашла я с другого конца.

Эту встречу надо поскорее закончить и собрать сведения. Ещё бы узнать, как мне прекратить этот душный кошмар!

Герцог сверлил меня тяжёлым взглядом и молчал.

Изучал, ощупывал, как лошадь на базаре. Я ощущала его магию, вязкую, тёмную липкую. Её щупальца тянулись ко мне, но пока не решались причинить вред.

Скорее тот, кто сидел передо мной, был похож на крепость, построенную в стародавние времена от врагов. И никто уже не помнил, как так получилось, что она из обороны перешла в наступление.

И с тех пор люди, проезжающие мимо, пропадали бесследно. А их намерения становились неважны. Их вина была лишь в том, что они посмели ступить на проклятые земли.

Мне стало зябко, хотя в комнате сохранялась привычная для лета влажная духота.

– Разрешите откланяться. Отдыхайте, завтра вы восстановите силы и к вечеру мы двинемся в путь.

– К вечеру? Проведём ночь в пути? Это опасно, ваше сиятельство. Помните, кого вы везёте.

– Я помню. Ночью на наших дорогах порой безопаснее, ваше величество, чем при свете дня. Но я подумаю, как сделать лучше. Однако медлить не стоит. Вас ждёт супруг, желающий заключить вас в объятия, вы же наверняка так долго ждали воссоединения с королём. Ваши молитвы исполнены.

Герцог встал, чуть поклонился и намеревался оставить меня. Ещё одно оскорбление – повернуться ко мне спиной.

– Почему именно сейчас? – вырвалось у меня. – Вы знаете это, так можете дать правдивый ответ, ваше сиятельство?

– Стране нужен наследник, синьора.

Он повернулся вполоборота.

– Вы здесь, возможно, не слышали, что времена нынче беспокойные. И его величеству придётся вскоре отбыть на переговоры, которые не всегда завершаются миром. Стране нужен наследник, если король, упаси нас Создатель, падёт в бою.

И вышел.

Тут же вбежала Ирен в сопровождении двух молоденьких служанок из местных. Королеву не очень жаловали, держали как пленницу, не позволяя ей иметь много слуг, привезённых из родной Франкии.

Вряд ли кто всерьёз опасался, что королева сможет составить заговор, больно молода она была и кротка, но тем самым фаворитка хотела лишить несчастную последней надежды. Как бы прикрываясь заботой о её же благе – чтобы пленницу не отравили её же слуги.

Ага, конечно! Как будто её не могут отравить нынешние по приказу другого короля. Своего.

– Мне надо видеть коменданта! – сказала я Ирен на родном языке.

Незаметно перешла на него, видимо, взяла верх привычка королевы. Бедняга чувствовала себя лишней и ненужной в этой жаркой чужой стране, где цветут диковинные сладкие цвета, а в людях напрочь отсутствует милосердие.

– Поняла, бегу.

Переодеваться я отказалась. Ходила по комнате, заложив руки за спину, наблюдая, как служанки перетряхивали постель, взбивали перину и подушки, проветривали спальню.

Я же изучала отведённые мне покои, пытаюсь больше узнать о той, чья память была пока мне не полностью доступна.

В поисках подсказок, как попасть домой, я подошла к небольшому лакированному столику, где лежало распятие, чётки, инкрустированные мелкими топазами, и молитвенник.

Полистав Писание, не обнаружила никаких подсказок. Или указаний на то, как мне быть. Решила погадать, как в детстве. Открываешь книгу на любой странице, загадывая строчку, и ищешь подсказку.

«Ибо Ты избавил душу мою от смерти, да и ноги мои от преткновения, чтобы я ходил перед лицом Божиим во свете живых».

Отличное начало. Я восприняла это как подсказку: надо изменить сюжет, королева должна выжить!

Это я так подозревала. Что ж, приступим.

– Ваше величество, гранд Арарипе нижайше просит вас последовать к нему, – Ирен любила на людях подчёркивать мой статус.

Насколько удалось узнать из памяти королевы, слуги коменданта не особо жаловали ту, кто не пришлась ко двору его величества.

Почему-то все были уверены, что королева обязана сгинуть от тоски. Зачахнуть и больше не мешать.

Союз с Франкией, с её братом-королём, казавшийся когда-то желанным, вскоре после замужества Бланки, сделался неинтересным ликернийской короне.

А молодая королева, как выяснилось, не поняла своей роли в этой истории. И продолжала пребывать в добром здравии.

К счастью, отравить или умертвить королеву так, чтобы не вызвать подозрений, было невозможно. Магия этого мира и самой королевы блокировало подобные посягательства, пока она не была сломлена морально.

А Бланка находила утешение в молитве и детской вере в то, что король не может не любить и не желать молодую, прекрасную жену.

Но я чувствовала, что в последний месяц что-то поменялось в ней. Надломилось.

Я прислушивалась к телу, которое уже ощущала как своё собственное. Что-то изменилось в последние дни, но что именно?

Мы шли извилистым светлым коридором по ковровым дорожкам, хоть и выдавшим виды, но без потёртостей и дыр. Всюду витал запах пряностей и цветов.

Дорога была мне знакома. Королева часто обедала или ужинала с вдовым грандом Арапипе, втайне сочувствующему её положению. Комендант старался следовать традициям старого рыцарства, обязывающего служить некой недоступной прекрасной даме.

То, что было мне и нужно.

– Ваше величество, я счастлив быть вам полезным.

Гранд поклонился со всем почтением, какое позволял ему статус и больная нога. Он повредил её в сражении на заре юности. Под знаменем короля-отца.

Я бегло огляделась: покои коменданта были едва ли не богаче моих, но всё же уступали им по комфорту.

– Я велел приготовить ваши любимые сласти.

Я посмотрела – подали чай и пирожные, посыпанные корицей и сахаром, некоторые были зажарены в меду и выглядели не менее аппетитно, чем первые.

– Вы очень любезны, гранд. Вы уже слышали, что мой супруг желает видеть меня?

Нам прислуживал молчаливый камердинер коменданта. В комнате стоял у двери с той стороны два младших офицера.

– Я очень рад, ваше величество, что ваше заточение здесь подходит к концу. Я говорил, что надо верить и уповать на Бога.

Мы с грандом перекрестились и вознесли краткую хвалу Господу за пищу, что он послал нам, и за утешение.

Я всё посматривала на коменданта.

Он был далеко не стар, и по его взгляду угадывалась пылкая натура. А ещё я была уверена, что он втайне влюблён в Бланку.

Других благородных дам в его почти приграничном замке не было.

– Мне нужна ваша помощь, – шепнула я ему за столом, когда камердинер и слуга, подающий новые сласти, не могли слышать.

– Ночь нынче душная, если вы не против, донна, мы бы могли полюбоваться рассветом на балконе.

Он многозначительно посмотрел на меня. Я кивнула.

Ага, тайный разговор!

– Извольте.

Когда наши руки соприкоснулись, а гранд помог мне подняться, что было положено по этикету, я ощутила какое-то покалывание.

Восприняла это как добрый знак.

Стоило нам усесться на стульях из красного дерева, сиденья которых были обиты воловьей кожей, я приступила к предложению.

– Его сиятельство гранд Каста желает, чтобы мы отправились в путь уже к вечеру наступающего дня, но я чувствую себя неважно. Однако боюсь, что моё положение будет воспринято им как попытка бунта. Меньше всего мне бы хотелось, чтобы мой супруг решил именно так. Помогите мне.

– В чём я могу быть вам полезен, ваше величество?

Комендант посерьёзней. В его взгляде мелькнуло что-то такое острое, как жало пчелы.

– Я отозвала Ирен, чтобы нам не мешали вести откровенную беседу. Я хочу, чтобы ваш врач подтвердил моё состояние. И я могла бы задержаться здесь, с вами, ещё на один день. Или на два. Лучше на три, конечно. Или на неделю.

Он молчал.

Я же отвела взгляд, давая ему собраться с мыслями.

Балкон замка был ухоженным и утопал в цветах. Они были повсюду: ярко-фиолетовые, красные, оранжевые и лимонно-жёлтые. И под каждым мне чудилась притаившаяся змея, желающая укусить.

И под сладких запахом цветов так легко спрятать другой, запах яда.

– Разрешите вашему слуге услужить вам, ваше величество, – разродился, наконец, мыслью, комендант.

Я уже хотела рассыпаться в благодарностях, но тут комендант продолжил:

– Я ваш покорный слуга, ваше величество, но хотел быть стать кем-то большим. Тогда я готов для вас на всё. Даже пойти против долга. Понимаете, ваше величество, о чём я? Моя единственная королева!

И не успела я даже что-то сказать в ответ, как он уже преклонил передо мной колени и поцеловал мою руку!

Глава

– Вы предлагаете мне дружбу, гранд Арарипе? – пролепетала я, чувствуя, как меня бросает в жар.

Надо же, сейчас этому коменданту даже больная нога не помешала!

Он смотрел на меня с таким обожанием, под которым угадывалось вождение, что я ощутила внутреннюю дрожь.

Проклятая книга! Там ни о чём таком сказано не было!

Королева жила уединённо, фаворитка упоминала, что Бланка была неверна королю, но я считала это просто поклёпом. Ревностью и клеветой.

– Я предлагаю вам защиту, ваше величество!

Он схватил меня за обе руки и принялся покрывать их поцелуями, только тогда я окончательно пришла в себя.

– Гранд Арарипе, как вы смеете?!

Я вскочила, опрокинув стул.

Пошатнулась, оказавшись на краю балкона, голова закружилась. На миг мне показалось, что сейчас меня выкинет обратно в свой мир. Не успела обрадоваться и вздохнуть с облегчением, как всё прошло.

– Оставайтесь со мной, ваше величество! – воскликнул комендант, и я ощутила себя много лучше. Связь с новым телом укрепилась.

Зараза! Это комендант вернул меня обратно? Надавать бы ему леща! Ладно, достаточно просто припугнуть!

– Я замужем за вашим господином, за вашим королём, гранд! Как вы можете предлагать мне предательство?! И уже готовы поступиться честью? Вы же должны меня беречь и охранять!

Я решила воззвать к чести дворянина. В той книге, в Португалии тех времен понятие «честь» было сродни кредитному рейтингу. Низкий – никто тебе руки не подаст. Из банков, ссужающих деньги.

Комендант – человек военный, достойный во всех отношениях, страсть к юной девице, заточенной в его власти, затуманила ему разум, но сейчас я приведу его в чувство.

Мой тюремщик поднялся на ноги и зло посмотрел в мою сторону:

– Вам ли говорить о чести, синьора?! Невиновных корона не наказывает. Чем провинились вы перед его величеством, что он не пожелал вашей красоты и молодости? А что до моей чести, так следите за своей. Вы уже запятнали себя этой ссылкой!

О, теперь я же виновата!

Мужчинам свойственно во всём винить женщину. Покопавшись в памяти королевы, я не нашла за ней вины. Немудрено: её единственный порок – неумение расталкивать локтями соперниц.

– Я так понимаю, вы мне не поможете? – процедила я.

– Зачем вам оставаться здесь дольше, чем хочет ваш супруг? Разве вы не хотели соединиться со своим венценосным супругом?

Он произнёс слово «венценосным», будто король был сифилитиком. Понятно, обиделся. Оскорбился, видите ли!

– Я боюсь и прошу у вас защиты, гранд Арарипе. Мне надо было просто обдумать мой разговор с супругом, примириться с мыслью, что моя жизнь круто изменилась. Возможно, написать брату-королю. Я лишь просила у вас передышки. Не думала, что вы способны воспользоваться слабостью пленницы.

Я повернулась, чтобы уйти, но комендант ухватил меня за руку. Я посмотрела на него так, что тут же получила свободу.

Гранд побледнел и отступил с лёгким поклоном, и когда уже я оказалась у двери, взялась за ручку, чтобы скорее оказаться в безопасности коридора, как комендант произнёс:

– Ваше величество, вы ещё вспомните мою доброту. И пожелаете о принятом решении. Герцог Каста далеко не так любезен и щепетилен, как я.

– Возможно, пожалею, гранд. Но сохраню честь и бессмертную душу.

Португалия тех лет была католической и крайне религиозной. И пусть это не совсем реальность, а книга, всё же написана по мотивам истории.

Значит, упоминание Бога поможет привести в чувства любого благородного идадьго.

По крайней мере, спасёт меня от насилия или принуждения. То, что я королева, ничего не значило без поддержки короля. Я чужачка, опальная и ненужная жена.

И все вокруг это прекрасно понимали. Некому меня защитить, значит, буду сама стараться. На моей стороне знание истории, людей той эпохи и страстное желание вернуться домой.

Я вышла в коридор, где меня уже поджидала Ирен, присевшая на табурет у противоположной стены. И тут же увидела, что не она одна.

Чуть поодаль, оперевшись о стену и сложив руки на груди, стоял великан, которого представили как слугу герцога Каста.

Хотя он более походил на разбойника с большой дороги или кузнеца, не научившегося в своё время обращаться с огнём: правая щека Хьюго, как звали его, была обезображена ожогом.

Завидев меня, он встал прямо и поклонился. И так же молчаливо исчез. Побежал докладывать господину.

– Он давно здесь? – шёпотом спросила я Ирен.

– Пришёл сразу после нас, но стоял тихо, меня ни о чём не спрашивал. Что случилось, ваше величество? Вы бледны и рассержены.

Ирен знала настроение королевы едва ли не лучше её самой.

– Комендант мне не поможет, – бросила я, и уже когда оказалась в своих покоях, отозвала других служанок, чтобы поговорить с Ирен.

Та кивнула и активировала артефакт молчания. Он походил на хрустальный шар и имелся в каждом доме, где того требовали обстоятельства. Подслушать при его активации невозможно, он одинаково хорошо действовал в любом закрытом помещении.

И к счастью, у королевы его не отобрали. Вероятно, считали Бланку покорной овцой, неспособной к серьёзным тайнам.

– Мне нужно написать письмо брату-королю. Сможешь найти человека, чтобы письмо отправили?

Ирен призадумалась.

– Дело трудное, ваше величество. Вы пытались раз с год назад, но гонца перехватили. Нас тогда и отправили в эту дыру, потому что здесь комендант справно выполняет свои обязанности.

– Я только что с ним рассорилась. На него надежды нет.

Я быстро пересказала Ирен всё, что случилось. Она вспыхнула и тут же потянулась к ножкику, всегда висевшему у неё на поясе. Многие мужчины посмеивались и называли его не иначе как зубочисткой, но Ирен метала ножи не хуже заправского ярмарочного фокусника, зарабатывающего этим себе на жизнь.

И те, кто в этом убедились на своей шкуре, уже никому ничего не расскажут.

– Не стоит о него мараться. Его наказание – быть заточенным здесь до конца его дней. Принеси бумагу и чернила. Я попытаю счастье вновь. Дай мне подумать.

Ирен кивнула. Она оберегала тело и душу королевы больше, чем мать Бланки. И была её единственной подругой.

Однако и она посмотрела на меня с неким удивлением. Мол, что на вас нашло!

Бланка смирилась и быстро угасала, а сейчас перед ними была особа, желающая действовать.

Видимо, это настолько не вязалось с прежним обликом королевы, мирно вышивающей крестиком у окна и глотающей слёзы, что было даже подозрительно. Ирен украдкой делала в мою сторону охранные знаки, призванные изгнать нечистого.

Пока она возилась с сундуками, где хранила письменные принадлежности (Бланка не любила писать и читать что-либо, кроме Писания), я подошла к столику для вышивания у окна. Бланка развлекала себя тем, что рукодельничала над рушником для иконы Богоматери для местной часовни.

Работа была закончена на две трети. Искусная, тонкая, я никогда не видела такой красоты, сотворённой человеческими руками!

В душе что-то откликнулось. Работа была важна для королевы. Она знала, что скоро покинет этот свет, хотела оставить после себя память.

Я протянула руку, коснулась лика Богоматери, и меня осенило! Вот он, выход. Конечно же!

– Ирен, готовь ещё одну бумагу! – крикнула я так, что служанка чуть не упала, присев на корточки. – Мне надо написать записку герцогу. Мы встретимся с ним в часовне через полчаса.

Глава 3

Сев за стол для письма, я призадумалась. Вот я, Оля Богуславская, обычная жительница мегаполиса двадцать первого века, сижу и сочиняю письмо средневековой королевы к её брату-королю соседней страны.

У Бланки с ним были неплохие для того времени отношения. Брат был старший, двоюродный, но всё же ближайшая влиятельная родня.

Иоанн или Жан Добрый, так его назовут после, но сейчас, копаясь в памяти королевы, я понимала, что добрым он был по канонам четырнадцатого века.

То есть насилия не чурался, но не прибегал к нему без нужды. Здоровье имел хрупкое, был некрасив, но умён. И при этом не самодур. То есть, помощи от него было ждать можно.

Начитанный и разбирающийся в законах король – уже редкость по тем временам.

Как писать письмо королю, я знала.

«Милостивый государь мой, брат мой!

Пишу тебе из бездны своего отчаяния. Я уже несколько лет томлюсь в замке Мендоса, не видя белого света и лика своего венценосного супруга.

Пользуясь редким случаем послать о себе весточку моему доброму брату-королю, умоляю тебя избавить меня от бесплодности моего существования. Я должна сидеть на троне рядом с мужем, быть его оплотом и поддержкой, рожать ему наследников, но до меня дошли слухи, надеюсь, это клевета, что мой супруг взял себе в наложницы некую Марию Товару, дочь местного канцлера, и одарил её тремя отпрысками.

Молю тебя донести эту весть об оскорблении дома Бурбонов и Валуанцев до Его святейшества, чтобы он своим мудрым отеческим наставлением вернул меня на законное место, а Марию отослал замаливать грехи, как и полагается прелюбодейке.

Я же, в свою очередь, обещаю тебе полную поддержку твоего мудрого царствования со стороны своего мужа.

Твоя любящая и преданная сестра Бланка де Бурбон, законная королева Лузитании и Клермондии».

Я бы написала ещё что-нибудь, но боюсь, для средневекового короля и эти мои послания слишком длинны. Ничего, потерпит ради дела. Я намекнула, что буду влиять на мужа в интересах дома брата, тут он точно ухватится.

Благо, Жан не был дураком по воспоминаниям той же Бланки. Хотя бы потому, что здоровье не позволяло скакать на коне день и ночь, пришлось развивать не тело, но ум.

Я наморщила лоб. Так, по истории Жан написал папе Иннокентию VI, но тот отказался отлучать короля Португалии от церкви. Но ведь король в книге и король в истории не один и тот же человек, это раз.

Да и сюжет книги и истории немного различался, это два. И вишенка на торте – раз я попала в тело королевы, значит, её можно было спасти, это три. По крайней мере, я на это надеялась.

Запечатав письмо к королю-брату своей личной печатью, я принялась за послание герцогу Каста. Вот этот персонаж был для меня настоящей тёмной лошадкой.

В книге фаворитка упоминала о нём вскользь. Тёмный маг, значит, способен на любую низость, как бастард короля-отца. Забывая при этом, что её собственные трое детей тоже были незаконнорождёнными.

Одно ясно точно – человек он опасный. И прибыл сюда с вполне определённой целью – не позволить Бланке добраться до короля, при этом обставив всё так, что королева умерла от болезни или несчастного случая. Ненужная королева, наконец, перестала мешаться под ногами.

«Ваше сиятельство!

Молю вас о встрече в часовне Святой Терезы.

Мне есть что вам сказать и сделать это я хочу под сводами храма. Это касается предстоящего путешествия».

Подписываться не стала. Он и так поймёт, от кого письмо.

Я позвала Ирен и велела помочь мне переодеться в более скромное платье.

Оказалось, парадных у королевы и не водилось, кроме того, что сейчас было на мне, потому что раз она в опале, то и незачем тратить на её наряды золотую парчу и дорогие шелка. И деньги из казны лучше употребить на наряды фаворитки.

Я читала в книге описания её платьев, автор уделил этому чуть ли не три страницы.

Ну, этим мы ещё займёмся.

А пока Ирен приготовила мне несколько платьев на выбор. Мой пал на тёмно-синее.

– И вот эту чёрную мантилью поверх.

– Это вдове платье, ваше величество. Оно не к лицу молодой женщине.

– Думаешь, герцог оскорбится моим видом?

Я разглядывала себя в зеркале. Да, будто меня живой в гроб собрались класть. Впрочем, пусть это будет укором его сиятельству.

Здесь все крайне религиозны, пока дело не касается устранения неугодных королю людей, пусть посмотрит на меня. Бланка в его представлении так и должна выглядеть.

Я позволила себе нанести ещё одну каплю духов. Они прочищали разум и укрепляли дух.

– Синьор Паскуаль говорил, что его духи способны предсказывать судьбу.

Снова что-то такое шевельнулось в памяти, и тут же выветрилось из головы. Эту часть прежняя Бланка запрятала подальше, будто стыдилась своего знакомства с парфюмером, колдующим над созданными ароматами, подобно алмихику над склянками.

Теперь я была готова.

Часовня находилась при замке, окружённым небольшим поселением.

Как только я вышла на улицу, чтобы перейти по внутреннему дворику в часовню, меня обдало жарким воздухом. Он как мороз пробирал до костей, мне хотелось поскорее очутиться в прохладе и полутьме часовни, но приходилось идти чинно и важно.

Впрочем, я решила немного осмотреться.

Внутренний дворик был выполнен из белого камня, в центре его стоял фонтан, увенчанный фигурой Святой Терезы, покровительницы этих мест.

Скульптура представляла собой молодую женщину, стоявшую чуть склонив голову, покрытую платком, руки её были опущены и чуть разведены в стороны, будто женщина гнала на смотревшего ветер.

Сопровождающие меня две матроны внушительных форм и почтенного возраста перекрестились, я последовал их примеру.

– Хотели видеть меня, ваше величество? – услышала я рядом голос герцога Каста и вздрогнула.

Он казался мне дьяволом во плоти.

Тёмные, длинные волосы были перехвачены сзади в хвост, украшенный заколкой с рубином по тогдашней моде, мужчина умел выжидать удобного момента, будто точно знал, что он вскоре наступит. И любил подкрадываться, как если бы желал и умел читать чужие мысли.

– Хотела, ваше сиятельство. Пройдёмте внутрь.

Герцог поклонился и пропустил меня вперёд. Я чувствовала на себе его пристальный подозрительный взгляд.

Он не соблюдал этикет и не хотел казаться любезным. Уверена, в глубине души считал, что это он оказывает мне благодеяние.

– Вы верите в предчувствия, ваше величество?

Вопрос – провокация. Скажу «да», это будет означать нетвёрдую веру в Бога.

– Нет, ваша светлость. Я верю в Бога.

Под стенами часовни я чувствовала себя защищённой. Бланка любила бывать здесь. А куда ещё ей ходить?

– У меня бывают такие мгновения, когда я угадываю намерения собеседника. Но я тёмный маг, нам простительно. Вот сейчас, к примеру.

И он бесцеремонно, под ропот моих сопровождающих взял меня за руку и посмотрел в лицо.

Его прикосновение было холодно, от него веяло могилой, но я не посмела отнять руки. Хотелось услышать то, что он намерен мне сказать:

– Вы желаете затянуть наш отъезд. И у вас ничего не выйдет, ваше величество.

Он помолчал и тихо добавил:

– Если вы не подчинитесь воле короля, у меня приказ доставить вас в любом состоянии. Живой или мёртвой.

Я вздрогнула и отдёрнула руку.

– Вы угрожаете мне? Своей законной королеве? – начала я, но быстро увидела по его тёмным как ночь глазам, что этим его не пронять. Он был готов угрожать, уничтожить меня, если на то воля его хозяина.

А ещё я увидела, что он горд. На этом и сыграю.

– Бездумно выполняете приказа, которого не было? Как мой супруг получит законного наследника, если я буду мертва?

И увидела ответ в его лице раньше, чем закончила говорить. Королева мертва – король свободен жениться вновь. Но на то требуется год траура, а новая супруга не факт, что забеременеет сразу.

– Вы слышали о трёх бастардах короля?

Герцог будто подслушал мои мысли.

– Разумеется, слышали, ваше величество. И его бессменной всесильной фаворитке Марии Тавора тоже? Она дочь канцлера, к чьим советам прислушивается король.

Он подходил ближе и ближе, как хищник, уверенный, что жертве больше некуда отступить. Мы были под сводами часовни, мы были не одни, и всё же ему оказалось плевать.

– Сколько вы провели подле короля после свадьбы?

– Два дня.

– Говорят, вы не понравились его величеству.

Я вспыхнула. Всё внутри, остаточные мысли Бланки всколыхнулись, как море перед штормом:

– Его величество покинул меня в церкви после венчания. Я больше не видела его.

Это было истинной правдой, горькой правдой для юной королевы. Она задавалась вопросом, почему так случилось, что король пренебрёг даже первой брачной ночью? И, конечно, ответа не находила.

Я тоже.

Предположила бы, что слаб по мужской части, но три ребёнка от Марии отвергали эту теорию.

– Эта церковь не похожа на ту, где вы венчались, верно? – усмехнулся герцог и отступил, рассматривая своды часовни.

Мои слуги, его провожатый держались поодаль. Они всё видели, жалели меня, должно быть, но даже если герцог сейчас вытащит кинжал и заколет меня, то никто не вступится. Он наделён властью короля здесь. Этого достаточно.

Поэтому надо вести себя осторожно. Всё во мне дрожало, но каким-то чудом я сохраняла самообладание. Я должна спасти королеву и вернуться к себе. Вырваться со страниц книги, которые даже не были написаны.

Бланка всем казалось неинтересной, даже автору, посвятившему сотню и тысячу сверху слов мыслям и чувствам фаворитки. Если раньше я испытывала к Марии Тавора брезгливость, то теперь это чувство грозило перерасти в ненависть.

– Вы сами знаете, ваше сиятельство, – ответила я, склонив голову.

– Позвольте, провожу вас до скамьи, коли угодно помолиться.

Пришлось снова подать ему руку.

– Вы богохульствуете, ваше сиятельство, – произнесла я тихо, хватаясь за разговоры о церкви, как о чём-то таком, что способно сдержать тёмное начало герцога.

Кем бы он ни был, кем бы не считал себя, а церковь в то время была важнее прочего. Нельзя сделать вид, что гнев Господа тебя не страшит. Иначе можно попасть в еретики, а в этих вопросах церковники строги со всеми чинами.

– Я просто чувствую себя здесь приёмным сыном. Это место и ему подобные созданы для таких, как вы. Добрых овечек и светлых магов. Но не думайте, ваше величество, что я не уважаю вашу веру или не имею своей. Просто мы с вами верим в разного Бога.

– Как такое возможно?

Наконец я села. В часовне было тихо и ни души. Где служки и сам священник? Разве они не должны быть при церкви постоянно?

– «Я принёс вам не мир, но меч». Так о чём вы хотели поговорить, ваше величество?

Он уселся рядом и всё же в некоем отдалении. От брата короля, если он вправду был им, а тут ходили разные слухи, – веяло силой и желанием исполнить свой долг до конца. Но это не был слепой фанатизм. Скорее уверенность в правоте.

– Я принесла обет до того, как вы приехали. Обещала вышить покрывало в часовню. Но работа ещё не окончена. Требуется месяц или около того.

– Забудьте. Обратитесь к духовнику, он освободит вас от обета.

Чего-то такого я и ожидала. Известная практика в те времена. Дал обет – капеллан освобождает тебя от него, если станет тяжело соблюдать обещание.

– Монахини закончат ваше шитьё, ваше величество.

И снова смотрит на меня и насмешничает. Изучает, заходит с разных сторон.

– А если этот комендант станет чинить нам с вами препятствие к отъезду, я имею власть сместить его. Для таких, как он будет честью умереть на поле боя. Мы всегда находимся в состоянии войны с соседями, но это политика, она вряд ли интересуется ваш женский ум, занятый вышиванием.

Королева бы смолчала. А я не стану.

Ишь ты, какой шовинист! Я тебе ещё покажу, чем занят мой ум! Да я книг прочла больше, чем ты за всю жизнь!

– Читали сами?

Блин, я что сказала это вслух?!

– Сама. Но мне нужно три дня, чтобы закончить покрывало Святой. И на этом всё.

Я встала, перекрестившись, и пошла к выходу, услышал в спину:

– Один день, ваше величество. Завтра мы уезжаем.

Выходя из храма, в полутьме притвора – части храма, где стоит чаша со святой водой для омовения – кропильницей, я зачерпнула её в ладонь и умылась. К счастью, никто не видел. Перекрестилась по обычаю, на всякий случай, тело делало всё обряды на автомате, Бланка действительно была почти как та святая, кому она молилась.

И направилась к выходу.

– Ваше величество, – донёсся мужской шёпот откуда-то сбоку.

– Кто здесь? – в испуге отшатнулась я.

Герцог вполне мог нанять человека, чтобы избавиться от меня.

– Это я, ваше величество. Доктор Алонсо. Я могу помочь вам.

Фигура выступила из темноты, и я узнала шепелявого доктора, который жил в замке. Незаметная, неприметная фигура, Бланка почти с ним не разговаривала, боясь, что всё это сочтут за вольности и обвинят в грехе. Королева должна быть вне подозрений.

Бедняга не понимала смысла нашей пословицы: не по-хорошему мил, а по милу хорош. Не важно, как добродетельна будет она, если не мила королю.

– Чем же вы можете помочь мне?

Бланка бы отказалась от всяких интриг, а я решила, что для достижения цели все средства хороши.

– Не здесь, ваше величество. Сошлитесь на боли в животе и позовите меня как можно скорее. Я давно желаю послужить вам, моя королева.

Доктор – коротышка и человек самой неприметной наружности, как бабочка-капустница на листе той самой капусты – попятился к выходу и был таков.

Глава 4

Я не стала ни с кем делиться этим предложением нечаянной помощи.

Не то чтобы не доверяла Ирен, но, во-первых, нас могли подслушать, во-вторых, пока я сама не решила, кому следует доверять.

В книге королева сразу покорилась воле супруга. Обрадовалась, как с насмешкой писала фаворитка, и полетела на огонь. Немудрено, мол, что он спалил её. Огонь чужой страсти, потому что не надо, мол, мешать истинной любви!

Но я была не Бланка. Возможно, каким-то мистическим образом я попала сюда, чтобы её спасти? Тьфу ты, что за ерунда? В книгу?

Это же нереальные люди! Может, я вообще во сне и каким-то образом не могу никак проснуться?

В коме, например.

В любом случае, чтобы этот душный кошмар скорее закончился, необходимо спасти королеву.

– Я чувствую боли в животе, – произнесла внезапно, выронив Писание.

Я открыла его, чтобы избежать разговоров с Ирен. И думала пока над тем, что в другой, настоящей своей жизни тоже верила в Бога. Когда была маленькой.

Отец ушёл из семьи, лишь мне исполнилось семь. Он взял с меня обещание быть хорошей девочкой, и я была ею! Молилась на ночь неистово, как этой Бланке и не снилось, но Бог остался глух к моим мольбам. Как и мой отец.

Наверное, им обоим было не до меня.

Бог не ответил и на молитвы Бланки. Она так и не поняла, что ей как бы говорят свыше: эй, бери судьбу в свои руки, девочка!

И я взяла за нас обеих. Надеюсь, когда она снова очутится в своём теле, будет мне за это благодарна.

– Опять боли? Я позову духовника, его чтения Псалтыря всегда вам помогали.

Ирен металась по комнате, открывая окна, но от этого духота не уменьшалась, а лишь усиливалась. Тогда она налила в тазик холодной воды из кувшина и промокнула ей мой носовой платок, чтобы приложить его к моему лбу.

Я же лежала на постели и не забывала жалобно поскуливать. Испытывала муки совести от того, как растерялась Ирен, будто её госпожа собралась помирать. Я увидела на её лице эту мысль: уж не отравил ли комендант королеву по тайному приказу герцога?

Я даже натурально похолодела, так мне показалась эта мысль здоровой. А что? И вести непокорную Бланку куда не надо. Померла. Помаялась животом ещё накануне приезда герцога, хворь эта с ней приключалась, как я подозревала, от нервов, регулярно.

Свидетели есть, а с прочих не спросят.

– Нет, – вымолвила я тихим голосом. – Позови доктора Алонсо.

– Доктора? – переспросила Ирен, будто я сморозила невероятную чушь.

Я быстро порылась в доступной памяти Бланки: она почти не виделась с этим доктором, который слыл человеком со странностями. С какими точно – никто не знал.

Вроде любил препарировать тела собак и рогатого скота, но здесь я не видела ничего необычного.

– Вы уверены, ваше величество? Говорят, он слегка тронутый, его лекарства могут быть опасны.

– И оставь меня с ним наедине. Я буду осторожна.

– Наедине? Но это против правил, – Ирен стояла на своём. Она привыкла, что королева – женщина мягкая, привыкла во всём ей доверять. Чаще всего это спасало Бланке жизнь. Но я не Бланка!

– Моя репутация столь безупречна, что ей ничто не повредит. И это же доктор. Мне нужен его совет.

Словом, Ирен посмотрела на меня так, будто душевный недуг доктора Алонса вдруг перекинулся и на меня. Ушла выполнять приказ, разве что лоб мне напоследок не потрогала.

А я подумала, что сама книга или судьба послали мне этого доктора.

Прибыл он почти сразу вместе с той же Ирен. Она нехотя вышла только после того, как я всё-таки дала потрогать себя и убедиться молочной сестре, что жара нет.

– Я слушаю вас, господин Алонсо. И благодарна вам за предложенную помощь. С нетерпением желаю услышать, чем вы можете мне помочь, – начала я, внимательно следя за коротышкой.

Он был не слишком опрятен даже для обычного гражданина, а уж для доктора и подавно.

Сальные редкие волосы до плеч, всколоченная жидкая бородёнка чёрного цвета то ли от чернил на пальцах, коими он частенько почёсывал подбородок, то ли от немытости.

Но мне было не выбирать.

– Ваше величество, – зашепелявил посетитель, а масляные, глубоко посаженные глазки грозно сверкнули. – Мне надобно вас осмотреть, чтобы вынести вердикт.

И посмотрел так, словно хотел добавить: за нами наблюдают, надо быть вне подозрений.

А у меня они тут же родились. Больно вытягивал доктор шею, словно уже представлял, как будет ощупывать меня в самых сокровенных местах.

– Я подчиняюсь, но согласно предписанию Святой церкви, могу предложить вам только осмотр поверх нижней сорочки. И в присутствии моей служанки.

Предписания действительно существовали. Доктор, как мужчина, был допущен и к королеве, если того требовало здоровье последней, но тут необходимы меры предосторожности. Ранее Бланка не допускала его до своего тела совсем, предпочитая учёную сестру-монахиню, помогающую отцу Гомешу в часовне по праздникам.

А так как жила она не в замке, а как и полагалось, в монастыре, путь до которого занимал часа два, то приходилось её ожидать порой и дольше.

Бланка привыкла терпеть. И физические страдания, и духовные.

С поддержкой Ирен, изображая страдания на лице и готовность их переносить, я освободилась от верхнего платья и легла на кровать на спину. Прикосновения доктора к моему животу были осторожные, деликатные. Я чуть было не прыснула со смеху, когда он мял живот возле пупка, но вскоре мне стало не до веселья.

Рука доктора, его склонённое надо мной лицо наводили на мысль, что он испытывает возбуждение от прикосновения ко мне.

Такое сильное, острое, что я ощущала его как плиту, вдавливающую меня в кровать.

И ждала, пока затянувшийся осмотр, наконец, закончился. В присутствии Ирен доктор Алонсо ничего мне не сделает, а надо быть очень аккуратной, отталкивая возможных союзников.

Мне позарез нужно вернуться, я хочу снова стать собой – студенткой истфака, над которой нависает угроза не найти приличную работу, а не потерять жизнь.

Всё, что я читала в книгах, о чём додумывала, изучая мемуары или исторические сводки, вдруг предстало передо мной живой стеной, отделяющей от прошлой жизни.

– Разрешите мне поговорить с вами, ваше величество. Боюсь, ваше состояние серьёзнее, чем я полагал – шепелявил доктор, пронзая меня взглядом. Он отошёл к тазику омыть руки, а я накинула на себя а-ля халат с расшитыми по краям рукавов и подола красными цветами.

Расцветка более соответствовала фаворитке. Покопавшись в памяти Бланки, я поняла, что она его и подарила, что уже само было по себе неслыханной дерзостью. Но с молчаливого согласия короля сносили и не такое.

Я подошла к окну, велев его открыть настужь. Во-первых, душно, во-вторых, пусть доктор сдерживает свои порывы, боясь, что нас могут подслушать.

– Ваше величество, эти боли в животе, они носят определённый характер, – начал Алонсо, облизав губы. – Вам говорили, что они лишь отражение вашего внутреннего состояния?

– О чём вы? Я не сильна в целительстве.

Пусть изъясняется определённое. Я смотрела пристально, и доктор истолковал всё в своём ключе. Осмелел:

– Они говорят о том, что вам необходим мужчина. Ваше тело просит ребёнка, и если естество не получит требуемого, вы умрёте.

В жизни не слышала большего бреда! Но чего было ожидать от средневековой медицины! Или от того, кто говорил от её лица, тайно желая королеву. И решил воспользоваться-таки её беспомощным состоянием.

– И что вы предлагаете? Как можно скорее ехать к супругу?

Дурак, этого я и не желаю! И вообще, куда он клонит?

– Я бы мог помочь вам, ваше величество. Но прошу взамен только маленькую толику вашего внимания. Я готов служить вам до конца свои дней, если буду иметь честь видеть вас наедине хотя бы пару раз в месяц. Слышать из ваших уст слова признательности и... любви.

Ну вот, наконец, определённые условия!

Бланка, наверное, захлопала бы глазами от обиды или прогнала доктора, ужаснувшись, что её могут уличить в намерении измены. Всем известно, на что способен отвергнутый мужчина, если к тому же он ещё и низкого происхождения! Тут он будет беспощадно мстить Бланке.

Надо просто дать уклончивый ответ. Это я умела ещё в прошлой жизни!

– Я в отчаянном положении, доктор. Я с радостью приняла бы ваше предложение, но за мной следят. Я постараюсь что-то разведать и подумать, как нам с вами чаще видеться. И буду ждать знака свыше, как мне поступить.

И пожала руку Алонсо, чтобы тут же быстро отойти от окна.

Ещё она ниточка привела в никуда!

Когда доктор удалился, Ирен отослала всех слуг, навела мне тёплого молока с мёдом и села в кресло напротив. Сжала руки в замок и приготовилась слушать.

Я вкратце пересказала ей все доступные варианты.

Теперь ясно, что союзников, кроме неё, у меня нет.

– Я нашла мальчишку, который снесёт письмо в город Сетубал, а от туда верный человек переправит его в порт. Но вы понимаете, Бланка, письмо вряд ли доедет до его величества. Тут слишком много жадных рук замешано.

– И всё же можно попробовать. Прошлого же добралось.

Год или около того Бланка уже связывалась с братом. Никакого толка это не принесло, но всё же метод был известный.

– Пусть ко мне придёт духовник. Я желаю исповедаться.

Вот он мой последний путь! Если и тут труба, не знаю, что и делать!

Духовник, отец Педро, явился по первому зову. Что было немудрено – других дел в замке у него не было.

К сожалению, духовника Бланки заменили на второй год её пребывания здесь на другого, более лояльного партии канцлера и фаворитки. Уверена, он доносил обо всех её мыслях своим хозяевам вопреки распоряжению Святой церкви о тайне исповеди.

Бог высоко, а канцлер и фаворитка не погнушаются на расправу. И будут щедры на награду.

На что же тогда я надеялась?

На то, что прошло несколько лет, а духовник так и остался при мне. Помимо богатых даров, его наверняка интересовало назначение в выгодную епархию.

Увидев духовника, я поняла, что не ошиблась в расчётах. Это бы пожилой, степенный и крепкий мужчина, во взгляде которого светились тоска и разочарование.

– Да благословит тебя Господь, дочь моя! – начал он заунывным голосом. Но мыслями витал где-то далеко.

– Отец мой, – начала я. – Прости мне грехи, ибо я виновна в них.

После требовалось произнести покаяние. Обстоятельно рассказать всё, что могла ему предложить, не выдав себя. И выудить информацию от духовника.

– Господь испытывает мою веру и терпение, – начала я издаലെка. – И насылает на меня странные сны.

– Что за сны, дочь моя? Их посылает не всегда Господь, но и Враг рода человеческого.

– То и смущает, отче. Ибо я чувствую, что близка к награде за свою покорность.

Речь я набросала в уме заранее.

– Во сне я беседовала с неким духовным лицом, чей образ был скрыт от меня, но это точно были не вы и не священник при часовне. Во сне он говорил мне, что я должна быть откровенна. И я была, отче. Но тут он спросил, почему я не пишу брату-королю, не прошу его помочь моему супругу, ведь первейший долг жены – во всём быть опорой своему мужу. Облегчать денно и ночью его труды, тем более, когда на его плечах лежит забота о всём королевстве.

Я говорила, прям с упоением наворачивая фразы. Мне это было нетрудно: я была наслышана о культуре и традициях, о языковом этикете того периода, и память Бланки сама подсказывала фразы, когда дело касалось религии. Бедняга нашла в ней своё утешение.

Благочестие – удобная ширма. Здесь все ей прикрывались, как щитом, лишь одна Бланка да ещё Ирен и, возможно, священник в часовне верили настолько искренне, что казались окружающим чудаками.

Блаженными, коих легко обвести вокруг пальца. Я ещё преподнесу врагам сюрприз!

Так я пела о своём долге, здесь все о нём говорили, когда не хотели что-то делать, или желали сотворить что-то не слишком одобряемое обществом. И духовник слушал со всё более возрастающим интересом.

Особенно когда я заговорила о том, что я хочу сделать пожертвование в крупный монастырь. От Ирен и из памяти Бланки знала, что именно там самые жирные вакансии для священнослужителей, желающих построить духовную карьеру. Вот и закинула удочки.

Ты мне – я тебе.

И всё же видела, что отец Педро колебался. Королева я опальная, мало ли что? Опасно ставить на тёмную лошадку.

– Мой супруг призвал меня к себе, чтобы я подарила стране наследников, – выложила я на стол последний, самый веский аргумент.

Мать наследников совсем не то же самое, что отвергнутая жена.

Я видела, что духовник сейчас сдастся и возьмётся передать письмо, к которому я приложила серёжки с рубинами. Часть моего приданого. «На благотворительность». Отец Педро обязался продать их ради столь благого дела.

Понятно, что заберёт себе. Жалко драгоценности, в моё время они имели большую историческую ценность. Если бы их обнаружили. У настоящей, не книжной, королевы Бланки, как написано в мемуарах её убийц, ничего не нашли.

И только я обрадовалась, что дело движется, как в открытое окно влетел огромный серый попугай, сел на подоконник и громко закричал:

– Я всё слышу, всё слышу. Всё расскажу!

И добавил такое смачное ругательство, что у отца Педро покраснели уши.

Глава 5

От неожиданности я чуть не упала с кресла.

Во-первых, я не ожидала увидеть говорящего попугая жако в этом мире. Во-вторых, он ругался так естественно, будто был не попугаем, а заколдованным сапожником.

И в-третьих, это пернатый гад говорил, что всё слышал. Это-то и волновало сильнее прочего. Кто знает, как оно в этом мире, вдруг здесь и попугаи разумные?

– Кто это? Что за птица? – пролепетала я, быстро придя в себя.

– Слышал, что это пернатый нахал его сиятельства герцога Кастра, – пролепетал духовник и на этот раз побелел лицом.

Час от часу не легче!

– Это просто глупая птица! – добавил духовник

– Я Сирус, я умный, глупая девка! – разразился жако, склонив голову набок.

– А я сейчас тебя поймаю, ощипаю и суп себе сварю!

Я схватила полотенце и совсем не по-королевски кинулась на него, как с палицей на врага.

– Я тебе сейчас устрою!

Тут я тоже вспомнила ругательства, и попугай от неожиданности даже приподнял перья на голове.

Едва успел увернуться от моего полотенца и против ожиданий не вылетел в окно, а принялся кружить по комнате. Я, вся горя желанием прибить хоть кого-то, раз мой план снова пошёл по мягкому месту, бегала за ним с таким видом, что духовник перекрестился и пробормотал что-то насчёт Дьявола. Вероятно, думал, что я одержима.

– Закройте окно! – закричала я, пытаясь преградить птице выход.

Духовник ожил, кинулся к окну, и тут же дверь распахнулась. Вбежала Ирен, за ней тот самый великан Хьюго – слуга герцога Каста. Через пару минут вошёл с противной улыбкой и сам герцог.

– Сирус, ко мне лети! – скомандовал он и вытянул руку, на которую тут же уселся, как на жёрдочку попугай.

Покосился в мою сторону, обиженно проклёкал по-птичьи и тут же снова ругнулся вполне по-человечески.

– Что вы обижаете беззащитную птицу, ваше величество? – с насмешкой в голосе обратился он ко мне.

Я заметила, как духовник выскользнул в дверь безгласной тенью, бормоча под нос то ли молитву, то ли проклятия. Больно исказилось его лицо.

Но долго следить за духовником мне было некогда.

Я пригладила растрепавшиеся волосы и ответила, глядя герцогу в лицо.

– Что это за фокусы, ваше сиятельство? Вы подсылаете ко мне следить свою птицу? Во время исповеди?!

Даже не надо было пытаться изобразить гнев, я и так была готова всех разорвать собственными руками.

– Я не подсылал, вероятно, Сирусу стало любопытно посмотреть на новое лицо, вот он и осмелел.

И взглянул на попугая как на любимое животное. Погладил птицу по голове, и тот прокаркал: «Сир-рус хор-р-роший!»

Голос у попугая был резким, как наждаком по стеклу водили.

– Вы получили разрешение обета на свои вышивания, ваше величество? – герцог снова посуловел и посмотрел на меня как на провинившуюся служанку. – Полагаю, вы за этим позвали духовника?

Ага, попробуй сказать «нет».

– В том числе, ваше сиятельство. Но, как я говорила ранее, мне потребуется три дня. Вы же мне дали один. Я не успею.

Гнев мой утих, я всё ещё надеялась, что случится чудо, и я задержусь здесь. Отправлю письмо брату либо через Ирен, либо через духовника. И машина закрутится.

– Хьюго, возьми Сируса, хватит с него полётов на сегодня, – герцог специально не отвечал мне. Обращался к своему слуге, к кому угодно, но игнорировал меня.

Я заметила красное родимое пятно на его шее в виде летящей птицы. Оно было небольшим, скрытым воротником, но всё же когда герцог повернул голову, я его заметила. Надо будет выяснить потом, что за отметина такая!

Знак тёмного мага? Принадлежность определённому дому?

На теле Бланки подобных пятен точно не было.

И пока я об этом раздумывала, герцог выгнал всех слуг, моих и своих, чтобы продолжить мне угрожать наедине.

Надеялся сломить?

– Вашу служанку Ирен удалось выгнать только под угрозой, что пострадаете вы. В наше время сложно найти настолько преданных слуг, ваше величество. Что вы ей посулили?

Он ходил по моей комнате, бесцеремонно разглядывая её небогатое убранство.

Моя обитель, действительно, выглядела так, будто её хозяйка стеснена в средствах. Кроме витражного стекла и кровати с пышным балдахином, в остальном интерьер просторной спальни, она же приёмная, отгороженная ширмой, здесь же будуарная с лакированным комодом и трюмо, видал лучшие времена.

Мебели мало, имеющаяся явно была в употреблении ранее, хоть и сделана из ценных пород дерева и украшена модным птичьим орнаментом.

– Ирен – моя молочная сестра. У нас с ней в этой стране больше никого нет.

Я жестом указала герцогу на стул и села в кресло, расправив складки платья.

– Вам, видимо, известно, ваше сиятельство, что меня лишили слуг, прибывших со мной из дома.

– Это сделано для вашего блага, ваше величество. Я лично порекомендовал его величеству подобную меру, чтобы вам не причинили зла.

– Мои же слуги из родного дома?

– Вы больше не принцесса той страны. Вы королева этой, а интересы стран, бывших союзниками, иногда расходятся, ваше величество.

И снова посмотрел на меня синими глазищами, сверкнул им, прищурился. Замолчал.

Проверяет, буду ли я возмущаться решением короля. Чтобы потом обвинить меня в недостаточной верности короне. Ага, не дождёшься.

Я бесстрашно смотрела ему в лицо. Изучала острые скулы, выразительную линию бровей, губ.

Противник был, пожалуй, даже красив, но от его мужской стати веяло такой тьмой, омутом, в котором недолго утонуть.

Стоишь над тёмной водой, ловишь в ней еле заметные движения неведомых существ, а потом раз – закружилась голова, и тебе конец!

– Вы думаете, что я дурочка? Принцесса правящего дома совсем далека от политики?

Мне так хотелось стереть эту самодовольную ухмылку с лица герцога.

– Я, например, осведомлена, что вы заседаете в Тайном Совете. И ваши помыслы, как и действия, направлены исключительно на благо королевства.

– Приятно удивлён, что вы это понимаете. Тогда не станете обижаться на необходимые меры.

– Вы имеете в виду, что брат мог приказать устранить меня через доверенных слуг? Тогда непонятна ваше распоряжение держать меня в этом Богом забытом месте, – улыбнулась я в ответ.

Что-то такое вспыхнуло в глазах противника и погасло. Я поёжилась, как от мороза.

– Ваше величество, вижу, вы не по годам догадливы.

– Я получила хорошее образование. Королева должна разбираться в политике, если хочет угодить королю.

– Для этого у него есть министры, ваше величество. Долг королевы – рожать здоровых наследников. На этом и закончим политический диспут. Будьте готовы. Завтра после обеда мы выезжаем, ваше величество. Поторопитесь с вышивкой.

Снова последнее слово осталось за герцогом. Я сидела, соображала, что ещё смогу придумать, но идеи кончились.

Что я могла ещё сделать? Надо бы отправить письмо, сделать копии с него, чтобы в случае чего отправить сразу несколько. Может, хоть одно дойдёт до брата-короля?

И меня снова осенило. Почему бы и нет?

– Ваше сиятельство, я хотела бы написать супругу письмо. Сможете сделать так, чтобы оно пришло раньше, чем я приехала?

Я вспыхнула, но почла за лучшее промолчать.

Герцог явно хотел вывести меня из себя.

Мы танцевали придворный танец бассе, много позднее он трансформируется в павану. Танец неторопливый, напоминающий придворное шествие. Безо всяких прыжков и вывертов, тут я физически не могла наступить партнёру на ногу. Ну разве что вначале один раз, нечего мужчине, тем более тёмному магу, быть таким неженкой!

– Молчите? Нечего сказать?

– Не хочу давать вам повода для новых насмешек, ваше сиятельство. Вы пользуетесь моей беззащитностью.

– Пока ещё не пользовался, – пробормотал он, поглядывая на меня с интересом.

Не любовным, а так, как сытый смотрит на дикую утку – стоит ли зажарить и попробовать, или пусть пока летает. Домашние ещё не все съедены.

– Я умею танцевать, но давно не практиковалась.

Ага, года три точно! Как Бланку заперли в этом месте, так она вздыхала, молилась и вышивала. И читала Святое Писание, находя утешение в обещании будущей жизни.

Теперь они все, все они, кто думали, что от Бланки легко будет избавиться, пожалеют, что недооценили. Меня, попавшую в тело несчастной по ошибке.

– Вы грустили? Жалко покидать насиженное гнездо?

– Здесь не мой дом, я возвращаюсь туда, где моё законное место, – ответила я, гордо смотря на партнёра.

Ну этот тип несносен! Я с удовольствием взгляну на его лицо и лица фаворитки с королём, когда они увидят, что Бланка добралась до столицы живой и здоровой!

Перед тем как вернуться, прям даже что-то колкое им скажу. Я верила, что в этом моя миссия здесь – спасти королеву. Доставить её к супругу. А там они без меня сладят.

О том, где сейчас настоящая Бланка, я не думала.

Не моё это дело.

А между тем герцог сжал мою кисть и поклонился по завершении танца:

– Тогда тем более непонятно ваше желание задержаться здесь.

– Я просто боюсь перемен и тех, кто их для меня приготовил, – пролепетала я, опуская глаза.

Всё-таки не стоит показывать свой боевой настрой в полной мере. Пусть думают, что я всё та же покорная королева-девочка, живущая вдали от своего супруга и ничего не смыслящая в расстановке сил при дворе.

Герцог довёл меня до стола, где комендант сидел, будто кол проглотил. Бросал на меня умоляющие взгляды через стол и помалкивал.

– Гранд Арарипе, вы, должно быть, счастливы, что его сиятельство избавит вас завтра от тягостного бремени по моему содержанию.

– Что вы, ваше величество! Я был счастлив принимать столь высокую гостью под этим кровом! Жалею, что не смогу насладиться вашим обществом и далее.

– Вы осуждаете приказ короля? – спросила я, радуясь, что верну ему все колкости в свой адрес.

Сейчас комендант побелеет, затрясётся, герцог вцепится в него, как бульдог в кость, просто так, ради смеха, дабы отточить остроту слова, и оба дадут мне время собраться с мыслями.

Впрочем, мне просто хотелось отдохнуть от злословия нового тюремщика. Нам ещё предстоит общая дорога, где я должна ежеминутно быть начеку.

Изменить сюжет проклятой книги, только я не представляла как, ведь она была написана от лица фаворитки. И сам брат короля и королева почти в ней не фигурировали! Избежать дороги, если не случится чудо, мне тоже не удалось.

Словом, настроение было так себе. Ещё и еда коменданта оказалась пресной и невкусной. Кондитер у него хороший, а повар так себе, немудрено, что Бланка всё худела и чахла в замке Мендоса.

Ужин завершился раньше, чем часы на башне замка пробили девять. Я была этому рада. Сослалась на то, что надо отдохнуть перед дорогой, и отправилась к себе.

– Вы больше никогда сюда не вернётесь, ваше величество. Не извольте беспокоиться. Это я вам обещаю, – прощаясь, произнёс герцог. Он улыбался, но глаза оставались ледяными.

Я понимала, что он имеет в виду. И боялась его ещё больше.

Не вернусь. Конечно, гранд, потому что вы убьёте меня по дороге по приказу фаворитки.

Спала я в ту ночь неважно, несмотря на отвары Ирен, мне всё чудилось, что наёмный убийца подкрадётся среди ночи.

Герцог видел, что я не так покорна, как он ожидал, так к чему ждать подходящего случая? Здесь в моей смерти могут обвинить слуг или коменданта. Мол, не хотели отпускать королеву.

Бред, но мне было так душно, будто кто-то уже накинул мешок на голову. Ирен приходилось подать влажный платок, чтобы я могла вытирать себе лоб и руки. Сплитов пока ещё не придумали, а задействовать кристаллы охлаждения в этом Богом забытом месте никто не считал нужным.

Клопов в постели нет, на том и скажи спасибо!

Я встала и прошла к столу, на котором лежала Библия. Ради развлечения, а первый раз сработало, я загадала желание вернуться в свой мир, и чтобы герцог меня не убил.

Открыла наугад страницу и прочла сверху: «Только Он – твердыня моя, спасение моё, убежище моё: не поколеблюсь более».

Не знаю, как это работает, но похоже на совет – держись, девчонка, герцога. Ищи, как переташить его на свою сторону.

Удивительно, но как только я получила предсказание, так заснула спокойно.

А рано утром меня разбудили отборные ругательства, доносящиеся с улицы через открытое настезь окно.

Глава 6

– Не лучше ли будет всё рассказать при встрече? – спросил герцог и повернулся ко мне с таким видом, будто подозревал в чём-то.

Например, в том, что я знаю о его намерениях не позволить ненужной королеве попасть к королю.

– В пути может стать всякое, и я хочу изъясниться с его величеством раньше, чем он меня увидит. Вероятно, он уже не помнит, как я выгляжу.

Шпилька не пришлась герцогу по душе, я видела, как он слегка наморщил нос.

– У вас же есть особые каналы быстрой связи?

– Артефактов во дворце нет, если вы об этом, но по дипломатической почте я отправлю ваше послание, ваше величество. Его прочтёт только король.

– И даже вы не заглянете? Впрочем, можете прочесть, ничего предосудительного в нём не будет. Я лишь хочу заранее изъясниться с моим супругом, чтобы подготовиться к радостной встрече.

Я несла чушь. Но у меня была другая мысль: если узнать, как герцог отправляет почту, через кого, можно будет либо подкупить этого человека драгоценностями, либо найти рядом с ним того, кто знает, через кого надо отправлять письма. Чтобы они точно попали к адресатам.

– Хотите, я угадаю, о чём вы думаете, ваше величество?

В глазах герцога заплясали весёлые чёртики.

– Вы думаете, что ваше письмо что-то изменит в расстановке сил возле трона. Тогда скажу, что вы слишком юны и наивны, – продолжил герцог. Он подошёл ближе и внезапно поцеловал мне руку, чего никогда не делал ранее.

И ушёл, посмеиваясь над моими желаниями.

Интересно, в его тёмной душе что-нибудь да всколыхнулось?

Или он даже не предложит мне иной путь, кроме того, изначального? Здравомыслием, я пришла к выводу, что ничего не изменится.

Даже если бы я упала на колени и попросила брата короля оставить меня в живых, позволить уйти в монастырь, он не смог бы мне помочь.

Я должна умереть и быть похороненной в усыпальнице. Или на худой конец, в крупном центре. Только тогда король и его наследники от фаворитки могут чувствовать себя в безопасности. Уйди я в монастырь даже по доброй воле, брат-король и Его Святейшество могут сослаться на то, что меня заставили.

Я недолго оставалась одна: вбежала Ирен и сразу бросилась ко мне с расспросами.

– Сядь и скажи, – приказала ей я после своего краткого рассказа. – Есть у нас возможность бежать? Ну, хоть какая-нибудь?

Это уже было похоже на отчаяние. Но я должна была спросить: добраться бы до границы с Франкией, а там Энрике, который Справедливый, не посмеет дважды убить жену. Даже если Бланку заставят к нему вернуться.

Но по растерянному выражению лица Ирен я поняла, что и этот план в топку. С не меньшим изумлением она смотрела бы на меня, если бы я ей предложила слетать на Марс.

– Отсюда до границы два дня пути на лошадях.

– Я умею ездить в мужском седле.

Отчаянная затея. Я читала в глаза Ирен: а припасы, а охрана? И где взять именно деньги, чтобы нас с ней не обидели, не отняли их и честно оказали услуги?

– Забудь, – махнула я рукой.

Правильно, надо действовать здраво. Нет никакого смысла погибнуть от других причин, а не по воле фаворитки и её приспешников.

В книге, как назло, смерть королевы не упоминалась в деталях. Не доехала. Точка.

– Тогда носи перо и чернила. Буду писать письмо к нашему королю.

Ирен попыталась предупредить, что это опасно. Кто знает, каков он на самом деле?

Бланка почти с ним не общалась.

Но я настояла на своём:

«Милостивый государь!

Безмерно рада, что нас ожидает воссоединение. Мне был дан недавно сон, что я могу принести вам много здоровых сыновей. Они прославят династию и укрепят мир в этой стране.

Жду нашей встречи.

Ваша покорная супруга, Бланка де Бурбон»

– То письмо, одну из копий, ты уже отправила? – шёпотом спросила я Ирен.

Та кивнула.

– Через мальчишку, я защитила его от старших пару лет назад. Почитай жизнь спасла, вовремя метнув нож. Он скорее умрёт, чем меня предаст, вижу по глазам.

– И кому он предаст?

– Его на днях отправляют к старшему брату с припасами. Тот моряк на корабле. А корабль идёт во Франкию с товарами. Там на пирсе в городе Брен будет ждать мой брат. Я сегодня же отправлю весть через амулет.

У Ирен был свой личный канал связи с семьёй. Но передать по нему можно было лишь что-то действительно важное. Артефакт в виде перстня с бериллом почти истощился. Подзарядить его здесь возможности не было.

Для того требовался артефактор, а в этом замке таких не водилось. Да и абы кому не доверишься: за нами усиленно следили.

– Вторая и третьи копии пока будут при тебе. По пути что-то да придумаем.

Своё письмо к супругу я передала за ужином герцогу. Комендант устроил прощальный пир в честь моего отъезда. Правда, больше он походил на ужин заключённого, приговорённого к казни.

Герцог бесцеремонно сломал мою печать и пробежал записку глазами.

– Думаю, вы понимали, что я всё равно прочту. Вдруг вы осмелитесь послать проклятие?

– Я светлый маг. Мы не умеем наводить проклятия.

– Знаю. Но в истории бывали случаи превращения. Впрочем, наверное, сказки.

Этот Каста снова буравил меня тёмными глазами-омутами, но с каждым разом выдерживать его взгляд было легче. И прикосновение руки к моей руке, когда герцог пригласил танцевать.

Музыканты у коменданта были самоучками, музыка фальшивила, в комнатах стояла такая душлимая жара, как в бане, но всё это было неважно. Я видела, что герцог хочет что-то сказать мне.

– Если вы и дальше будете вести переговоры за моей спиной, ваше величество, просить у коменданта защиты и помощи, то я сожгу этот замок со всеми его обитателями по обвинению в государственной измене, ваше величество. И заставлю вас смотреть. Потому что смерть всех этих людей будет на вашей совести.

Улыбнулся и добавил светским тоном:

– Вы наступаете мне на ноги, ваше величество. Танцы в вашей родной Франкии не были в почёте?

Я накинула ту самую мантию, отороченную мехом горноста. Моё наследство, кстати.

Король был скуп или не считал нужным тратиться на супругу. А кузен не оплошал: снабдил Бланку богатыми дарами и платьями, часть из которых пропала.

Должно быть, фаворитка себе забрала.

Бланке объявили, что они испортились, та и слова возразить не посмела.

У меня возникло желание прибить эту фаворитку при встрече. Надо только дожить до этой самой встречи!

А ругательства, произнесённые птичьим голосом, тем временем становились всё смачнее и витиеватее. Я даже половины из них не слышала ранее.

Выглянула из окна, выходящего в ту часть внутреннего дворика, в которую не заходили посторонние. Здесь была небольшая лужайка и цветник со скамейками.

И увидела забавную картину: попугай герцога сидел на шесте с жёрдочкой, воткнутой в землю прямо в клумбе, рядом стоял сам герцог и смеясь, подавал ему очищенную ботву от свёклы или от моркови, из окна было не очень видно. И время от времени, когда птица ругалась особенно изошрённо, то и очищенный орех. Вероятно, миндаль. Он был здесь невероятно дорог, не каждый аристократ мог себе позволить такое лакомство.

Поодаль с видом телохранителя или бандита, готового прирезать прохожего, держался слуга герцога, Хьюго.

– Вы специально учите птицу ругаться под моим окном? – крикнула я, не удержавшись от подобной наглости.

Я, может, в последний раз, сплю в кровати, а не под открытым небом, и тут он мне покоя не даёт!

– Ваше величество, я не знал, что это ваше окно.

Герцог сначала закончил кормить птицу, потом повернулся ко мне, слегка поклонился (не привык гнуть спину, ага) и с насмешкой, уже ставшей мне привычной, глазел на скромный вырез моей рубашки.

Только тут я поняла, что наклонилась, и мужчинам снизу видно больше, чем позволено. Особенно в четырнадцатом веке.

– Может, вы спуститесь, ваше величество? Я вас познакомлю, и вы сами убедитесь, что Сирус – птица воспитанная, хоть и может позволить себе лишнее крепкое слово.

– Да он у вас по-другому и не говорит, – проворчала я и захлопнула створки окна.

Ирен, уже стоявшая сзади, вытаращила на меня глаза, будто я собиралась броситься вниз.

– Ваше величество, с вами всё в порядке?

– Хочешь спросить, не сошла ли я с ума? Нет, пока. Не надейся.

Я проснулась в ворчливом настроении. Солнце жарило землю, как огонь сковородку, всё вокруг цвело и благоухало неприлично натурально для книжного романа. И если я вчера ещё надеялась, что меня случайно выбросит в свою реальность, когда засну, то сегодня поняла: бесполезно.

Я книжная королева Бланка де Бурбон. Сегодня герцог Родриго Каста вывезет меня отсюда. И всё. Дело дрянь.

Причин задерживаться здесь далее я не видела. Таких, которые бы заставили герцога оставить меня в покое хоть на день.

– Прикажи собрать вещи, – сказала я, когда Ирен помогла закончить утренний туалет и дошло дело до верхнего платья.

Я выбрала серое, закрытое до самой шеи. У меня почти все платья, кроме парадного, были такими.

Выглядело оно как одеяние мышинной королевы, но я достала жемчужную круглую брошь, очень изящную, из приданого Бланки, и приколотла к вороту. Вот, совсем другое дело!

Теперь в моём облике было меньше уныния и больше элегантности. Внешность у Бланки вполне себе харизматичная, вон глазища как сверкают, будто агаты, а овал лица, по сравнению с тем, что я увидела в зеркале в первую ночь своего появления здесь, стал чётче. Из черт ушла природная мягкость и безвольность.

– Скажи, Ирен, при каких обстоятельствах мы виделись с герцогом Каста в первый раз? Я что-то не припомню подробностей, зато он упомянул, что я обозвала его чудовищем.

– Это было на свадебном пиру, ваше величество. Вы пожаловались его величеству, что после преподнесения подарка герцога почувствовали головную боль.

– Что за подарок был?

Ну Бланка! Заблокировала этот период в своей памяти напрочь! Подсовывала мне какие-то благостные картинки идеального венчания.

– Вы не помните?! – ахнула Ирен.

На её лице явно проступило сомнение. Сейчас вообразит, что меня околдовали, надо развеять сомнения и не лишиться единственного преданного союзника.

Я коснулась её руки и попросила сесть.

– Знаешь, я не хотела говорить, да и сейчас боюсь, но с приездом герцога часть моей памяти будто стёрли.

– Это точно, ваше величество. Тёмные маги на всё способны!

Ирен сжала свои маленькие кулачки. Удивительно, как многие верят в то, что тьма обязательно зло!

И никто не задумывается, что герцог действует не по своему почину.

– Так что герцог подарил мне?

– Часы с агатами. Из чёрного вулканита, очень ценные, но вы взяли их в руки и вздрогнули. Сказали его величеству, что от них веет злом, ведь вулканит берут там, где живут языческие племена, далеко за морем. Они не знают единого Бога, поклоняются идолам.

Мы с Ирен как по команде перекрестились. Здесь, в этой жаркой стране, легко прослыть еретиком, если ты не выказываешь достаточного рвения к религии. А на того, кто отвергает Бога, можно за милую душу возложить всё вину. Это тёмному магу можно быть насмешником, его бояться и без того.

И не осмелятся обвинить открыто. До поры до времени.

– А где они?

– Кто знает, ваше величество. После свадьбы я их не видели, а когда нас отправили сюда, то и вовсе забрали добрую часть имущества, – вздохнула Ирен.

Я понимала, что она хотела сказать: я пыталась сохранить, но это было не в моей власти.

– Ладно, я пойду. Меня ждёт герцог. А ты собирай потихоньку наши вещи. И смотри, чтобы слуги не утащили чего.

Я давала поручения и тут же заметила изумление на лице Ирен. Видимо, я опять вышла из образа покорной королевы. Надо срочно придумать правдоподобное объяснение этим переменам

– Я должна поделиться с тобой, но поклянись, что это останется между нами!

Ирен сверкнула тёмными глазами-пуговками, выхватила нож и чуть было не порезала себе запястье в знак клятвы молчания. Мне удалось остановить её.

– Слушай. Я же не выполнила обет по вышиванию для часовни. И мне явилось во сне знамение. Голос сказал, чтобы я исполнила обет по-другому. Стала сильнее и не дала герцогу забрать мой светлый дар.

Придумывала на ходу, но зато Ирен сразу успокоилась. И мы с ней снова перекрестились. Надеюсь, Бог, если он видит меня, простит за эту ложь. Тут без неё не выжить.

А мне ещё вернуться надо.

– Тёмные маги глазливы, ваше величество. Держитесь там от него в стороне.

Я про себя улыбнулась. Про Ирен тоже говорили, что она легко глазит. Косит один глаз немного, значит, порчена, дьяволом при рождении отмечена.

Я пообещала молочной сестре, что буду осторожна, и отправилась на лужайку, прихватив одну из дам из числа нынешних слуг. Чтобы никто не сказал, что я хожу только с Ирен, чтобы скрыть что-то гадкое.

Здесь репутация была вещью хрупкой, а потеряв её, можно распрощаться не только с короной. Лучше не давать повода фаворитке чернить меня.

Но вскоре я поняла, что опасаться сейчас мне надо вовсе не фаворитку. А того, кто находился безмерно ближе.

Глава 7

– Ваше величество, – встретил меня герцог.

Оглядел с ног до головы, задержался взглядом на моей броши, приколотой под самый воротник.

– Вы, оказывается, кокетка.

– С чего вы взяли, ваше сиятельство? Что я позволила себе такую малую женскую слабость, как приколоть жемчужную брошь к вороту платья? Она из моего приданого, остальные наряды, подаренные его величеством, у меня отобрали. Но вам, конечно, и это известно.

Он промолчал. Поднял брови и чуть глубже заглянул в моё лицо, будто хотел понять, я ли это. Вернее, королева ли стоит перед ним и так бойко отвечает, хотя должна быть запугана и бледна, как призрак, населяющий все древние замки.

– Что вы так смотрите, ваше сиятельство?! Я королева этой страны и имею право говорить с вами прямо.

– Безусловно, и я польщён вашим доверием.

Снова насмешка? А, впрочем, пусть.

– Думаю, самое время мне поближе посмотреть на ваше чудного попугая, – улыбнулась я, не желая продолжать этот разговор при свидетелях.

Уверена, сейчас на нас из окон смотрит половина замка. Включая ревнивого и обидчивого коменданта.

Герцога это, казалось, забавляло. Как и моё желание познакомиться с его питомцем, который сразу тихо ругнулся матом.

Тем самым, средневековым.

– Вы не краснеете, ваше величество, от слов глупой птицы, – задумчиво произнёс герцог.

– Мой двоюродный брат – король Франкии ещё и не так выражался. Во время наших с матушкой к нему визитов, – ответила я с улыбкой, протягивая руку к жако, но это наглец клюнул меня в указательный палец.

– Ничего, мы ещё подружимся, я уверена, – улыбнулась я, пряча руку. – Царапина.

– Сирусу надо за это свернуть шею, – тихо ответил герцог таким тоном, что попугай испугано ойкнул и вжал голову в плечи. Отшатнулся.

Это чудовище, тёмный маг, ещё и над птицей издевается!

Я грудью бросилась на его защиту: встала между жёрдочкой и герцогом.

– Не смейте! Я вас прощу, ваше сиятельство! Он беззащитный.

Смотрела ему в глаза, а он в мои. Некоторое время продолжалась наша безмолвная дуэль, пока я не дрогнула, почувствовав, как пылают мои щёки. Близость тёмной силы, неукротимой, властной и всепожирающей пугала и одновременно манила.

– Вы отважная женщина, ваше величество. И слишком добры. Сирус причинил вам вред. Разрешите, я посмотрю. Никто не смеет проливать королевскую кровь безнаказанно.

О как! Блеф, чтобы усыпить мою бдительность? Тёмно-синие глаза герцога были непроницаемы, но, уверена, за ними бушевали страсти.

– Я сама виновата, не следует совать руки, куда не попадая, – пролепетала я, когда он взял меня за руку и посмотрел на раненый палец. Провёл рукой, и из царапины перестала сочиться кровь.

– Я должен его наказать.

– Тогда запретите ему ругаться хотя бы на день!

Герцог улыбнулся. Его лицо вдруг сделалось искренним, но тут же, будто устыдившись слабости, он спрятался за непроницаемой маской деланного безразличия.

– А кто научил его этому, ваше сиятельство? Уверена, что вы.

Я повернулась к герцогу спиной, чувствуя на себе его внимательный взгляд.

Сирус посмотрел на меня жёлтым глазом и вздохнул, будто ему было тяжело. Я заметила верёвку, опутывающую его правую ногу.

– Что вы, ваше величество! Сирус сам нахватался этой дряни, уж как я его не отучивал, негодник всё за своё.

Герцог говорил в привычной ему насмешливой манере. Когда мог безнаказанно смеяться над человеком, зная, что ему ничего за это не будет.

– Но я к нему привязался.

– Как же он у вас очутился? Мне будет любопытно послушать.

– Подарил один из капитанов, плавающих в Дикие земли. Говорил, что этот птенцом упал из гнезда. Вот с тех пор он немного пристукнутый, что с него взять! А всё Божья тварь!

Сирус таки позволил погладить себя. Правда, попытался ругнуться, но тихо и неразборчиво. Будто понимал, о чём мы с его хозяином говорили.

– Шутка ли, он иногда даёт мне советы, ваше величество.

– Действительно, похоже на шутку.

– Когда мне надо спросить совета в сложном деле, я всегда задаю ему вопрос. Он отвечает довольно точно.

В голосе герцога проявилась и неслыханная доселе теплота, я даже по-новому взглянула ему в лицо. Кажется, он привязан к своему питомцу.

– Ругается?

– Это и есть самый верный ответ на глупый вопрос, ваше величество. А на умный я отвечаю сам. Например, на тот, что задали мне вы пару дней назад.

Я повернулась и сделала знак дамам отойти. Они и сами не спешили стоять рядом с тёмным магом, хотя и строили ему глазки издалека. Слуга Хьюго подпирал собой дуб, в тени которого мы стояли, но находился на достаточном расстоянии, чтобы нас слышать.

– Хьюго почти глухой на одно ухо. Подрался в молодости, или мать уронила его, он уже не помнит, – проследил за моим взглядом герцог. – Я хотел сказать, зачем король вызывает вас к себе. Помимо того, чтобы завести с вами сыновей. Скажите, вы помните Марию Тавора?

– Вы о любовнице моего мужа? Той падшей женщины, что не стеснялась Божьего закона, рождает ему бастардов. Увы, ваша светлость, я помню о ней.

И почти не соврала: Бланка помнила и вопреки своей кроткой натуре считала фаворитку источником вселенского зла. Я лишь выразила суть её словами.

– Это фаворитка, ваше величество. У вашего венценосного брата их тоже немало, а у его величества Энрике всего одна. Он ей верен.

– А должен быть верен мне. Незначительная деталь!

Ух, тут я разделяла чувства девочки, в чьём теле находилась.

Энрике этот, послушать его герцога, просто воплощённая добродетель. Знали, читали, помним!

В истории короля прозвали Педро Жестокий: это означало, что он отличился свирепостью даже по меркам своего времени.

– Выслушайте меня, ваше величество, – сказал герцог тише, подходя ко мне сзади вплотную. – Держите кусочек яблока, сделайте вид, что кормите Сируса.

И тут же громко сказал, что если тот меня цапнет, то свернёт ему шею.

– Король устал от фаворитки. Но её нельзя убрать с глаз долой просто так, её отец канцлер, и он нужен стране. Пока нужен. Поэтому его величество так хочет видеть вас. И я тоже на вашей стороне, ваше величество. Моя задача – помогать вам во всём, даже если вы мне пока не верите. Но скоро убедитесь сами, ваше величество.

Я обернулась и посмотрела на герцога снизу вверх. Сейчас в его лице была решимость. Желание довести всё до конца.

Значит, союзники? Клянусь, я бы ему сейчас поверила, если бы была Бланкой!

Вероятно, бедняжка и поверила, а потом поплатилась за свою доверчивость жизнью.

– Только пока держите это втайне, ваше величество. У Марии везде шпионы. Не исключено, что они ближе, чем вы думаете.

Герцог стоял так близко ко мне, что я ощущала его дыхание на своей щеке. От него пахло прохладой тёмного озера, в котором утонуть – раз плюнуть.

Я каждый раз боролась с желанием протянуть руку и дотронуться до него, чтобы убедиться, что он человек. Вдруг моя рука пронзит пустоту, а тьма, из которой соткан герцог Кастра? развеется, как дым?

Глупые, однако, мысли.

– Не стоит здесь задерживаться, ваше величество. В этом месте вашей жизни угрожает опасность. Мои шпионы перехватили приказ Марии, чтобы вас незаметно лишили жизни.

– А при дворе будет безопасно?

– При дворе Мария не посмеет. Там много глаз, и она будет под подозрением. Как только вы приедете, она будет вынуждена удалиться в своё поместье.

Ага, которое ей подарил король!

Складно придумано. Бланка сразу поверила, потому что герцог говорил ей именно то, что она хотела слышать.

Но в реальной истории появление королевы при дворе, где царствует фаворитка, ничего не решало. Королеву только больше унижали.

Я должна была смолчать, изобразить радость, побежать собирать вещи. Но не могла не спросить:

– Ваше сиятельство, объясните мне, неразумной женщине, почему его величество решил отослать фаворитку именно сейчас? Что изменилось?

– Непременно объясню, ваше величество. В дороге у нас будет много времени на беседы.

Родриго Каста был обаятельным, но скользким царедворцем. Он легко уходил от ответа на каверзные вопросы, чтобы потом спокойно их обдумать. И придумать достоверный ответ.

Что же, хорошая попытка заманить меня в ловушку. И я сделаю вид, что попалась. Медлить больше смысла всё равно нет.

Дорога – значит дорога.

– Я посмотрю, как идут сборы, – ответила я с лёгкой полуулыбкой и отправилась к себе, услышав вслед ругательное прозвище от Сируса.

Ничего, я ещё поквитаюсь за всё с твоим хозяином!

Вкратце я пересказала суть разговора Ирен. Она только пожала плечами.

– Я буду рядом, ваше величество. И мой нож тоже.

Я не стала пугать бедняжку стражей и слугами герцога. В столь щекотливом деле, как умерщвление королевы, он попытается обойтись без лишних свидетелей.

Но маленький ножик против тёмного мага не поможет. А вот хитрость – возможно.

Уже после обеда, который мне подали в личные покои, мы отправились в путь.

На улице в карете, обитой изнутри красным бархатом с вышитыми золотом царскими символами – скипетром и короной – мы начали путешествие.

Пусть и со всеми удобствами было так жарко, что лоб сразу покрылся испариной.

Вереница нашей процессии растянулась, должно быть, на метров триста или пятьсот. У Бланки оказалось не так мало вещей.

– Вы правильно сделали, что отказались от услуг дам, – похвалила Ирен, по привычке говоря вполголоса.

– Среди них могут быть шпионки. А, кроме тебя, мне никто не нужен.

Как вскоре оказалось, герцог прихватил одну даму «для моего спокойствия» из замка коменданта, с которым я наотрез отказалась прощаться. Коротко кивнула подобострастному сластолюбцу и отвернулась. А доктор вообще забился в какую-то дыру, откуда носа не казал.

Герцог это заметил и, подсаживая меня в экипаж, сжал руку:

– Вы не пожалеете, ваше величество, что доверились мне.

И посмотрел вполне искренне. Без особого подобострастия, даже покровительственно, но в этом человеке трудно было заподозрить убийцу. И всё же я не обольщалась.

Слишком часто окружающие говорили, что действуют во благо моих интересов. Слишком редко это было правдой. Никогда не было.

Дорога предстояла бы вполне себе скучной, двигались мы медленно, приходилось обмахиваться веером, изготовленным из шёлка на костяной ручке. А нас учили, что веера появились веком позже!

Оказалось, у Бланки и Ирен их по три штуки. Веер был ещё в диковинку, мог служить залогом у купца, потому что стоил целое состояние – удивительно, что у королевы его не отобрали.

На моём веере светло-коричневого цвета были изображены корабли, Ирен я отдала тот, что уже потёрся, но был вполне пригоден для создания прохлады.

Обычно подобные путешествия длились долго ещё и из-за бесконечных привалов. Но всё же хоть нас и сопровождала стража, королеву везли тайно. Дабы избежать провокаций.

Герцог наверняка продумал все остановки по пути, но сейчас он ехал верхом то впереди процессии, то позади неё. Я слышала его голос, отдающий приказы.

– Весточку я отправила, – начала разговор Ирен. Я поняла, что она говорит о письме королю Франкии.

– Дай Бог, чтобы она достигла адресата, – ответила я. – Наставления его Святейшества пойдут на пользу любому.

Я имела в виду мужа Бланки.

– Мне беспокойно, будь начеку, – произнесла я, смотря в окно.

Пейзаж был довольно красивым, хотя уже начинал казаться однообразным. Гладкая равнина, кое-где встречались холмы – ничего примечательного. Однако это лучше, чем лес: здесь сложно ожидать засады.

– Слава Богу, что мы едем в столицу, ваше величество. Но я клянусь вам, что не дам вас в обиду! Я слышала, как стражники говорили, что через часа три или четыре будет постоянный двор, где нас ждут. Там вы сможете помыться и передохнуть.

И снова кольнуло в груди. Я не знала, как и когда погибла Бланка, равно как и то, чья рука нанесла роковой удар. Поэтому была настороже. В напряжении, чувствуя ломящую боль в спине. Даже голова начинала болеть, к счастью, у Ирен всегда были наготове специальные порошки.

Королева слыла хворой, поэтому аптечка Ирен могла сравниться по наполнению с какой-нибудь косметичкой современного мне пенсионера. Однако без необходимости я к лекарствам не прибегала: мало ли, заменят, и всё. Спишут на хворь королевы.

Или тут такие ртутные припарки, что можно помереть и без чужой помощи. Я попала во время, когда лучше надеяться на свой организм, чем на медицину.

– Если герцог задумал убить меня по дороге, то, скорее всего, заманит куда-то и заколет, – рассуждала я с таким хладнокровием, что у бедной Ирен расширились от ужаса глаза.

– Да чтоб у него руки отвалились, прости Господи, мои слова!

Ирен принялась креститься и шептать молитву. Я присоединилась. Слова на латыни сами собой лились из моих уст, будто я всю жизнь только и заучивала их. Что было правдой. Память Бланки подсказала, что она знает многие псалмы наизусть.

Вообще, этот обычай при каждом затруднении в разговоре креститься очень мне нравился. Давал время подумать или уйти от неудобного ответа.

– Знаешь, – произнесла я чуть позже. – Может, попросить духовника на привале прочитать нам проповедь о милосердии и о необходимости уважать и подчиняться Помазаннику Божьему. Если герцог имеет в отношении меня дурные намерения, вдруг слово Божье его обратит?

Тут я иллюзий не питала: тёмный маг даже не особо крестился, так для видимости. Видимо, считал, что Бог от него давно отвернулся, но он был продуктом своей эпохи, значит, с молоком матери или кормилицы впитал священный трепет перед Божьим гневом. Это следовало использовать.

– Ваше величество, – с придыханием и восхищением во взгляде сказала Ирен. Чуть не упала передо мной на колени, но я показала, что это неуместно. – Господь услышал мои молитвы и дал вам новую жизнь! И силу, чтобы повергнуть врагов.

Я слушала сначала рассеянно, думая о своём, но потом стала прислушиваться к словам молочной сестры.

– А что конкретно ты просила в молитве?

– Когда вы сказали мне, что скоро умрёте, что готовы к этому и даже ждёте, я каждый день ходила в часовню Святой Терезы и умоляла подарить вам новую жизнь. Новый смысл, новую цель. Я даже просила отца-настоятеля часовни втайне дать вам новое имя. Матушка говорила, что если так сделать, то болезнь и хворь заберёт старое, а самого человека не тронет. Он отругал меня и сказал, что только при принятии пострига возможно обрести новое имя. Но я выбрала его сама и поставила свечку за здравие, ваше величество. И всё получилось, Святая услышала меня!

– Какое же имя ты мне дала?

– Это было одиннадцатого июля. День памяти святой Ольги Мудрой. Я вас так и нарекла. Вы не сердитесь, ваше величество?

Глава 8

– Это же колдовство! – набросилась я на беднягу.

Ирен побелела, задрожала и заплакала. Упала-таки передо мной на колени, уткнулась в подол моего платья.

Мне стало стыдно, пришлось поднимать сестру и говорить, что это я в сердцах. И чтобы она никогда так больше не делала. Никому о том не говорила.

– Святая ответила на мои молитвы – твердила она и постоянно крестилась.

Я махнула рукой и откинулась на спинку сиденья. Вполне себе удобного, но всё же лошадей нельзя сравнить по плавности хода с машиной, поэтому вздремнуть как следует мне не удалось. Через час или около того герцог приказал сделать небольшую остановку, чтобы мы могли размять ноги.

– Как вы переносите путешествие, ваше величество? – спросил он учтиво, и мне почудился скрытый смысл в его словах. Мол, всё ли пока хорошо? Ну так это ненадолго!

– Хорошо, ваше сиятельство. Позвольте мне со служанкой отойти по естественной надобности.

– Возьмите ещё парочку синьор и двух стражников.

«А заодно и всех вас», – со злостью подумала я, но промолчала. Меры безопасности, что б их!

Ладно, стерплю.

В равнинной местности спрятаться особо негде. Ожидать нападения не следовало.

Мы со свитой и стражниками отошли подальше, дамы закрыли меня со всех сторон, насколько могли, юбки-то широки, а Ирен подержала моё платье. От некоего приспособления в виде продолговатой утки, в которую дамы часто справляли нужду, я отказалась.

А когда я то же самое предложила сделать для Ирен, она и прочие служанки посмотрели на меня так, будто я решила покурить, пока герцог не видит.

На свежем воздухе напряжение, державшее меня в тисках последние дни, не хуже корсета, отпустило. И мне захотелось смеяться и бегать по лугу, раскинув руки. Если бы длинное платье позволяло.

И казалось, что основные беды позади, остались в замке Мендоса, а раз я вырвалась под жаркое солнце, живая и здоровая, то и дальше мне будет везти. Может, история книги поменялась, потому что я сопротивляюсь?

Я вернулась к нашей процессии в приподнятом настроении. Даже герцог больше не вызвал первоначального страха.

– Где ваша птица? – спросила я его, садясь в экипаж.

Он подал руку и заглянул в глаза с лёгкой тревогой:

– Едет в клетке в моём экипаже сзади. Я сам привык ездить верхом, тогда ты управляешь лошадью, а не она тобой. Вместе с возницей. Скажите, ваше величество, вы здоровы?

– Вполне, ваше сиятельство, – ответила я, попытавшись высвободить руку, но не тут-то было. Герцог держал меня так крепко, будто мы с ним стояли на краю пропасть. Оба.

И тьма в его глазах показала хищный оскал. Как бы говорила: «Не обольщайся!»

– Говорят, что узники после долгого отчаяния и заточения, – продолжил он, всё так же пытливо изучая моё лицо. – Когда оказывались на свободе, вдруг теряли рассудок. Жестоко, правда? вот они свободны, но теперь навсегда заперты во внутренней тюрьме своего безумия?

Он помог мне сесть. Ирен уже находилась внутри, на противоположной скамье и забилась в угол, хотя с виду храбрилась. Как отважная маленькая пичужка.

– Я здорова, ваше сиятельство, если вы намекаете на меня. И телом, и рассудком. Сколько нам ещё ехать до постоянного двора? Вы ведь не собираетесь семь дней везти меня без остановок?

Я спросила, глядя ему в глаза. Ишь что удумал: не получится умертвить так, чтобы подозрений в естественной смерти не возникло, так объявит безумной. Слабая духом и разумом королева не может сидеть на троне. Тогда его Святейшество разрешит королю насильно подстричь меня.

И будут все говорить, что я сама попросилась. А стану упорствовать, скажут, что сбросилась ночью с башни королевского замка. Полетать хотела. Молодая безумная королева.

Я похолодела, поняв, что сейчас мне, возможно, угрожает опасность поболее той, что подстерегала в замке. Мне надо продержаться семь дней.

Указание свыше устами герцога: Оля, мол, давай, приди в себя, ничего ещё не кончено!

– Я не настолько забыл о ваших потребностях, ваше величество. Конечно. Через пару часов мы прибудем на постоянный двор «Жареный петух и заколотая свинья». Не Бог весть что, зато стоит в стороне от главной дороги и будет полностью в нашем распоряжении. Мои люди уже там, чтобы никто из посторонних не увидел вас. Я же сказал, что позабочусь обо всём, ваше величество!

Усмехнулся, чуть поклонился, бросив краткий взгляд на мою Ирен, и та была уже готова преодолеть страх и что-то сказать, как герцог захлопнул дверь. Вскоре мы тронулись в путь, а я только вспомнила, что хотела попросить духовника прочитать нам проповедь.

Ничего, успеется. После ужина и прочтёт. Или с утра.

– Ну и название у этого постоянного двора, – произнесла я, от нервозности начав обмахиваться веером, хотя меня бил лёгкий озноб.

Я всё думала, как быть. Как уберечь Бланку. И чем больше думала, тем больше убеждалась, что она без меня погибнет. Вскоре после нашего обмена телами, её заманят в ловушку. Но это не моё дело. Может, у неё судьба такая?

Тогда к чему весь этот фарс со спасением? Если Бланку не спасти, то и мои усилия псу под хвост.

Вот ведь сволочи!

– Это всё ты виновата! – накинулась я на Ирен, которая часто заморгала, не понимая, о чём я. – Вот своими молитвами всё перемешала: если бы не нарекала меня другим именем, то я бы так и осталась кроткой и невинной. А сейчас я готова сражаться за свою жизнь. Вот только зачем, если всё бесполезно!

– Ваше величество, простите. Но почему бесполезно? Его величество призвал вас к себе, я вижу в вас ту, кто способна укрепить шатающийся трон.

– Ты прямо политик. Может, с герцогом об этом поговорить? Вон он в Тайном Совете сидит, вдруг и тебе место найдёт?

Раздражение росло во мне как снежный ком. Я боялась произносить намёк, услышанный от моего провожатого, но понимала, что постоянный двор этот, безлюдный и вдали от дороги, выбран неспроста.

– Слышала, как называется гостиница? Тьфу ты, постоянный двор. «Заколотая свинья»! Угадай, кто будет этой свиньёй? Я, конечно!

Ирен перекрестилась и полезла в сумку, стоявшую под сиденьем. Порылась и вытащила дорожную бутылку а-ля бурдюк, в таких воду носили с собой, отправляясь далеко. Достала платок и смочила его.

– Это святая вода, ваше величество. Она отгоняет морок и очищает разум.

– А, так ты тоже считаешь, что я не в себе?!

Свирепо посмотрела на Ирен, но платок взяла. В этом странном книжном мире магия соседствовала с религией. Даже более того, они тесно врастали одна в другую. Вон даже святые

некоторые не только имели развитые магические способности, но и не считали зазорным умело ими пользоваться.

И если меня забросило в этот мир благодаря имени, которым нарекла королеву Ирен, то следовало выяснить, какой магией владеет Бланка. Кроме искусного вышивания и заучивания наизусть молитв. Хотя я уверена: и это смогу пустить в ход.

Ирен тем временем села рядом и обняла меня. Легонько, по-сестрински. Видимо, считала, что меня следует успокоить. Гладила меня по голове, как в детстве, они были почти ровесницами.

И я незаметно для себя всплакнула.

– Я не могу умереть.

– Не умрёте, Святая показала мне, что ваша судьба другая. Значит, никто не посмеет исказить Божью волю. Даже этот синеокий дьявол!

Я вздохнула и начала успокаиваться. Это сказалось напряжением последних дней. Я попросила прощение у Ирен, чем совсем испугала бедняжку. Она решила, что следующим шагом я попрошу духовника исповедать и причастить меня. Как делает то, кто не чаёт выжить.

– А постоянный двор всегда так называют здесь, на Юге. Мы вон, когда сюда ехали, три года назад, останавливались на постоялом дворе «Приют заблудшей души». Словно монастырь назвали! Или вот – «Разбойничья голова». Это уж совсем оторопь берёт!

– А здесь разбойники есть?

Я снова села прямо, а Ирен побледнела.

– Упаси Господь! Слуги коменданта говорили, что в этих краях промышляла шайка Меченого Хорхе, но вроде уже год как тихо. Пристрелили их главаря, а сами дёру дали.

Ну, час от часу не легче!

Ещё и разбойников мне не хватало!

И только я об этом подумала, как моя карета вздрогнула и осела на один бок.

Мы с Ирен чуть не свалились со скамьи, когда карета накренилась.

– Что это, нападение? – задыхаясь, прошептала я.

Тут же дверь открылась, и герцог помог нам обоим выбраться наружу.

– Колесо сломалось, – пояснил он, показывая на людей, которые уже суетились возле нашего экипажа. – Вам придётся пока путешествовать в моей. Мы не можем задерживаться надолго, к вечеру карету прикатят к постоялому двору, где найдём кузнеца.

Он говорил, хмурился и вёл себя как хозяин каравана, да, собственно, им и являлся. И строго соблюдал дистанцию, что не могло не радовать. А то, что иногда хватал за руки, когда хотел усилить угрозы, я списывала на его амплу тёмного мага.

Мне показалось, что мой провожатый тоже устал. А дорога наша только началась.

Растерял герцог былую самоуверенность в правоте, или я просто выдаю желаемое за действительное?

Мы с Ирен воспользовались приглашением, которое было единственным выходом. Но я стала подозрительна и не могла не думать о том: случайно ли сломалось колесо. Или всё это дьявольский план герцога, кто продолжал ехать верхом.

Сирус, клетка которого стояла на полу экипажа его сиятельства, обитого изнутри синим бархатом, завидев нас тут же приветственно ругнулся.

– Кто учит это создание говорить? – с возмущением спросила Ирен служанку, сидевшую в карете.

– Он сам выучился. Таким его спасли от матросов, что привезли его из Диких земель. Его сиятельству капитан корабля подарил Сирусу, он был почти лысый, бедняга.

Она была уже немолода, но сохранила следы красоты на гладком лице, лишённом морщин. И одета не как служанка, а как бедная родственница, и манеры имела не без светского лоска.

Завидев нас, первым делом попыталась пасть ниц. Затрепетала и опустила глаза, когда я сделала знак не бить поклоны.

– Вы не в церкви. Как вас зовут? Кто вы? – засыпала я незнакомку вопросами из любопытства.

И из осторожности: вдруг герцог посадил к нам шпионку, чтобы выведать, не собираемся ли мы бежать.

– Ваше величество, я донна Луиса да Висанна – вдова донна да Висанна, который был вассалом его сиятельства Кастра. Я служу его сиятельству, когда того требуют дела.

– У вас нет детей? – Ирен вела допрос, не обращая внимания ни на попугая, пытающегося бросать в неё скорлупки от орехов, ни на всё более возрастающее смущение вдовы Висанна.

Формально они были не ровней. Ирен не имела дворянского титула, но всегда вела себя так, будто была выше предрассудков. И то верно: доверенное лицо королевы.

– Его величество отдал землю моего мужа после его смерти другому дону. Я оказалась бесплодна и одинока. Его сиятельство разрешил мне жить в одном из дальних имений герцогства, чтобы следить за порядком.

Покопавшись в памяти Бланки, я нашла, что доннами называли тех, кому дворянство жаловал король за особые заслуги или доблесть. То есть этот титул не был наследуемым. Вот после кончины одного донна, чтобы сэкономить, мой жадный супруг и одаривал землями прежнего донна нового вассала.

– Не дрожите так, донна Луиса. Я тоже человек из плоти и крови, создание Божье, – я коснулась её руки, и новая знакомая посмотрела на меня так, будто солнце вдруг спустилось с небес. – Давайте вместе прочитаем молитву, чтобы наше путешествие благополучно завершилось.

Во-первых, от таких просьб не отказываются, во-вторых, мне хотелось понаблюдать за этой донной Луисой во время молитвы, чтобы понять, религиозна ли она по-настоящему. Или интриганка, которая только притворяется.

От этого зависело многое: был ли поступок герцога добросердечным, или он окружил себя верными шпионами.

Одно другого не исключало, но мне показалось, что донна была довольна искренна в своих молитвах.

Ладно, поверю, что герцог может быть великодушным, когда дело не касается интересов государства. Мне же на его милосердие рассчитывать глупо, но я очень хотела выяснить, на чьей он стороне.

Чтобы сделать вид, что я тоже готова к ней примкнуть. Главное – доехать живой.

И я снова принялась расспрашивать о житье донны в поместье герцога, но чем больше я спрашивала, тем сильнее она тушевалась, и я прекратила попытки. Чувствую себя как палач, клещами вытягивающий правду.

Зато Сирус болтал без умолку. Птица говорила, что его все обижают. Ирен развлекалась в дороге тем, что спрашивала жако обо всём, общаясь с ним, как со средневековой Алисой.

Сирус отвечал даже интереснее:

– Поросят зарежут, вино выльют, по миру пойдём, – сокрушался он, когда Ирен спросила, что нас ждёт на постоялом дворе.

И мне это не понравилось настолько, что моя молочная сестра сразу поняла: довольно развлекаться.

Так незаметно мы и свернули на широкую просёлочную дорогу, идущую перпендикулярно главной. Я с тоской следила, как мы удаляемся от цели путешествия.

Была бы моя воля, так мы и вовсе бы мчались без остановок, меня лошадей на таких вот дворах или на почтовых станциях, но ясно было, что ни моих сил, ни сил сопровождающих на такой марш-бросок не хватит.

– Вас поместят в комнатах наверху, ваше величество, – сказал герцог, как только мы въехали в огороженный каменным забором постоялый двор, и я вышла осмотреться.

Гостиница была вполне себе приличной и напоминала неприступный форт. Открывшаяся мне картина казалась настолько мирной, залитой опускавшимся к горизонту солнцем, что не вызвала подозрений даже у меня.

– Не согласитесь ли вы поужинать со мной, ваше величество?

В дороге мой провожатый сменил угрозы на предупредительность и вежливость, но я не обольщалась. Видела в его глазах прежнюю твёрдую решимость исполнить свой долг.

Он вполне мог отравить меня за ужином, но и отказываться опасно. Подсыпать в еду яду можно и так, подав мне ужин в комнату. Не могу же я есть одну траву во дворе или тайком пробираться на кухню, чтобы стащить съестное?!

Нет, так, пожалуй, я доведу себя до паранойи. И герцогу ничего не останется, как объявить меня безумной.

– С удовольствием, ваше сиятельство. У меня к вам много вопросов. Я истосковалась по светской беседе в своей глуши.

По лицу герцога пробежала тень.

Глава 9

– Вы уверены, что не хотите поужинать наверху, гранда?

То, с каким упорством отговаривал меня герцог, настораживало.

– Вы не желаете моего общества, ваше сиятельство? – спросила я с улыбкой.

И загнала его в тупик: нам подадут ужин вместе. Я попрошу его человека отведать из моей тарелки, тогда будет понятно, отравлена ли еда.

Скорее всего, герцог просто не захочет рисковать и быть уличённым в попытке убийства напрямую. Это означало позорную смерть, а этот благородный идалго с глазами-омутами, с твёрдой линией подбородка и крепко сжатыми челюстями скорее убьёт себя, чем примет позор. Очень удобно для попаданки из времени, когда слово «честь» – пустой звук.

– Извольте, но вы чрезвычайно вольны, ваша милость. Помните, что за вами всегда наблюдают. Или решили вызвать ревность короля? Уверяю, вам это не под силу, – тихо произнёс он.

Снова намёк, что я зря стараюсь добраться до короля? Посмотрим.

– Вот и поговорим об этом, ваше сиятельство, за ужином.

Я порылась в памяти Бланки, пока Ирен готовила мне корыто с водой для омовения. В такой глуши при дороге, конечно, была терма, но общего пользования королеве недопустимо было ей пользоваться. А я старалась поддерживать чистоту тела, так мне легче будет сосредоточиться на главном, а не отвлекаться на почёсывания.

Климат здесь жаркий, солнце огненное, люди не стесняются прямо говорить о своих низменных желаниях. Все, кроме тёмного герцога.

– Ваше величество, позвольте, я лично вас обмою.

Ирен поклонилась и пригласила меня за ширму. Она хорошо освоила местный витиеватый этикет, где на одно действие полагалось тридцать три слова.

Испросить позволение на то, что и так твоя обязанность, поклониться каждому по-особому в соответствии с чином, не поворачиваться при этом спиной к особе высокого ранга – всё это Ирен, не будучи аристократкой по крови, отточила до совершенства.

Ей нравилось проделывать подобное, так она чувствовала себя важной особой.

Ирен помогла раздеться и взяла в руки губку и кусок мыла. Оно пахло розовым маслом, в запасе у моей молочной сестры было несколько таких драгоценных кусков, которые она берегла не меньше шкатулки с драгоценностями.

– Очень приятный аромат.

– Это подарок самого синьора Паскуаля. Он лично изготовил это мыло для вас с пожеланием, чтобы все помыслы ваших завистников были видны вам, так же как тело ваше очищается от грязи, так и разум.

Витиевато, но в памяти Бланки эти слова откликнулись трепетом. Что-то было связано с этим синьором Паскуале в жизни ненужной королевы, что-то важное, но что именно.

Он дарил духи, способные изменить судьбу, но был ли он другом опальной королевы?

Однако зла от мыла я не чувствовала.

– В чём моя магия, Ирен? Я уже давно потерялась, будто и не я вовсе возвращаюсь в столицу.

И посмотрела в лицо молочной сестры. Она совсем не выказала удивления, мои слова её не встревожили. Вряд ли она знает, что сотворила. Или её действия – просто совпадение? Впрочем, говорят же: если сильно желать чего-то, то получишь. В искажённом виде.

Вот и Бланка мечтала соединиться с супругом, обрадовалась вызову в столицу, а потом померла. От руки его единокровного брата.

– Какое платье изволите надеть?

Ирен закончила сушить мои длинные чёрные волосы и принялась укладывать их в простую причёску. Управлялась она ловко и быстро.

– Вот эту заколку с рубином, – выбрала я одну из драгоценностей.

В трактире вдали от дороги не следовало увешиваться богатствами, но кокетливую малость я себе позволю. Мне не хотелось, чтобы он видел во мне статистку, промежуточную королеву, пешку, которую легко смахнуть со стола. Чем больше мы будем разговаривать, тем больше он увидит во мне человека со своими надеждами и планами. Женщину.

Но не доступную, желающую обменять свои блага на жизнь. Поэтому и выбрала тёмно-коричневое платье, максимально закрытое, чтобы никто не подумала чего, но всё же не удержалась и снова прицепила на ворот ту самую жемчужную брошь, в которой герцог уже меня видел сегодня во дворе замка Мендоса.

Он встретил меня у подножия лестницы, ведущей на второй этаж. Склонился в этот раз чуть ниже, чем обычно это делал, но тут же не удержался от бестактного вопроса:

– Вы хотели мне понравиться, гранда? Поэтому надели эти украшения.

Я не торопилась отвечать. А когда он довёл меня до длинного стола, который уже был накрыт к трапезе, то я ответила, не устаивая его взгляда.

– Я уже вам нравлюсь, ваше сиятельство, потому что я ваша королева. А украшения я надеваю лишь потому, что мне некуда больше их носить. Пока некуда.

– Вы тщеславны.

– Все красивые женщины таковы. На моей родине говорили: красному яблочку червоточинка не в укор. Мой духовник готов отпустить мне этот грех, я обязательно покаюсь в нём на исповеди. Надеюсь, ваша птица не станет её подслушивать?

И посмотрела на Родриго Каста, сидевшего напротив и глядевшего на меня как на оборотня. Такой бойкой беседы он не ожидал? Ну так это начало!

После обязательной молитвы мы приступили к трапезе. На мою просьбу попробовать еду из тарелки до того, как я её съем, герцог ответил ироничным поднятием брови, но приказал своему человеку выполнить мой приказ.

А вот пусть знает, что я настороже!

Прислуживал нам сам трактирщик с женой, полногрудой и бойкой женщиной, которая, несмотря на внушительные габариты, двигалась ловко и ни разу не задела ни кружки с вином, разбавленным водой, ни тарелки на подносе, что нёс её супруг.

Конечно, ели мы на простой серой скатерти, на столе стоял горшочек с жарким, а тарелки были глиняными, но этот ужин понравился мне гораздо больше того, что я почтила своим присутствием в замке Мендоса ещё вчера.

Беседовали, разумеется, при слугах и трактирщике с женой, но всё же делали вид, что почти их не замечаем. Как и они – что не знают о том, кто я на самом деле. Вот поэтому меня и не называли истинным титулом. Примета такая в дороге – чтобы дурных духов отвести.

Всем посторонним сообщили, что я высокопоставленная дама. И всё. Без подробностей.

– Расскажите немного о себе, ваше сиятельство.

Мне было забавно видеть, как он чуть не подавился куском телятины. Не ожидал вопроса, вероятно, думал, что его биография не может интересовать пришлую королеву, или что она её прекрасно знает.

– Телятина слишком жестка?

Это я зря спросила с иронией. Трактирщик с женой побледнели и бросились на колени, лепеча, что телок самый молоденький, ещё вчера бегал.

– Это я слишком бестактна, – тут же добавила я, делая знак хозяевам встать. Ещё не хватало, чтобы они пострадали из-за меня.

– Мне лестно, что вы проявляете интерес к моей скромной особе, гранда. Извольте. Я по-прежнему вдовец, детей у меня нет. У моего приёмного отца я тоже единственный сын и наследник.

– Почему же вы не женитесь, чтобы продолжить род?

Я понимала, что веду себя бестактно, вывожу его, так сказать, из зоны комфорта, но мне надо было что-то всколыхнуть в этой машине, состоящей из приказа и долга! И ещё я хотела узнать его болевые точки, чтобы в случае чего на них давить.

А вообще, я средневековая королева. Девочкой меня заперли в уединении на три года, чего они от меня ожидали? Мудрости и понимания? Соблюдения норм светской беседы?

– Почему вас так это интересует, гранда?

– Очень просто. Моё положение теперь таково, что я должна заботиться о счастье тех, кто стоит высоко или низко. Считайте, что я хочу вознаградить вас за службу.

Герцог был бледен как полотно, и его глаза метали молнии. Думаю, он хотел меня придушить. Сделал знак слугам и хозяевам оставить нас, самолично плеснул мне в кружку ещё красного вина и сказал:

– Вы действительно с ума сошли или настолько непроходимо глупы? Пейте и ешьте, не то ваш милый ротик наговорит ещё больших глупостей.

Меня разозлил его тон, но я пока решила дать ему высказаться. Пригубила терпкое кислое вино, которое мне совсем не нравилось, но оно неплохо развязывало язык. В том числе и мне. Надо меньше пить, больше есть.

– Я тёмный маг, вы же знаете. Мне не так легко найти пару хотя бы потому, что я могу забирать силу светлого мага. Пусть не надолго, но полностью. Без остатка.

Он наклонился ко мне через стол и посмотрел в глаза:

– Какая у вас магическая сила, ваша милость? Хотите, я заберу её себе?

– Не сможете. Вся моя сила, гранд, в том, что я могу и желаю бороться за свою жизнь, – выпалила я и встала, бросив салфетку на стол.

Но комната внезапно поплыла перед глазами, и если бы герцог не поддержал меня за талию, я бы упала.

– Вы отравили меня? – прошептала я, глядя ему в лицо.

Сейчас он был так близко от меня, смотрел с такой тревогой, вглядывался в моё лицо, что мне захотелось, чтобы он меня поцеловал. Или обнял и сказал, что не даст в обиду. Кто-то же должен защищать слабую женщину?

– У меня голова кружится, я чувствую слабость.

– Вы выпили лишнего, ваше величество. Я провожу вас наверх. Негоже, чтобы вас видели в таком виде.

– Я не верю вам. Никогда не поверю.

Сейчас говорила, что думала. Язык молот всё подряд, что я хотела скрыть, например.

– Как угодно, ваше величество, но этот путь мы вынуждены будем пройти вместе. Хотите вы того или нет.

Он был так близко от меня, обнимал меня за талию, хотя между нами всё ещё зияла пропасть, и ни один из нас не желал перебросить через неё мост. И всё же сейчас, вино тому виной или странное состояние, когда я одновременно здесь и не здесь, но мне хотелось, чтобы он проявил ко мне внимание. Просто лёгкий флирт.

А то я чувствовала себя предметом мебели. Каким-то кулём с картошкой, купленным на базаре по бросовой цене.

– Аккуратнее, я сейчас упаду.

И тут случилось совсем невероятное. Я потеряла равновесие и в следующий миг оказалась в воздухе. На руках герцога.

Меня замутило, и всё поплыло. «Сейчас я выкинусь в свой мир и не скажу ему «спасибо», – подумала я.

Но вслух ничего не сказала. Веки отяжелели, я опустила голову ему на плечо и прошептала:

– Вы ответите за это.

Вроде бы сказала. И он даже понял, судя по ироническому хмыканью.

Дальше я помнила всё туманно. Лицо Ирен помнила, её глаза, расширившиеся от ужаса, когда герцог опустил меня на кровать в моей комнате, причитания молочной сестры, что это неслыханная дерзость. Даже подняла руку, чтобы сказать, что полностью согласна, но рука оказалась настолько тяжёлой, что, помахав её, как раненым крылом, я оставила попытки.

– Она выпила лишнего, – услышала я слова герцога и хотела было возразить. Сначала надо было привстать, а то лежу тут как на смертном одре.

Эта мысль если не отрезвила, то придала сил. Я присела и произнесла как можно чётче (заплетающийся язык мешал):

– Не думайте, что вы так просто избавитесь от меня!

И меня вырубил. Просто будто тумблер щёлкнули, и нет меня.

Совсем нет.

Витая в темноте, мне мнилось, что я сейчас вернусь домой. Может, моя миссия и состояла в том, чтобы переубедить герцога убивать Бланку? И всё же оставались сомнения: как-то всё слишком просто оказалось.

С чего это ему передумывать? Или он уже меня убил? Отравил, к примеру, а потом расскажет королю со скорбным видом: перепила вина в трактире, стыдобщица-то какая, и скончалась, бедняжка, от винных паров.

Получается, я сама облегчила ему дело?!

Нет, это несправедливо. Если только можно было вообще спасти Бланку, но тогда в чём смысл моего попадания сюда?

Признаться, я ранее книг разных про попаданок не считала, только околонуачное или любовно-историческое, где дышала на меня со страниц эпоха. Реальная.

Но сейчас я болталась как отходы над пропастью, не понимая, кто я и что от меня надо. А главное – кому.

С усилием я разлепила веки. Меня привела в чувство головная боль, за которой, стоило пошевелиться, сразу пришла тошнота. Я чувствовала себя так, будто меня на кусочки разорвали, а потом кое-как склеили, не сопоставив фрагментов.

Ну что за фигня?!

В горле пересохло. Я присела на постели и чуть слышно застонала. Вокруг была ночь, но я по-прежнему находилась в комнате трактира. Лежала на кровати, одетая в то платье, в котором ходила на ужин с герцогом. Лишь шнуровка корсета немного ослаблена, да ворот платья расстёгнут.

Ирен позаботилась? Где она? Я видела её мельком в этой комнате после ужина.

От воспоминаний о еде затошнило сильнее.

Да я и ела совсем чуть-чуть. Мясо оказалось жёстким, овощи полусырыми – словом, еда отвратная. Немудрено, что постоялый двор обычно пустует.

И я пила вина. Много, если подумать, но не настолько, чтоб умирать сейчас с похмелья. Однако главное – я всё ещё жива и могу двигаться.

Хотела позвать Ирен, ночевавшую в соседней комнате по моему же приказу, потому что меня достало спать с ней в одной, будто я снова снимаю хату с другой девочкой. Всю жизнь мечтала о собственной спальне!

И тут я заметила белый лист бумаги, сложенный вчетверо. Записка, но от кого?!

Глава 10

Герцог вряд ли стал бы мне писать, ему достаточно увидеть меня утром. Он может что угодно сказать мне наедине.

Тогда кто это? Ирен? Нет, она бы тоже не стала доверять слова бумаге.

Я развернула листок и поднесла к пламени свечи, горевшей на столике.

Почерк был мне незнаком, но написано рукой твёрдой, человеком, не слишком привыкшем писать письма.

Несколько ошибок в тексте всё это подтвердили.

«Я ваш друг, вынужденный скрываться. Догадались, что вас хотели отравить? Мне удалось разбавить отравленное вино противоядием, но в следующий раз я не смогу спасти вас.

Как проснётесь, зажгите магический шар у окна. Я буду знать, что вы готовы поговорить.

Спускайтесь по боковой лестнице, что от вашей комнаты в конце коридора направо, во двор. Выйдете за забор, я открою для вас калитку.

Служанку не будите, иначе я не приду. Никому не доверяйте, у вас нет друзей в том доме.

Ваш преданный и, увы, единственный друг».

Я снова перечитала записку, потом ещё раз.

Даже тошнота немного отпустила, хотя руки всё ещё подрагивали.

Значит, я права? Отравили. Пытались отравить. Герцог, больше никому.

С одной стороны, от сердца отлегло, я не параноик и не истеричка. С другой, мне захотелось немедленно пойти к нему и высказать всё, что думаю.

Глупо. В следующий раз он просто будет хитрее.

Вот же гад!

А я почти поверила, что он на моей стороне! Или хотя бы делает вид, что соблюдает нейтралитет!

Стараясь не шуметь, я зажгла магический шар у окна, сделать это было несложно даже с уровнем магии Бланки.

И пока приводила себя в порядок, оправляла одежду и волосы, думала, стоит ли следовать инструкциям из письма.

А если это ловушка? Не спущусь – не узнаю.

Из зеркала, которое Ирен таскала за Бланкой, на меня смотрела решительная королева. Бледная, с тёмными кругами под глазами, но жёсткая линия губ, глаза, горевшие тёмным светом, даже наметившаяся морщинка над правой бровью говорили, что она так просто не сдастся.

Значит, иду. Решено.

Но на всякий случай возьму кинжал Ирен. Я ещё в первый-второй дни здесь стащила из её запасов маленький ножичек. Молочная сестра благоразумно сделала вид, что не заметила пропажи, лишь как-то сказала, что надо колоть смело. Если уж решились, мол.

Я давно на всё решилась.

Шла по коридору, кралась, как преступник, жалея только о том, что не могу надеть джинсы и футболку, чтобы, если что, бежать со всех ног.

Но бежать-то и некуда. Так я домой никогда не вернусь!

Дом спал, лишь внизу со стороны кухни и подсобных помещений слышался дальний шум. Скоро рассветёт, но пока ночь темна.

Записку я оставила у себя в Библии. Если что случится, герцог её найдёт.

Я выбралась на улицу, оглянулась на дом – на втором этаже окна смотрели на меня тёмными глазницами. Герцог тоже поселился наверху, должно быть, спит.

Надо же, я думала, он как Дьявол, всегда начеку.

Вот и славно!

Дальше всё шло по плану.

Калитку я обнаружила быстро, хотя темень во дворе стояла такая, что ногу сломать можно. Магические шары продавались задорого, тут не до роскоши.

За калиткой на меня глядела непролазная тьма. Кустарники, росшие вдоль дороги по обе её стороны, холмы, казались неведомыми стражниками, что только и ждали сигнала невидимого главаря, чтоб напасть.

Может, ну их? Хотя друзьями разбрасываться не следовало. Что я могу ещё сделать сама? Ждать, пока меня прикончит герцог? Вероятно, он просто готовит почву для того, чтобы моя кончина не вызвала подозрений.

Хвора я была королева. И не придерёшься, вон сколько свидетелей!

Я решилась. Ступила за калитку, и та аккуратно, с лёгким скрипом закрылась за мной.

– Эй, есть кто? – позвала я шёпотом, но делать шаги навстречу неизвестности не стремилась.

– Ваше величество, – зашептал молодой женский голос откуда-то из-за куста. – Не бойтесь, я служанка здесь.

Что-то внутри царапнуло подозрением. Откуда служанке быть настолько грамотной, чтобы писать письма? И чтобы знать, кто я на самом деле!

– С вами поговорить хотят. Не бойтесь.

– Выходи, чтобы я тебя видела, – возвысила я голос.

Если что, поверну обратно.

Кусты зашевелились, на дорогу скользнула женская фигура в тёмном плаще.

Луна скрылась за облаками, я невольно сделала несколько шагов вперёд.

И тут же на меня напали, сзади накиннув на голову плотную ткань. Я пыталась закричать, но будто оглохла и охрипла.

А потом и вовсе отключилась.

«Ну и дура ты, Оля!» – подумала я в сердцах и мысленно махнула рукой. Значит, судьба!

Очнувшись от подкатившей тошноты и ломоты во всём теле. Обнаружила, что лежу на каких-то тряпках, от которых пахло кислым вином и потом, связанная по рукам и ногам и с повязкой на глазах.

И ещё меня куда-то везут.

Не убили, значит, я нужна моим похитителям живой. И это вряд ли герцог, потому что ему как раз я живой, шатающейся по королевству неизвестно где, не нужна.

Мелькнула спасительная мысль, что похитители – люди моего двоюродного брата, но я сразу отмела её. Слишком это фантастично даже для книжной истории. Здесь другая страна, и король другой.

Решила прикинуться слабой и застонала. Сначала тихо, потом чуть громче.

Рядом послышались шаги, и чья-то женская рука приподняла мою голову и поднесла к губам молоко.

Прохладное, вкусное, но от него меня замутило сильнее, о чём я не преминула сказать незнакомке.

– Обещайте, что не попытаетесь бежать, гранда, и я вас развяжу.

Я пообещала. И разумеется, не собиралась соблюдать договорённости.

С глаз упала повязка, и я увидела склонённое надо мной лицо женщины средних лет. Черноволоса, черноглаза, смугла, она походила на красивую цыганку. Разве что волосы её были не распущены, а заплетены в толстую косу, болтающуюся за спиной, как змея.

– Кто ты? – спросила я её всё тем же слабым голосом.

– Меня зовут Идалия, гранда, – с достоинством, несвойственным простому люду, который я доселе встречала, ответила она. – Лежите смирно, ослаблю путы.

Я выполнила указания, чтобы заслужить её доверие. Видно, что женщина добрая, хоть по тонким, сжатым в линию губам, по решительным взглядам, которые она бросала на меня, я угадала, что выполнять приказы она умеет. И умолять её отпустить меня бесполезно.

Пока что.

Когда мне позволили сесть, я осмотрелась.

Кибитка, крытая холщовой тканью, довольно просторная, внутри был брошен тюфяк из соломы, на котором я сейчас сидела, но имелось нечто вроде перины в углу, прикрытой добротными цветастыми тряпками. Низенький столик с выставленным на нём кувшином из глины, железный сундук, окованный медью – кто бы ни похитил меня, а он был не беден.

На бродягу не тянул.

И эта Идалия тоже не походила на оборванку. Одета в серо-коричневое платье, какие носили купчихи, она укрывала плечи цветастым платком.

– Ты цыганка? – спросила я, тут же поняв, что это слово ей незнакомо.

– Я из кочевого народа, гранда, – кивнула она с горделивой осанкой. Будто оказывала мне честь таким пояснением. – Не знаю, что означает ваше слово, но, думаю, это очередная кличка, придуманная для нас благородными доньями.

И снова всё в моей голове перевернулось с ног на голову. Я не читала в книге ни о какой Идалии, цыгане в книге тоже не упоминались.

Да и в истории Португалии они появились только в шестнадцатом веке. А на улице вроде как четырнадцатый!

– Я не хотела тебя обидеть, Идалия, – осторожно сказала я, называя её по имени.

Нам в институте на кафедре психологии говорили, что имя для человека – самое главное слово. Если повторять его часто, то заслужишь доверие.

– Меня мутит.

– Я поднесу вам таз и дам травку понюхать. Но нам не велено останавливаться, гранда.

Она поднялась и уверенной виляющей походкой прошла к сумке, лежащей в углу. Я заметила, что материал этой авоськи – кожа. Выделка кожи стоит немало, потому что охотиться на кабана или косулю можно только по грамоте от гранда. Коровья кожа дешевле, но тоже не пять копеек – корову держат не каждый, закалывают её не каждый день. Как и овцу или свинью.

Похитители были при деньгах, значит, они точно знают, кто я.

Идалия аккуратно, с почтением, но без угодливости служанки преподнесла мне таз, дала понюхать траву, и меня тут же вывернуло. Однако сразу стало легче.

– Кто меня похитил? Вы будете требовать выкуп?

– Это не моё дело, гранда. Я приготовлю вам тёплое вино с травами. Не хотите? Тогда сварю кофе, мне говорили, благородные любят этот странный горький вкус.

Кофе привезли из Америки. Получается, Колумб уже туда съездил? Или в книге благодаря воле автора всё смешалось?

– Благодарю, Идалия.

Я не стала засыпать её вопросами. Только узнала, что даже по нужде не смогу сходить в кусты, потому что «караван должен ехать». Куда, было неизвестно. Мне уж точно, по лицу тюремщицы я видела, что она знакома с главарём их шайки.

– Осталось два часа пути, гранда. Потерпите неудобства.

Мне приготовили неплохой кофе, правда, без сахара и молока. И даже без кусочка горького шоколада, который здесь ещё не был известен.

И всё же кофе взбодрил меня. Я бы очень хотела выглянуть наружу, чтобы кинуть платок из кармана для тех, кто отправится меня искать. На крайний случай буду знать, где я. Прыгать на ходу не собиралась: глупо, небезопасно, меня всё равно догонят, и я лишусь той свободы, которой сейчас пользуюсь.

Идалия тем временем сидела по-турецки напротив, прислонившись к сундуку, и раскуривала длинную трубку.

– Хорхе обучен манерам, гранда. Будете вести себя тихо, он не причинит вам вреда.

– Хорхе – это ваш главарь?

Где-то я слышала это имя. Покопавшись в памяти, вспомнила: шайка Хорхе пропала из этих мест год назад.

– Мне говорили, что его убили год назад, – сказала я и тут же поняла, что зря.

Идалия нахмурилась, пустила колечко дыма в мою сторону и ухмыльнулась:

– Кто убил, тот и воскресил. В наших делах, гранда, смерть не окончательна. Надо будет – сто раз воскреснет Хорхе. Но не вы, гранда. Не с вашими врагами.

Глава 11

Разговор увял. Идалия перестала отвечать на вопросы, а когда я попыталась поговорить о погоде или еде, то сделала знак молчать.

Вскоре кибитка остановилась, а моё сердце вдруг заколотилось пуще прежнего.

Королева Бланка, вся её память, прежний скудный жизненный опыт и душа кролика говорили, что надо покориться Богу. Ему видней, каким испытаниям нас подвергнуть.

А я и не спорила. Я лишь мысленно твердила, что сделаю из лимона лимонад.

– Тихо сиди и не спорь!

Снова кивнула. Даже когда внутрь забрались двое мужчин, с виду разбойники, промышленные не только кошельками одиноких путников, но и при случае забирающие их жизни, чтобы отвести меня к их главарю, я накидала примерный план нашего разговора.

– Какая красotka! – присвистнул один, не имеющий половины зубов, бородатый бродяга. От них обоих пахло кислятиной, потом и кровью.

– Не балуй, Серсе, эта птичка высокого полёта, за неё много обещано.

– Ну так мы отщипнём кусочек, после Хорхе, конечно. – возразил первый и ущипнул меня за плечо. – Хорхе закон братства уважает, добычей делится.

Я скривилась, но решила не возмущаться, тем более Идалия спокойно, с усмешкой пролетария, взиравшего на заслуженное унижение богатых, наблюдала за мной.

Моё возмущение ничего не изменит, лишь добавит унижения. Главное – добраться целой до главаря этой шайки и выяснить, кто его направляет. И договориться.

Азы дипломатии на факультете нам преподавали. А я ещё посещала факультатив, просто из интереса.

Меня вытащили на свежий воздух, и голова сразу прояснилась. Я огляделась: мы продвинулись на север страны. Равнинная местность потихоньку сменялась холмистой.

Прикинула, что встали вдали от основной дороги страны, потому что все деревянные столбы или указатели пути исчезли, зато невдалеке появилась река. Если бы не данные обстоятельства, я обязательно испугалась бы, но увы.

На меня смотрели как на диковинку. Я была права – похитители были цыганами или их ближайшими родственниками. Звучали негромкие песни под гитару, фыркали лошади, получившие еду и свободу от тягловой работы, раскидывались и вырастали как грибы после дождя, цветастые шатры. Слышалась речь с примесью южного диалекта.

Королева Бланка ранее была знакома с ней, но при каких обстоятельствах, я так и узнала.

Меня отвели в самый большой шатёр с вымпелом на его верхушке, похожим на знамя или герб. Скачущий заяц спасался от орла, но тот вот-вот его настигнет.

Не хватало девиза, как принято у аристократии, вероятно, глава шайки либо опасался его писать, дабы не быть связанным с покровителями, либо девиз просто не поместился на оранжевой прямоугольной тряпице, служившей знаменем.

Меня грубо втолкнули внутрь, что я упала на колени и руки.

Пахло ладаном и свечами, шипровой водой и миррой. Странные запахи для шатра бандита.

– Не спешите поднимать головы, гранда. Я люблю изгибом вашей нежной шеи. Длинная, красивая, белая, но её так легко сломать грубой рукой, – заговорил приятный баритон.

И я вздрогнула: Бланка слышала этот голос на своей собственной свадьбе!

– Позвольте вашу руку, гранда. Я помогу вам, – и мужчина настоял, чтобы помочь подняться.

Но готов ли он помочь во всём остальном?

Я посмотрела ему в лицо.

Это был крепкий, приятно сложенный мужчина с чёрными вьющимися кудрями до плеч, смуглый, лицо открытое приятное, борода аккуратная, а-ля испаньолка, но всё портили глаза. Они были разного цвета: один зелёный, другой – карий.

– Я помню вас, дон. Вы были на моей свадьбе, лишь имя позабылось. Простите, вся моя прошлая жизнь теперь кажется ненастоящей.

Он смотрел на меня и держал за руку, а потом поднял её и поцеловал, всё так же не сводя с меня масленого взгляда. Я понимала, что это значит: все считали меня красавицей, все хотели воспользоваться моим положением только потому, что я королева.. А вот фиг вам!

– Вижу, вы тоже позабыли этикет, дон, раз подняли мою руку, когда должны были склониться к ней, – произнесла я, и, наконец, мужчина отпустил меня.

Но не отошёл.

– Вы устали, гранда, давайте пообедаем.

– Как мило, – ответила я, подходя к столу, накрытому белой скатертью, беря из корзины красное яблоко. Оно было как декорация и почти не пахло.

На столе стоял кувшин с вином, две фарфоровых тарелки, столовые приборы, поблескивающие серебром. Всё это казалось картинкой из другой рамы.

– Что-то здесь не так, дон, но я не пойму вашу игру. Пока не пойму. Скажите, это вы писали мне письмо? Не отрицайте, кроме вас, некому.

Мне надоело играть в кошки-мышки. Я обернулась к похитителю и смело посмотрела на него, поймав себя на мысли, что если бы сейчас сюда ворвался герцог Каста и сжёг всё дотла, я бы обрадовалась.

Видимо, устала. И была зла на всех, кто считал, что меня как куклу можно перекладывать из одного сундука в другой!

– Молчите?

– Вы не вспомнили моё имя?

– Хорхе. Вы главарь местной шайки, верно?

– Тогда как я мог оказаться на вашей свадьбе?

Его забавляла моя растерянность. Он улыбался, но глаза оставались холодными. И разорванное ухо добавляло главарю грозный вид, как метка Зверя. Гетерохромия – разные по цвету глаза – в средневековье считалось отметиной Нечистого.

Думаю, кем бы ни был мой похититель, а в жизни ему пришлось немало вынести. Будь он сыном небогатых родителей, и вовсе бы не дожил до взрослых лет.

– Я видела вас в толпе приветствующих.

Память Бланки не давала мне увидеть картинку, лишь её разрозненные куски. Хоть убей, я не помнила, кто передо мной, но попыталась догадаться.

– Вы не говорили со мной. Однако раз присутствовали при дворе, то благородной крови. И как же получилось, что вы стали разбойником с большой дороги?

Я позволила усадить себя в кресло, хозяин сел за стол напротив.

Смотрел на меня с любопытством и едва сдерживаемой улыбкой, будто ему было интересно наблюдать за тем, как я барахтаюсь в догадках.

– Оставим в покое моё тёмное прошлое, гранда, поговорим о вашем будущем. Оно же интересует вас гораздо больше?

– Верно, дон. Но что-то подсказывает мне, что ваше прошлое и моё будущее крепко связаны, иначе бы мне не быть здесь. Так, вы хотите моей смерти?

Это было против правил. Дама не могла говорить прямо с мужчиной, ели он не её муж. Тем более королева. Даже если она пленница, но в душе я осталась Олей, желающей исполнить всё, что поможет ей вернуться домой. И времен на расшаркивания у меня не было.

И ещё я надеялась, что выведу из привычной зоны собеседника, и тот проговорится.

– Что вы, гранда?! Я разбойник, вы правы, но не убиец невнних душ. Мне сказали, что вы кроткая овечка, бьющая поклоны в церкви. С вами не буде проблем, вы давно покорились воле Бога, но вижу, что они вас плохо знали. И такой вы мне нравитесь, да простите мою дерзость, гранда.

Он тоже вертел в руках красное яблоко, потом надкусил и принялся жевать, погладывая на меня так, будто хотел надкусить меня.

– Не могу пока сказать о вас тоже самое, дон. И называйте меня «ваше величество». К чему этот фарс? Вы знаете кто я, а я пока не знаю точно, кто вы. И главное – на чьей вы стороне, дон Сарвальо.

Имя пришло на ум само собой.

Как и обрывочное воспоминание: вот дон Хорхе стоит в заднем ряду приглашенных на свадьбу, а мы рука об руку с королём идём по пиршественному залу к нашим местам во главе стола. Все придворные низко склонились, только канцлер, маркиз Тавора и его дочь улыбаются моему супругу как давние знакомые. Как соучастники.

Бланка не желала удостаивать их взглядом, она смотрела в сторону, жалко убылаясь, чтобы не заплакать. Её венценосный кузен обещал, что Марию удалят от двора, но новоявленная королева по холодности к ней короля, по его пренебрежительным, даже резким ответам, что её слово здесь ничего не значит. И просьбы не будут услышаны.

Тогда она и заметила Хорхе Сервальо. Обедневший дон приехал на свадьбу с прошением. Держался хоть и с достоинством, но в его глазах застыло тоже прошение о пощаде, что и, должно быть, читалось в глазах Бланки.

– Мария Тавора, угадала?

Я нащупывала почву. Взглянула на стол, и мне померешилось, что он обычный. Деревянный, накрытый грубой тканью, а тарелки те же, что были и в трактире.

Это что, сбой матрицы?

– С чего вы взяли? – тон главаря сделался острым, как его кинжал, для устрашения висевший на широком поясе.

– А кто ещё? Король не стал бы прямо поручать это дело главарю шайки разбойников.

– Мы грабим только тех, кто мешаает его величеству.

– Благородно, – улыбнулась я, глядя ему в глаза. – И уже не так стыдно лишать свободы несчастную запуганную женщину, за которую некому заступиться? Вы похители меня не ради выкупа, верно?

Молчит, гад. Так и есть!

– Вам приказали убить меня сначала духовно, чтобы я сама пожелала уйти, а потом и физически, но потом избавятся от вас. Ненужного свидетеля. Потому что молчат только мёртвые, верно, дон?

Хорхе слушал меня всё внимательнее. Его взгляд вдруг потерял былую остроту. Он смотрел как бы вглубь себя, трепил свою аккуратную бородку.

Ну, созрел. Была не была!

– А у меня к вам другое предложение, дон Сервальо.

Глава 12

– Что вы можете мне предложить, ваше опальное величество? Вы даже себя не можете спасти. Вы уже ослабили свою магическую защиту донельзя, так мне передали, так что довершить начатое вами несложно, – усмешка на его красивом лице стала горькой. Вероятно, я задела болезненные струны его души.

– Так скажите, разве вы королева без королевской магической защиты?

Значит, кто-то донёс. Среди приближённых Бланки есть шпионка. Надо запомнить это и вычислить предателя.

Если вернусь.

– Сейчас мы почти равны, дон. Но если оба приложим усилия, то всё поменяется. Удача любит отчаянных, вам ли это не знать?

– Если вы так умны, ваша милость, какой хотите казаться, скажите, кто меня послал?

Хорхе наклонился через стол и накрыл своей ладонью мою, сжимающую другое красное яблоко.

– Или вы только Ева, соблазняющая меня отравленным правдой яблоком?

Я попыталась вырвать руку, но он держал крепко. И в его разномастных глазах я читала приговор себе. Неокончательный.

Наконец, я получила относительную свободу. Встала и принялась медленно ходить, стараясь не смотреть на разбойника, чтобы не сбиться. Не выказать страх, который стылым клинком торчал в груди.

И каждый раз, когда я делала шаг в сторону, он колол меня, напоминая: «Я ещё здесь. Бой не окончен, но ты уже серьёзно ранена. На чьих руках ты испустишь последний вздох?»

– Это не Мария. Она презирает таких, как вы, потому что желает забыть, что сама такая же. Или ещё ниже – шлюха, ублажающая в постели чужого мужа за золото и титулы.

– Вы ненавидите её.

Хорхе встал и подошёл сзади, обняв меня за плечи. Легонько, но его руки сжимали крепко, в тиски, из которых я бы при всём желании не смогла вырваться.

– Сначала, да. А потом мне стало на неё плевать. Я хочу видеть, как грязь втопчут в грязь, где ей самое место.

– Вы жестоки, ваше величество.

– Нет, я справедлива, как и наш король.

Специально упомянула о короле, чтобы остудить пыл бандита.

– Так может, это он отдал приказ? – тихо спросил Хорхе, склоняясь к моей шее, и легонько поцеловал меня. – Что помешает мне насладиться вами, а потом придушить? Ваша смерть будет лёгкой.

– А ваша нет, – выдохнула я, дрожа всем телом и понимая, что никто меня не спасёт.

Где этот чёртов герцог?!

Потирает руки, радуясь, что нашёлся ещё один дурачок, на которого можно свалить грязную работу? А потом сделать вид, что таков и был план!

К чёрту этих мужиков, сама себя спасу!

Я вывернулась из объятий Хорхе и взглянула ему в лицо. Вероятно, он опешил от такой прыти, потому что не сделал попытки поймать меня снова.

– Вас казнят на городской площади. Повесят как вора и разбойника. Или сначала четвергуют, а потом повесят. И все добропорядочные подданные придут плюнуть в вашу кровь и разбитое под пытками лицо, как во врага королевства. Очень удобно так избавляться от врагов! Мало ли что он там плетёт про договорённости под допросом с пристрастием?! Разбойник с большой дороги, они все лгуны! Так порешат.

Хорхе побледнел, было заметно даже под его смуглой кожей, будто я надавала ему пощёчин. Будто смерть уже дыхла ему в лицо. Каждому здесь она предстаёт в своём облике.

А я уже вошла в раж и не собиралась останавливаться.

– Это не король приказал вам, ему нет смысла убивать меня, дон. Ему нужны законные наследники, против прав которых не выступят другие подданные. А вот партия Марии с моим воцарением может потерять всё. Но она слишком недалёковидна, чтобы поручить это дело двоим.

– Двоим?

В его лице мелькнуло подозрение, но оно было направлено не против меня. Он, наконец, начал что-то понимать.

– Конечно, успех такого важного дела нельзя поручить одному. Вдруг вы окажетесь слабым духом? Или тот, другой.

Я решила укрепить подозрения и продолжила. Меня тут осенило!

– Это её отец приказал вам, верно? Канцлер Тавора? И пообещал восстановить вас в правах дворянина. Забыть о прошлом, вы начнёте жизнь с чистого листа, так он говорил? Так знайте, дон, это ложь. Если бы была правда, подумайте, вы бы стали для маркиза и его дочери постоянной угрозой. Настроение его величества переменчиво, короли часто меняют симпатии, а у вас в руках такой козырь против канцлера! Никто такого не потерпит! Вы не могли об этом не думать, дон Сервальо!

Мы стояли друг против друга, лицо собеседника менялось, и вот на нём явно проступили следы гнева.

Я отступила на шаг, но было поздно.

Хорхе в один миг оказался рядом и схватил меня за горло. Я могла дышать, я видела его лицо так близко от своего, я чувствовала на своих губах его дыхание (кстати, довольно свежее). И моё бедное сердце испуганным кроликом готово было выпрыгнуть из груди.

– Ваша милость говорит опасные речи. Кто знает, не подослали ли вас ко мне? Может, лучше просто сломать вам шею, а там будь что будет? Или сперва ослабить вашу магию, сломив вашу волю? Его величество не будет рад опозоренной другим женщине.

Меня прошиб холодный пот. Ранее я об этом как-то и не думала: кто помешает разбойнику изнасиловать пленницу, да тут любая магия ослабнет.

– Вы ведь ещё невинны, гранда? – ухмыльнулся Хорхе, и я увидела знакомый по прошлой жизни блеск в глазах.

Я и раньше нравилась мужчинам, они делали непристойные предложения, но никогда опасность не казалась такой близкой.

– Две минуты наслаждения против нескольких суток под пытками. Думаете, вас просто убьют в перестрелке?

Он убрал руку с моей шее, так что говорить стало легче.

– Нет, маркизу для своего короля нужно будет устроить показательную казнь. И для народа тоже, для моего кузена— короля, чтобы все видели: такое преступление не осталось неотомщённым. Я же предлагаю вам другую игру. Возможно, в ней мы с вами выиграем.

Я несла всё, что придёт в голову. Конечно, была далека от мысли, что можно чего-то там противопоставить правой руке короля. Главное – живой добраться до столицы, а там Бланка разберётся.

Я была безумно далека от мысли, что реально могу вести какую-то там игру с опытными царедворцами и женщиной, на кону у которой благополучие собственных детей. Она десяти таким, как я, горло перегрызёт ради них!

– В доказательство чистоты и серьёзности моих намерений я оставляю вам эту брошь.

Сняла жемчужное украшение с шеи и положила на стол рядом со своей пустой тарелкой.

– Меня будет обвинить в том, что я украл его у вас.

– Верно, – кивнула я. – Если найдут.

Отлично, он уже торгуется, значит, согласен!

– И всё же это знак моего доверия. Вы мне понадобится, Хорхе, очень скоро. Я хочу знать, согласны ли вы рискнуть жизнью и честью ради меня? Я не могу обещать вам, что верну дворянский титул, но если это будет зависеть от меня, я это сделаю. Хотя бы потому что мне нужны преданные люди. При дворе. И возьмите эту рубиновую заколку, ей вы можете распоряжаться по собственному усмотрению, мне не нужно, чтобы герцог заподозрил меня в сговоре с вами. Нам осталось решить, как будем держать связь.

– Через мою старшую сестру, ваше величество. Вы с ней уже знакомы. Её зовут Идалия.

– Когда будет возможно, я возьму её в услужение. А пока пусть следует за мной издалека. Я придумаю способ, как безопасно представить её слугам. Но это будет позже.

– Когда вам захочется её видеть или что-то передать мне, ваша милость, зажгите магический шар у самого окна и оставьте так утром. Она вас найдёт. Но помните, ваша милость, – тут Хорхе подошёл ко мне и схватила за плечо, посмотрел в глаза. – Я доверился вам, но и вы в моей власти. Не королевской, разбойничьей. В следующий раз вы так легко не отделаетесь. Прощайте.

Не успела я что-то ответить, как снаружи раздались крики и звук стрельбы.

– Оставляю вас, ваше величество, с вашим провожатым. И помните наш уговор!

Хорхе, прежде чем отпустить мою руку, наклонился и поцеловал в щёку.

Я опешила от такой наглости, но не успела что-либо сказать, как поняла, что осталась одна посреди шатра. И стол, уставленный яствами, сервированный так, будто я была на приёме у дворянина, превратился в обычный походный. Грубо сколоченный, деревянный, накрытой чистой серой домотканой скатертью. С глиняной посудой.

Лишь корзина с красными яблоками, но не такими красивыми, не такими идеальными, какими они представлялись мне в начале, была настоящей. Вот она магия Хорхе – он мастер наводить иллюзии.

И он светлый маг! Разбойник и убийца, а может, и насильник.

Я недолго оставалась одна посреди шатра с вполне себе обыденно для походных условий обстановкой. Он больше не казался мне уютным и комфортным для проживания.

Полог откинулся, и внутрь вбежал герцог, сжимая меч в правой руке. Его сопровождали двое стражников, так же с мечами наперевес, но, увидев меня, они молча поклонились и вышли.

– Ваше величество, вы целы?

Герцог опустил меч и подошёл ко мне, заглянул в лицо. Его было испачкано сажей и грязью, но сейчас он показался мне гораздо красивее, чем в нашу первую встречу. Тревога во взгляде была неподдельной, и она тешила моё самолюбие. Недолго.

Герцог вложил меч в ножны на поясе и схватил меня за плечи совсем как недавно это делал Хорхе Сервалье.

Теперь в его лице был лишь жадный интерес царедворца, вероятно, ещё и страх за исход порученного ему дела.

– Кто вас похитил? Отвечайте! Что они с вами сделали?

– Ничего дурного, ваше сиятельство. Это банда разбойников из кочевого народа, я лишь успела мельком увидеть их главаря, а потом явились вы и спасли меня.

Польстить было нелишним.

И не выболтать лишнего.

Хорхе забрал мои украшения, что не осталось незамеченным герцогом.

– Он ограбил меня, верно. Думаю, они не поняли, кто я. Узнали, что на постоялом дворе остановилась богатая дама, решили выманить меня и потребовать выкуп.

– Я нашёл их записку. Написанную пусть нетвёрдой, но вполне себе привычной к перу рукой. Пойдёмте, ваше величество, у нас будут время на разговоры. Сейчас главное – вы живы, можно продолжить путь. Мне будет наука – не делать большие остановки.

Он накинул свой плащ мне на плечи.

Я видела, что ему хочется упрекнуть меня в неосмотрительности, понимала, что я сама влипла в эту историю и что она могла закончиться совсем не так, как завершилась.

Понимала и решила не оправдываться. Я должна помнить, что королева, я держу ответ перед Богом, королём и супругом.

Но всё же решила поблагодарить спасителя:

– Я очень рада вас видеть, ваше сиятельство. И та скорость, с которой вы меня нашли, делает вам честь. Я оценила.

Сказала, ожидая молчаливый поклон, но тёмный маг не был бы таковым, если бы сдержался от колкости.

Мы как раз подходили к его экипажу, внутри которого меня ожидала Ирен и донна да Висанна. Всё вокруг, лагерь разбойников, напоминал поле боя, где одна сторона заняла позиции другой молниеносным броском. Разбойники покидали скарб и бежали. Им не впервой.

– Та скорость, с которой вы пошли навстречу опасности, навели меня на другие мысли, ваше величество. Либо слухи правдивы, и вы ищите смерти, либо вы очень... наивны.

Я вспыхнула. Видела по противной улыбочке, что он хотел сказать «глупы».

– Об украшениях не сокрушайтесь, считайте это платой, – добавил он.

Ага, за вашу глупость.

Ладно, пока проглочу и это.

– И вот ещё, ваше величество, придумайте пока благовидную причину, по которой вы оказались вне стен постоянного двора ночью.

Герцог открыл дверь и помог мне взобраться внутрь. Дамы склонили головы, я видела, как Ирен сдерживается, чтобы не броситься мне на шею, не начать расспрашивать или журить по-сестрински, как донна да Висанна сокрушённо качает головой.

– Благодарение Богу, со мной всё в порядке. Это Он отвёл меня от беды, разбойники не посмели посягнуть на мою жизнь и честь, – произнесла я громко.

Эта донна должна запомнить и всем передать: королева вышла сухой из воды.

И я добавила:

– Богу угодно, чтобы я исполнила свой долг.

Обе мои провожатые перекрестились.

– А что касается моих врагов, то они будут сокрушены, – тихо добавила я, а попугай Сирус, сидевший в клетке у ног донны да Висанна и до того насупленно молчавший, наконец громко произнёс:

– Грёбанные суки!

Ну что ж, я с ним была согласна. Именно так я о своих врагах и думала.

Глава 13

Последующие два дня меня очень сильно клонило в сон, будто энергия уходила из меня по мере того, как я отдалялась от места своего заключения в замке Мендоса.

Книг у королевы почти не было, лишь Писание, на страницах которого я гадала от скуки. Задавала мысленные вопросы и открывала страницу наугад, чтобы прочесть ответ.

Так мне было ниспослано следующее:

«Твёрдо стой в завете твоём и пребывай в нём и состарься в деле твоём»

Это я получила ответ на вопрос: «Вернусь ли я домой после того, как доставлю Бланку к её мужу?»

По всему видно, выходило не очень гладко. Это что значило: что мне не вернуться вовсе?

Тогда я задала второй вопрос: «Враг ли мне герцог? Стоит ли мне ему доверять?»

Выходило и вовсе весело: «Избавит в мире душу мою от восстающих на меня, ибо их много у меня».

Значит, пока будем держаться герцога.

На привалах, которые он повелел делать как минимум два раза в день, чтобы на ночь свернуть-таки на очередной постоялый двор, хотя грозился этого не допускать, он справлялся о моём самочувствии, спрашивал о просьбах, был учтив. Но смотрел как бы поверх моей головы и отвечал сухо, без привычной иронии и даже без угроз.

Обиделся что ли?! Ну мужчины – сущие дети, даже если тёмные маги.

Я решила поговорить с ним, узнать, что да как хотя бы потому, что общество благочестивой донны да Висанна, говорящей только о добродетели своего покойного мужа и ныне здравствующего покровителя-герцога, меня утомило. До скрежета в зубах.

Герцог то, герцог сё. Послушать её, так он святой, а я чувствовала его взгляд на себе, когда он думал, что я того не замечу.

И этот взгляд принадлежал сытому хищнику, раздумывающему, стоит ли шкура оленя затраченных усилий.

Я не доверяла никому, и это сводило меня с ума.

– Ваше величество, герцог получил какие-то письма, пока вас не было, – шепнула мне Ирен на одной из остановок, как к нам тут же подошла донна Луиса.

Будто её настоящая цель была следить за мной и докладывать о моём настроении герцогу.

– Мне нужно исповедоваться духовнику. Получить у него наставления, – передала я свою просьбу донне и увидела одобрение в её глазах.

– Вы очень мудры, ваше величество. Только в Боге наше утешение и сила.

И удалилась выполнить мою просьбу.

– Этот духовник, отец Педро, я не доверяю ему. Его поставили вместо франкийского отца Жана, чтобы знать ваши мысли, – тут же подошла ко мне верна Ирен, положив руку на пояс, за которым носила маленький кинжал.

Во взгляде молочной сестры я прочла тоже отчаяние, которое находила в своей душе, и мне захотелось утешить её. Пусть думает, что у меня верный план. Пусть отдохнёт от забот.

Женщине, да и мужчине порой, важно чувствовать, что кто-то заботится о твоих нуждах. Что ты не бредёшь в полной темноте навстречу бесполезной смерти.

– Я помню, кому он должен служить. И видела, что он готов продаться другой стороне. Верь мне, нас направляет Бог.

Я пожала ей руку и тут же поклонилась подошедшему священнику.

– Его сиятельство предоставил нам для беседы свой шатёр, – поклонился отец Педро, благословив меня крестным знаменем.

Ага, наверное, чтобы дать понять, что он здесь всё контролирует. Подслушать исповедь никому не удастся, священники помимо воли при принятии сана становятся обладателями магии, препятствующими нарушению тайны исповеди.

Но на птицу эта магия не распространяется, конечно.

– Смотрю, бедняга Сирус не смог вам угодить, ваша милость, – усмехнулся герцог, когда я передала ему, что клетку надобно вынести на время моей исповеди. – Знаете, я снова удивлён.

– Что же на этот раз вызвало ваше изумление, ваша светлость? – спросила я. – Моя наивность или надежда? Или моя вера в Бога?

– Нет, ваше величество. Но вы исповедуетесь столь рьяно, что я уже начинаю думать, что вы грешны побольше моего. А это совсем невероятное дело!

И герцог будто бы случайно коснулся моей руки, самолично открывая передо мной полог своего шатра. Где уже ждал духовник.

Отец Педро изрядно нервничал, что сразу бросилось в глаза.

После соблюдения всех формальностей, предписанных религией, мы перешли к исповеди. И я была рада, что снова лицо священника не скрыто от меня непроницаемой завесой.

– В прошлый раз нас прервали.

– Значит, так было угодно Господу, – отрезал отец Педро и вздохнул.

Нелегко расставаться с мечтой о выгодной епархии, о церковной карьере, на которую я ему намекала. Заманчивые мечты, но реальность сурова. А в ней я пока так и оставалась ненужной королевой.

Но я добивалась разговора с духовным отцом совсем не для того, чтобы заручиться его поддержкой. Он здесь тоже ничего не решал.

Но раз мне помогает Библия в ответах на вопросы, то магия этого мира должна быть связана с религией. Кому, как не священнику знать об этом? Значит, возможно, он подскажет, как мне вернуться в свой мир.

Я уже устала бороться там, где нет никакого шанса.

А Бланка? Ей не привыкать, где бы она сейчас не находилась.

– Отец мой, скажите, меня снова мучат сны, будто бы я не я, а совершенно другая девушка. В другом времени.

Я сказала в лоб и смотрела за реакцией собеседника. По лицу духовника пробежала тень:

– Ваше величество непозволительно близко подпускали к себе различный сброд по типу зельеваров и парфюмеров, вот они и смущали ваш ум своими сказками. Нет никаких иных времён, кроме того, в котором нас приютил Господь.

– Аминь, отче!

Значит, зельевары и парфюмеры знают то, что мне нужно. Запомним.

Ирен как раз знакома с одним.

Я перекрестилась вслед за ним и вернулась к перечислению своих немногочисленных грехов.

Таких, которые обычно просили написать в резюме при приёме на работу. И каждый перечислял такие недостатки, прочитав о которых хотелось встать и пожать человеку руку.

Слишком требовательна к себе, питаю глупые надежды на спасение, когда в него никто не верит, стремлюсь к цели любым путём.

– Гордыня – один из смертных грехов, дочь моя, – посуровел отец Педро, видимо, смекнув, что я поднимать лапки вверх не собираюсь. Как и молча ждать удара кинжала из-за спины.

– Я раскаиваюсь в нём. И молю Господа простить мне также и грех желания помочь тем, кто помог мне.

– Это не грех, дочь моя. Как раз наоборот, это говорит о вашем добром сердце. Вы желаете помочь ближнему, не требуя от него ответной услуги.

– Конечно, отец мой, не требую. Как можно! Я помню о своём обещании вам. Как только воссоединюсь с его величеством, я попрошу его о месте отца-настоятеля для вас. В каком-нибудь монастыре рядом со столицей. И если его величество не выслушает меня благосклонно, мне останется лишь уповать на милость Господа нашего. Чтобы он вразумил моего супруга, и тот внял моим просьбам.

Получила благословение, отпущение грехов и покинула отца Педро. Пусть подумает, пока мы в пути. Хорошенько подумает, чью сторону он будет принимать. Усидеть на двух стульях не получится.

Никому.

– Ваше величество, – подошла ко мне одна из служанок, которых герцог взял с собой из замка Мендоса. – Его сиятельство просит вас прийти в ваш шатёр. У его сиятельства срочный разговор к вам.

Спрашивать у служанки о причине, по которой меня хочет видеть герцог, было бессмысленно. Бедняга, конечно, о ней не знала.

И не сказала бы.

Вон как они все трепещут перед ним!

И не стоит обольщаться его обходительным, в последнее время, манерам – он хищник, сидящий в засаде. И будет преследовать жертву, пока она не обессилит.

– Ваше сиятельство, так вышло, что мы обменялись походными шатрами, – улынулась я, стараясь казаться как можно спокойнее. Смотрела ему прямо в глаза, общалась как с равным, но с оттенком отчуждения. Я всё-таки королева. – Вам так понравился мой?

Ирен организовала всё так, будто мы собирались остаться здесь надолго. И кровать мне выправила, пусть и не настоящую, но вполне удобную.

На сундуки постелили доски, потом перину, можно было не опасаться ночью оказаться на полу.

И комод мой велела принести, даже зеркало, показывающее человека до пояса, хотя отец Педро каждый раз мне высказывал своё недовольство. Мол, тщеславие и гордыня – бич королев.

Про королей никто не смел говорить.

Опасно.

– Мы отправляемся через пару часов, я уже приказал собираться.

– Что-то случилось?

– Прочтите сами, – он протянул мне раскрытое письмо.

Я сразу заметила королевский оттиск внизу послания. Оттиск франкийского короля.

– Узнаёте почерк вашего венценосного кузена?

Я похолодела. Ничего хорошего тон герцога и это письмо мне не сулили. Ясно, что его перехватили. Не стал бы кузен-король писать канцлеру, кормящемуся с руки другой страны. И не только своей.

– Читайте, я вас не тороплю. В конце концов, письмо предназначено вам, ваша милость.

– Кто вам прислал его? Канцлер? Перехватил его через своих шпионов, которыми наводнил страну?

Что я могу сделать? Только нападать, зажатая в угол.

– Для находящейся в глуши, малообразованной королевы вы очень о многом осведомлены, ваша милость.

Он кружил возле меня, и это нервировало. Ждал, пока прочту, заметил, конечно, что мои руки дрожат.

Я пробежала глазами, сначала не поняла смысла написанного. Король Иоанн будто специально хотел написать письмо позаковыристее, чтобы показать свой ум и начитанность. На самом деле просто выпендривался.

Со второго раза, вспомнив родной язык королевы Бланки (а она была не слишком начитанной), мне удалось понять: «Терпи, сестра, я строчу письма Папе, он поможет приструнить твоего мужа, потому что я обещал Святому Престолу богатые дары, а деньги все любят. И Франкия гораздо ближе к Оплоту Бога территориально, чем твоя Клермондия с, прости Господи, Лузитанией.

А ты пока, сестра, помни, о чём мы с тобой говорили в последнюю встречу (ага, помню, как же, ни черта не помню!). Будь тверда в вере, искореняй еретиков и тёмных магов (блин, герцог это прочёл, сто пудов), ибо они отрыжка Господа нашего (всё, мне конец!).

И если желаешь, чтобы я помогал тебе не только молитвами, помни об интересах родной страны. Помни и что-то, наконец, делай, а то без пользы тебя отдали замуж. Только все планы испортила!

– Ну что скажете, ваша милость?

Я уже поняла: чем герцог любезнее, тем в больше ярости находится. Вон как смотрит, будто уже проклинает.

Или хочет удушить.

– Простите моего кузена, короли часто несдержанны в словах.

– А королевы?

– А королевам, ваше сиятельство, приходится лавировать между королями, их приближёнными и прочими членами династии!

Я не выдержала, тоже вспылила. Смотрит, будто это я та самая отрыжка Господа, как не толерантно выразился мой кузен, а не он.

– Я непричастна к этому письму, ваша светлость, и его величество с его глубоким умом сразу это поймёт.

Герцог отступил, усмехнулся, зашёл с другого бока, сложив руки за спиной, будто инквизитор на допросе еретика.

Поставить бы его на место, да Бланка уже это сделала на своей свадьбе и нажила смертельного врага. С которым теперь надо договориться.

– Почему вы показали это письмо мне? Не королю. Значит, о чём-то желаете договориться? – предприняла я новую попытку и обернулась, чтобы снова скрестить с ним взгляды.

– С вами? А разве вам есть что мне предложить, ваша милость? – резко ответил он и сделал шаг навстречу.

Наша дуэль напоминала танец. Или борьбу, в которой нет проигравших. Важно выторговать себе пожирнее кусок.

– Может, и есть, – уклончиво ответила я и улыбнулась. – Мы же одна семья, ваше сиятельство, нам ли спорить?

И тут он поменялся в лице, а я поняла, что затронула болезную тему. Он подошёл совсем близко и спросил тихим тоном, полным скрытой угрозы:

– Что вы имеете в виду, ваша милость? Я приёмный и единственный сын герцога из рода Каста и его супруги, моя настоящая мать была аристократкой из захудалого рода, но отец являлся давней роднёй герцога Каста. Погиб на поле боя. Так на что вы намекаете?!

Я видела бешенство в его глазах. И желание схватить меня за плечи и вытрясти душу. Или правду.

– Я слышала, что вы доводите родственником его величеству, – произнесла я, боясь дышать, но отступать не собиралась.

Угрожаете мне, так знайте, что мне тоже известна ваша тайна.

– Кто вам сказал, ваша милость? Может, вас сослали не только потому, что вы не понравились королю, но и за ваш длинный язык? Знаете, что бывает с такими?

– Королевами? – напомнила я.

Чтобы помнил, кто я.

– Королева – фигура сменная. Лишь король имеет значение на доске, ваша милость, – его гнев поутих, и герцог отошёл к столу.

– Я очень благодарна вам, ваше сиятельство, что вы сказали мне это в лицо. Теперь всё ясно— я слишком задержалась на вашей доске, это хотели сказать?

Он молчал и не поворачивался, тогда я решила закинуть ещё одну удочку:

– Одно непонятно, кто ваш истинный хозяин? Король или маркиз Тавора? А может, вы желаете жениться на Марии и усыновить её бастардов? Прикрыть грех прелюбодеяния? А нет, его величество умён, он этого не позволит, ведь тогда эти дети породнятся с короной. И кто знает, как изменится со временем расстановка сил на доске!

Герцог снова обернулся и сжал кулаки. Потом медленно подошёл ко мне и бросил письмо моего кузена мне же в лицо.

– Вы глупая женщина, ваша милость, если считаете, что я хочу погубить вас. Иначе это письмо вам показали только на допросе. Но мне с некоторых пор мне кажется, что даже моя помощь не в силах спасти ту, кто стремится к погибели.

Смерил меня тяжёлым взглядом и вышел. Бросив на прощание, что он передумал, и мы заночуем здесь.

Глава 14

Когда Ирен спустя пару минут, вбежала ко мне в шатёр, то сразу кинулась расспрашивать, почему у меня такое лицо. Что мне сделал этот «ужасный колдун»?

Я приказала развести огонь в походном камине и порвала письмо кузена на мелкие кусочки. Меня трясло в ознобе хотя на улице было по-прежнему жарко.

Я просидела в своём шатре до вечера, приняла еду там же, к слову, приглашения на совместный ужин от герцога не последовало, хотя это предписывал ему этикет. И всё думала, кто убил в книге Бланку.

– Принеси карты, – попросила я Ирен.

Её тёмные глаза расширились от ужаса, будто я велела принести клубок ядовитых змей.

– Игральные карты. Что такого?

– Это запрещено, ваше величество. Тут и так полно шпионов, вас обвинят в злонамеренной магии.

– Я же светлый маг, так? Мы не умеем наносить вред магией. Неси, говорю, но только тихо.

Так мне будет легче думать.

Луиса да Висанна явилась разделить со мной ужин. И с её слов ей было велено отвлечь меня от мрачных мыслей и предчувствий.

– Я во всём полагаюсь на волю Господа, донна. Все предчувствия от Дьявола.

– Истинно так, ваше величество, – перекрестила шпионка герцога.

У них не получится сделать из меня еретичку. Пусть не стараются.

– Вы часто бывали при дворе его величества? – спросила я собеседницу за столом.

– Несколько раз, гранда.

– Расскажите о Марии Тавора. Какая она? Я почти её не помню.

Вот и узнаем сейчас, на чьей она стороне. Покраснела, опустив глаза, промокнула губы салфеткой. Донна еле мало из робости.

По этикету сначала подавали мне, как особе высшей по рангу, потом соблюдался ритуал дегустации блюда распорядителем стола – седым приятным мужчиной, выглядящим так, будто только что выпил бочонок пива и забыл закусить.

И лицо, вечно раскрасневшееся, потное, хотя он пытался украдкой вытирать его носовым платком, не добавляло мне аппетита.

Горел человек на работе, можно его понять. Как тут не лишиться здоровья, когда хлеб ешь неумеренно (а в походе он и овощи были основным блюдом), да вино приходится пробовать.

А когда я после его пробы попросила заменить стакан, то он сразу бухнулся в ноги, посчитав, что я наказываю своего слугу за недостаточное усердие.

В общем, здесь было немало весёлых моментов. Наверное, мне бы понравилось чувствовать себя королевой, пусть и книжной, если бы не реальная опасность, холодом дышащая в затылок.

Стоило задать один неудобный вопрос, как все весёлые лица становились траурно-серьёзными, будто представление, в котором они участвовали, завершилось, и все вдруг вспомнили о долге. Убить королеву.

Слугам я сразу приказала выйти, даже Ирен, хотя она делала знаки, что нельзя оставаться невесть с кем наедине.

Но донна да Висанна правды при них не скажет, а наедине – подумает, стоит ли мне врать.

– Итак, вы же преданы мне и короле?

– Разумеется, ваша милость – пролепетала она, чуть ли не лишаясь чувств.

Поняла, что разговор тут не шуточный.

– Я жду ответа.

– Я не очень запомнила её.

– Не верю. Все смотрят на фаворитку короля. Говорят, она прекрасна лицом?

– Не так, как ваша милость, конечно. Ничего особенного. Темноволоса, темноглаза, но нет в ней ни вашей стати, ни внешности, ни прекрасной души, отражающейся в глазах.

Ага, именно из-за прекрасной души я и сижу на задворках королевства. Но подлизываться донна да Висанна умела, видно, провела при дворе больше времени, чем хотела показать.

– Что ещё? Каковы её недостатки, по-вашему? Говорите смелее, я хочу подготовиться к нашей встрече.

– Она спесива и во время молитвы всё время смотрит по сторонам.

Ага, совсем не наблюдает Луиса за фавориткой.

– Возможно, она молода и имеет горячий нрав. Таким сложно выдержать длительное вынужденное молчание или сосредоточиться на молитве.

– Это точно подметили, ваша милость. Она гневлива, чуть что самолично раздаёт пощёчины служанкам. И бесстыдна, ходит среди бела дня в одной сорочке, а поверх пеньюар, в таком виде и приходит к его величеству. Ой, простите, ваша милость, я сказала глупость!

Так, понятно. Женщина-вулкан, значит. От таких мужики прутся, пока отношения в новинку.

– Стало быть, она и истерики закатывает.

– Точно, ваша милость. Все слышат, как кричит, когда недовольна.

Донна да Висанна обрадовалась, что представился случай угодить мне. И выказать свою неприязнь моей сопернице.

Вместе они с королём более пяти лет, вероятно, Энрике стал уставать от неё. Тем более роды не красят женщину, особенно в средневековье.

Пока я раздумывала, донна да Висанна решила угодить мне ещё больше. Выказать готовность служить.

– А её единственному сыну его величество дал титул герцога, что совсем неслыханно для такого малыша! И самой Марии перепал титул графини Ридегейры, правда, графство её настолько мало и далеко от столицы, что фаворитка там ни разу не бывала. И доход графство приносит маленький, захудалая неплодородная земля.

И всё же графиня. А её четырёхлетний сын – герцог, что равносильно признанию его наследником.

Я отпустила донну да Висанна, заверив, что она была мне очень полезной.

Ирен тем временем, когда слуги убрали со стола, принесла карты.

– Что вы намерены с этими размалёванными картинками делать? – спросила она с явным осуждением и всё время крестясь.

– Думать. Садись напротив.

Я вытащила из колоды старшие карты. И дурака тоже.

– Кто у нас герцог Каста? Какая масть? Пиковая или трефовая?

Я показала на карту короля.

– Пики, конечно. Самая чёрная.

– Ладно, будь по-твоему.

Я отставила карту в сторону.

– Тогда король Энрике трефовый король, согласна?

Ирен оглянулась по сторонам, но мы с ней вовремя активировали артефакт молчания. Я чувствовала, что вскоре его просто отберут, так что медлить нельзя.

– Пусть так, ваша милость.

– Остаются два короля. Маркиз Тавора – бубновый, это канцлер. Он богат, хитёр, умеет казаться глуповатым при короле.

Ирен с восхищением смотрела на меня.

– Но вы ведь не общались с ним!

Да, когда Бланку сюда сослали, он уже был канцлером, а его дочь – фавориткой. Но во время свадьбы оба старались не попадаться бланке на глаза. Тогда союз с Франкией был важен для короля Энрике.

– Я знаю такую породу людей.

Отец Бланки был таков. Хитрый и пронырливый, запускающий руку в казну, кричащий на всех углах, что готов дочь и жену прозакладывать ради блага королевства. Считаю, своего блага. Так оно и вышло.

Благодаря отцу Бланки король Жан разглядел в кухне перспективную невесту для заморского дома.

– Кто же червонный король? Пока оставим. Он ещё появится, уверена.

Мой кузен ни на одну роль пока не подходил, сердцем чуяла.

Я отставила королей и взялась за дам.

– Мария Тавора – червонная дама. Любовница. Ты бубновая масть.

– Да я живота и сил не жалею, чтобы имущество ваше сберечь! – вскочила разгневанная Ирен на ноги, но я успокоила её:

– Вот именно поэтому и бубновая. Бережливая, рачительная, весёлая в меру. И ты дама, наравне с фавориткой короля.

– Чтоб её дурная болезнь пожрала!

Ирен плюнула на ковёр, чего с ней раньше не случалось. Но тут разошлась. Даже косить перестала.

– Ты думай, что говоришь. Откуда она её возьмёт? Разве от короля. Так тогда и меня заодно!

– Упаси Богоматерь! – перекрестила Ирен и снова посмотрела на карты на столе.

Моя игра её занимала.

– Трефовая дама – это я, конечно. Королева при короле. А даму Пик я, кажется, тоже знаю.

Вспомнила Идалию. Старшую сестру разбойника с большой дороги Хорхе Сервальо. Она обладает мудростью, и она цыганка, значит, умеет то, что не под силу самым светлым магам.

Она мой козырь в рукаве, но пока не время его доставать.

– Теперь валеты. Бубновый – тот разбойник, что меня похитил.

Он не король, за ним кто-то стоит, однозначно. За деньги и титул его верность купить нетрудно, а главное, он не совсем дурной, выгоду свою чувствует. Не фанатик, с такими договариваться одно удовольствие.

– Трефовый валет – наш отец Педро. Благодушен, алчет власти и берёт на себя роль покровителя заблудших душ. Пастыря, – смеялась я. Действительно, стало легче на душе.

Вроде смотришь на карты, и всё это кажется не настоящим. Игрой. Всегда можно прекратить её и выйти из-за стола.

– А я знаю, кто червонный валет, ваша милость? Вы с ним скоро встретитесь.

У Ирен заблестели глаза, а на губах заиграла шаловливая улыбка. Мне даже стало любопытно, о ком это она.

– Как же, ваша милость! Ещё скажите. Что вы не знаете!

– Говори уже!

Я смешала карты.

– Это дон Паскуаль, создатель ваших духов и мыла. Говорят, он умеет делать их так, чтобы изменить судьбу того, кто пользуется его ароматами. И он очень большой охальник, но границы знает.

– И такой полезный человек не заинтересовал Святой Орден?

Инквизиция давно бы сожгла нечестивца на костре, а раз этого не произошло, то было два возможных объяснения.

Первое: этот придворный парфюмер просто плут и шпион Святой церкви. Второе – он умеет то, что не может никто. И тем самым чрезвычайно полезен власти. Любой.

– Посмотрим, – согласилась я, отправляя карты обратно в шкатулку, из которой Ирен их ранее достала.

– А остальные?

– Остальные в нашей колоде пока неизвестны. Но ты примечай, возможно, скоро мы их узнаем.

И даже дурака. Шута.

– Готовь постель. Герцог сказал, что мы здесь заночуем, а я устала. Путь ещё долгий.

Пять дней или около того.

Думала, что не засну, но вскоре, как голова коснулась довольно мягкой подушки (спасибо, Ирен, что смотри за моим имуществом), я крепко уснула.

Мне снился удушливый туман. Он кружил вокруг меня, хватал за руки и мешал идти. Потом туман превратился в руку, и она сжала меня за горло, мешая дышать. Я закашлялась и проснулась.

Вокруг меня стояла дымовая завеса, мешая видеть что-либо на расстоянии вытянутой руки.

– Пожар! – просипела я, разглядев языки пламени, подбирающиеся к ножному концу моей походной кровати.

Глава 15

– Ирен! – кричала я, но из моего горла вырывалось лишь сипение.

Я кашляла и задыхалась в клубах едкого дыма, в котором вскоре потонули и языки пламени.

Вскочила на ноги, в чём была, а это ночная сорочка до пят, и тут же упала на колени. Смотреть было больно. И некуда.

Повсюду клубился дым, и я вдруг поняла, что надо ползти хоть куда-то, иначе пропаду. И не лишиться бы сознания!

Вдалеке слышались крики, но они были столь неявными, словно я попала в призрачный мир, где ни меня не могут слышать, ни я не смогу кого-либо найти.

Интересно, если я сейчас умру, то очнусь в прежнем теле?

В книге не было сказано ничего про пожар, в котором сгорела королева. Да и глупо вот так её умерщвлять: как докажешь потом, что всё это случилось само собой?!

– Ирен, – позвала я, а сама быстрым движением оторвала кусок простыни и приложила к носу... Ещё бы водой намочить!

– Наконец-то! – услышала я над головой и подняла глаза.

Из тумана, едкого дыма, мешавшего видеть без слёз, выскочил, пошатываясь, герцог Каста.

Он был в одной тёмно-синей рубашке, оголявшей половину груди, и в штанах, надетых наспех. Я увидела его босые ноги и подумала, что вот глупо так умирать от руки недруга, не успевшего даже натянуть сапоги. Или, на худой конец, туфли.

– Обхватите меня за шею, – скомандовал «палач» и легко подхватил меня на руки. Будто я была пушинкой.

«Он сильный, такому долго не посопротивляешься», – подумала я, всё ещё прижимая к лицу кусок простыни.

– Давайте, Бланка!

Я только тут поняла, что тарашусь на него во все глаза. От близости его тела, разгорячённого жаром огня, я теряла сознание. Не потому, что разомлела, а дышать стало почти нечем. Даже кашель больше не прочищал глотку.

– Ирен, где Ирен? И остальных надо вытащить, – дёрнулась было я, инстинктивно схватившись за его шею. Коснувшись распущенных волос.

Они были жёсткими, будто проволока. Я могла ухватиться за них, как за канат, и вылезти из той пропасти, в которую меня хотели столкнуть недруги. Странная мысль: может, герцог мне это и предлагает?

– Я не могу их бросить на смерть.

– Потом, сначала вас.

Я хотела возразить, даже приказать, чтобы меня поставили на ноги, так как не могла бросить молочную сестру и прочих дам, ночевавших в моём шатре по этикету, но потеряла сознание.

Очнулась я от резкого запаха. Открыла глаза и увидела Ирен, она подсовывала мне под нос стеклянную палочку с каким-то горьким ароматом. Похожим на анис.

– Лежите, ваше величество.

Я обнаружила себя в шатре герцога, его самого рядом не было. Только Ирен, Луиса да Висанна, поминутно вздыхающая и прижимающая платок к накрашенным глазам, и моя служанка, ночевавшая в том шатре.

Было раннее утро.

– Что за пожар? – спросила я, присев в смятой постели. Его постели. У герцога был странный аромат духов: почти такой же горький, как миндаль, и терпкий, как вино, креплённое спиртом. – кто-нибудь погиб?

– Нет, ваша милость, благодарение Господу! – ответила донна.

– Аминь!

Мы все перекрестились и воздали горячую молитву. Во время которой я искоса наблюдала за своими подругами по несчастью. Ирен молилась, донна Луиса дрожала, как лист на ветру, видимо, испугалась так сильно, что не могла поверить в счастливое избавление.

А служанка делала вид, что молилась. Или её молитвы были направлены не на благодарность за спасение, а на то, чтобы скрыть правду.

– И мой шатёр обгорел, – снова обрела дар речи донна Луиса. – Это всё дурная птица! Но если бы не она, то его сиятельство бы не проснулся вовремя.

Как я узнала из сбивчивых объяснений донны, Сирус проснулся среди ночи и принялся верещать, будто его режут. Кричать матом, что вот птичку заживо зажарить хотят.

Таким образом, гуси спасли Рим. А меня – попугай Жако.

Однако радоваться было рано. Я сразу спросила, где герцог, и была удивлена, когда донна да Висанна отвела глаза, пояснив, что, мол, срочные дела были у его сиятельства. Убедившись, что я жива и здорова, он сел на коня и в сопровождении двух стражников умчался в неизвестном направлении.

Но обещал вскорости вернуться.

– Говорят, здесь неподалёку женский монастырь, – медленно произнесла Ирен. – Я от Деузы узнала.

И кивнула на подозрительную служанку. Та сразу согласилась.

– Истинно так. Орден Урсулинок. Я родом из этих мест, ваше величество.

Моё сердце забило быстрее: орден родился в родной Франкии, может, именно там меня ждёт помощь? Например, от кузена-короля.

В реальности орден был не совсем монашеским, организован был в начале шестнадцатого века, в него вступали девушки, не отказавшиеся от мира, но давшие обет целомудрия и бедности. Их призванием было создание школ и приютов для девочек.

– Если это так, то герцога внутрь монастыря не пустят.

В отличие от меня или Ирен. Теперь надо выведать, в какой стороне этот монастырь. На всякий случай.

– Его сиятельство, ваше величество, обязательно выяснит, кто устроил этот пожар, – заверила меня с горячностью донна Луиса.

Я посмотрела на служанку Деузу, но она казалась спокойной.

Либо невиновна, либо была уверена, что ничего герцог не выяснит. Надеюсь на покровителей.

– Возможно, эти самые разбойники, ваша милость, – произнесла Деуза, когда я пожелала одеться, чтобы выйти на свежий воздух. Мне всё ещё было трудно дышать полной грудью.

Ага, отводит от себя подозрения? Ладно, понаблюдаю за ней украдкой, ведь главное – понять, кто за ней стоит. Герцог, король, разбойник Хорхе или это фаворитка.

К счастью, мой сундук с платьями не пострадал, потому что по недосмотру его не смогли доставить вовремя, карета с обозом малость отстала. А Ирен спасла духи и драгоценности.

И вот теперь, когда меня одели в серое закрытое платье (в нём вполю было в тот самый монастырь уходить), и я вышла на свежий воздух, застав картину всеобщего хаотичного сбора. В нём участвовал даже отряд стражи, их руководитель громко подгонял слуг, чтобы те спешно собирали поклажу.

Только я хотела спросить начальника охраны герцога – мужчину, лицом и фигурой, походящего на Шрека, как увидела, что верхом на взмыленной лошади в сопровождении своих спутников вернулся герцог.

Он взглядом искал кого-то, и когда наши глаза встретились, я почувствовала себя птицей, привязанной за лапку шёлковой лентой. Он искал меня.

И нашёл.

– Вы поедете в моей карете, ваша милость. Садитесь скорей, у нас мало времени.

Он спешился и бросил поводья подоспевшему слуге.

По лицу герцога я читала, что ему не терпится поделиться со мной вестями. Только гадала, дурные они или хорошие.

Хотя то, что я жива после всех злоключений, уже было победой. Моей личной.

– Только позову Ирен, – ответила я, собираясь вернуться за молочной сестрой, как герцог бесцеремонно ухватил меня за плечо. Будто я была его служанкой.

Да ещё и при всех, делающих вид, что не смотрят в нашу сторону.

– Без неё. Только вы и я.

– Что вы себе позволяете, ваша светлость?! – громко произнесла я, но он ещё больше сдавил мою руку.

– Не глупите, ваша милость. Мне казалось, что вы весьма разумны. Когда хотите этого. Или я снова ошибся в вас?

Он говорил тихо угрожающим тоном, но я пне чувствовала, что его гнев направлен на меня. Скорее он был очень встревожен, поэтому я подчинилась.

Моя главная забота – выжить. Вернуть королеву королю, а там пусть сами со своей репутацией разбираются!

– Это недопустимо! – сказали хором донна Луиса и Ирен, услышав о просьбе герцога.

Даже приживалка донна не могла промолчать, значит, это нарушает все границы. Вероятно, все дамы подумали, что потом королю будет легко обвинить меня в супружеской неверности. Если однажды он этого захочет.

А все знают, что такой момент рано или поздно наступит.

– Сейчас мне надо поговорить с герцогом наедине, – отрезала я. – Меня сегодня в очередной раз чуть не убили, вероятно, попытаются снова, а мёртвой королеве ни к чему незапятнанная репутация. Его величество будет рад, что я жива и здорова.

И отправилась к карете его сиятельства. Он уже ждал меня возле, о чём-то негромко переговариваясь со своим слугой, с которым недавно куда-то ездил. Хьюго как раз повернулся ко мне обезображенной стороной лица, и я подумала, что вот они стоят двое, как дьявол и его приспешник, и обсуждают, как заманить меня в очередную ловушку.

И каким образом мне удалось избежать предыдущих.

– Ваша милость, вы удачливы, – произнёс герцог, завидев меня. Подал руку и пропустил в карету, сам сел напротив. Слуга захлопнул дверцу, оставив нас одних.

– Куда вы дели беднягу Сируса? Говорят, он разбудил вас, а вы спасли меня. Тогда, получается, он спас нас всех, ибо за мою погибель вы бы ответили перед его величеством.

Я говорила и улыбалась пустой светской улыбкой, но смотрела ему в глаза, чтобы понял: всё серьёзно. Я понимаю, как будет ему сложно объяснить королю, как я умерла. И почему он недоглядел.

Начнёт отрицать или пожмёт плечами – пойму, что значит, заказчик – король. Что тогда делать, я не думала?

Бежать к границе, чтобы попасть под защиту кузена-кроля. Будет недоволен, но хоть не убьёт.

– Как вы считаете, ваше величество, кто хочет вашей погибели?

Вот он, вопрос в лоб! Ну хоть герцог не стал отрицать, что меня хотят убить, а не принялся отделываться словами о злом роке или череде случайностей.

Решил поговорить начистоту. Добрый знак.

– Вот вы и ответите на этот вопрос, ваша светлость.

– Если вы сами не можете отличить друзей от врагов, может, тогда вы ввязались не в свою игру, ваше величество?

Герцог внезапно протянул мне руку, и я с опаской, но вложила в неё свою. Экипаж как раз тронулся, как тёмный маг, не сводя с меня синих глаз-омутов, медленно поднёс мою руку к своим губам и поцеловал её. Всё так же смотря на меня. И я глядела, как заворожённая.

Кто знает, что у него за тёмная магия?

– Я слышала прелюбопытное выражение. От своей матушки. У власть имущих нет друзей, только союзники.

Он отпустил мою руку, и я даже испытала нечто вроде сожаления. Будто весь мир, до того окрашенный в яркие цвета, потускнел. Приобрёл привычные полутона.

– Ваша матушка безмерно мудра, – ответил он и откинулся на спинку сиденья. – Вы в неё пошли, раз пытаетесь стать весомой фигуре на политической доске. Но тогда должны чётко понимать, кто ваш союзник, а кто может им стать. И кто никогда не станет.

– В политике нет слова «никогда». ваше сиятельство. Но я отвечу на ваш вопрос в знак доверия к вас. В конце концов, кому мне ещё доверить свою жизнь, как не спасителю и герою?

Он не ответил на мои улыбки, однако в его лице, казавшемся в полутьме кареты, освещаемой одним магическим шаром под потолком, промелькнул жадный интерес. Я пока не могла понять, относится он ко мне лично или к королеве, как к очередной пешке в его партии.

– Это Мария Тавора и её отец. Им выгодна моя смерть более других.

– Очевидно, – кивнул герцог. И продолжил чего-то ждать.

– Но они не станут мараться через прямой указ. Скорее всего, окружили меня шпионами. Мой духовник, например, уверена, преданно служит золоту, а не Богу.

– Очень прозорливо, ваше величество.

– Вы надсмехаетесь надо мной или хвалите.

– Вероятно, и то и другое. Но я очень благодарен вам за доверие, ваше величество. И желаю отплатить вам тем же.

Я мельком взглянула в окно и вдруг заметила, что мы свернули с главной дороги. И сейчас направлялись в небольшой лесок, темнеющий совсем рядом.

Повернулась к спутнику за разъяснениями и наткнулась на его самодовольную улыбку.

– Есть ещё один человек при власти, которому выгодно, чтобы однажды вы бесследно исчезли. Это я, Бланка.

Глава 16

– Значит, вы признаётесь в измене? – ахнула я, понимая, что вот и всё. Конец моему путешествию.

Так и погибла Бланка? Или ещё раньше?

Какая разница, если итог один. Вот всё как-то глупо, нелепо! А я так гордилась, что спасла королеву!

Он молчал и продолжал смотреть на меня, но больше не насмешничал. Изучающе и как-то печально. Нет, если он сейчас начнёт говорить, что ему жаль, что всё могло бы быть иначе, что дело не во мне лично, то я вцеплюсь ему в лицо.

Попытаюсь оставить следы, всё равно же помирать!

– Я не признаюсь ни в чём. Это ещё одна хитрость политики, ваше величество.

– Тогда потрудитесь объяснить, ваша светлость, куда мы едем?

Я старалась не показать страху, делала вид, что владею ситуацией, и если надо, мне придут на помощь, но в душе тряслась от страха.

– Я уже начинаю думать, что за разбойником, похитившем меня в первый раз, тоже стояли вы.

Надо говорить и говорить. Во-первых., так меньше страху, во-вторых, вдруг он проболтается или ненароком укажет путь к спасению. Ладно, это маловероятно! Но попытаться договориться стоит. С разбойником получилось.

Молчит, зараза!

– Почти приехали. Тут есть небольшое поселение в три дома, думаю, вас там пока спрятать.

– Зачем? Выкуп желаете получить?

Как только я это произнесла, герцог разразился смехом, и я невольно поддалась его веселью. Действительно, глупость сказала, это от страха: ну какой выкуп? Кто его за меня платить-то будет?!

Здесь такое не принято с венценосными особами!

Чик ножиком по горлу, и того. Моментально в море!

– Буду знать, что вы ещё и шутить умеете. Я решил вас спрятать, ваше величество, а не убить, как вы снова подумали. Не отрицайте, вижу по глазам. Вы не умеете врать.

Вот и хорошо! Так и думай!

Я обмахивалась веером и молчала. Очень удобная штука – этот веер: не надо думать, куда деть руки и глаза. Знай себе, сиди, потупившись, и поигрывай веером!

– Но я сказал вам, что тоже выигрываю от вашей смерти, так вы думали? Пусть и остальные считают так же, что я действую по приказу короля. Однако вы правильно ответили на вопрос: больше всех хочет вас устранить графиня Ридегейра. Ей кажется, что тогда его величество женится на ней. Её люди уже несколько раз пытались вас устранить. Чудо, что вы живы. Но я больше не хочу уповать на чудо, ваше величество.

– Почему вам не всё равно, ваша светлость, что со мной будет?

Герцог казался вполне искренним, он впервые говорил со мной открыто. Вроде бы между нами устанавливалось некое подобие договора.

– Потому что с фавориткой его величества я не в добрых отношениях. И потому что вы принцесса крови, а для будущего династии это важно. И для мирных договоров с соседними странами.

Ладно, поверим.

– И что вы задумали? Я правильно поняла вас, ваше сиятельство, что вы решили выманить исполнителя с моей помощью? Использовать меня как приманку?

– Откуда у вас такие выражения, ваше величество! – поморщился спутник.

Значит, так и есть. Господа вечно недовольны, когда дамы называют вещи своими именами. И больше не надо прикрываться высокопарными фразами.

– Вы же не станете отрицать, что следующее покушение может окончиться для вас плачевно, ваше величество?

О, он решил меня запугать. Смотрел пристально, сурово, будто сама судьба взирала на меня со страниц книжной истории.

Мне вдруг подумалось, что он знает, кто я на самом деле. Или догадывается.

В самом деле, кому как не тёмному магу понимать механизм обмена телами?! Ах, если бы я была уверена! Но в том-то и дело, что не была.

А брякать, мол, я попаданка, ваше сиятельство, давайте, помогайте вернуть вашу королеву, а меня закиньте, откуда взяли, по крайней мере, недалековидно. Если не сказать больше. Глупо.

Герцог уже однажды намекнул, что меня могут признать умалишённой.

Не стоит давать ему эти самые козыри в руки.

– Я ещё не уверена до конца, что вы мой союзник.

Да с ним никогда не будешь уверенным. Сейчас он спросит, как он может мне это доказать, и тогда я что-нибудь придумаю. Трудное поручение.

– Знаете, ваше величество, в чём я не уверен до конца? Хотя со мной такое бывает редко.

– Извольте, с интересом послушаю, – улыбнулась я.

– Не знаю, кто именно к вам подослан, с целью навредить, но догадываюсь. Это ваша служанка. Ирен Волчица. Идеальная кандидатура.

Я вздрогнула. Ещё не хватало, чтобы меня Ирен лишили под видом заботы о моём благополучии!

Принялась было возражать, что уж в ней не сомневаюсь, но герцог сделал знак выслушать его до конца.

– А порой я смотрю на вас и не вижу той заносчивой и глупой девчонки, которая вздумала отказаться от моего подарка на свадьбу. И вот в чём вопрос, граничащий с безумием того, кому он пришёл в голову: а что, если это и не вы, ваше величество, вовсе? Может, королева Бланка давно умерла, а вы, порождение Тьмы, которой нас пугают церковники с паперти, заняли её место?

Герцог сверлил меня тяжёлым взглядом и добавил совсем тихо:

– Что скажете, ваше величество, пора вызывать из Рима кардинала по очищению души?

Я онемела, а потом, когда очнулась, уже хотела сказать: мол, вы с чего это всё взяли, господин хороший?

И помните, что я ваша королева. Четырнадцатый или более поздний век, но что-то я не припомню из истории, а это мой конёк, чтобы герцог мог вот так запросто обращаться с королевой, как с фрейлиной.

Или придворной дамой.

Правда, это всё книга, а фантазия у автора с чудным португальским именем (наверняка псевдоним) отменная.

– Видите, ваше величество, вы уже побледнели. Если бы я надавил, то признались во всякой чуши, – продолжил герцог с какой-то досадой, не вязавшейся с его гордыми словами.

И поучающим тоном.

– Снова подумали, что я пытаюсь вас уничтожить? Мне нет от этого проку, ваше величество, если вы задержитесь при дворе, сами всё поймёте. Не знаю, что с вами произошло за время заточения, но вы изменились. Я помню вас совсем другой.

– Я была девчонкой, далёкой от земных скорбей. А в замке Мендоса вынужденное уединение пошло мне на пользу.

Или я становлюсь параноиком, или герцог всё-таки подозревает, что королеву подменили.

Я закрыла глаза, будто устала. Вдруг в голову пришла любопытная мысль: а что, если вся моя прошлая жизнь, до того как я начала читать эту книгу, – просто сон? И не было Ольги Богуславской, а я всегда была лишь королевой Бланкой де Бурбон, выданной замуж за средневекового короля южной европейской страны...

– Приехали. Разрешите, ваше величество, познакомить вас со слугами.

Открыла глаза и подала руку герцогу, уже спрыгнувшему на землю. Движения его напоминали движения пантеры, такие же отточенные, полные скрытой силы и ловкости.

– Я хочу, чтобы мне привезли Ирен.

– Невозможно. Подумайте над моими словами, – герцог всё ещё держал меня за руку, хотя оба мы уже стояли на земле перед одноэтажным домом.

Точной копией двух других, расположенных по соседству.

Здесь не придётся думать об удобствах. Видно, что хозяева не бедняки, но и зажиточным хозяйством в три двора не назовёшь. Немного в стороне от основной дороги, чем они вообще здесь промышляют?

Заборы высокие, крепкие, скрывающие дома от посторонних глаз.

Будто угадав мои мысли, герцог произнёс:

– Раньше здесь был схрон скупщиков краденого. И разбойники хранили награбленное под присмотром верных людей.

Мы находились на опушке леса. Порывшись в памяти Бланки, я обнаружила, что столица условной Португалии стоит посреди этих самых лесов. Или очень похожих.

Значит, мы далеко продвинулись вперёд.

– А сейчас иначе?

– Не совсем. Но эти люди умеют хранить не только награбленное, но и верность тем, кто готов её щедро оплачивать.

– Вы что-то говорили насчёт Ирен, так вот, ваше сиятельство, она верна мне с детства. А эти люди выдадут меня тем, кто больше заплатит.

– Не выдадут, – помрачнел спутник и, наконец, выпустил мою руку. Что-то промелькнуло в его лице такое, как тень от крыла большой птицы, что мне снова стало страшно.

Предать такого человека, как герцог обойдётся дорого. Тут всеми благами мира не отделаешься от его мести.

– И сколько мне здесь жить?

– День или два. Пока я не выясню, кто хотел вам навредить. И мне хватит времени, не сомневайтесь.

– Это не Ирен, – упрямо говорила я, пока мы направлялись к ближайшему квадратному дому из гранита.

Обычно такие имели два этажа: первый предназначался для скотины, но беглого взгляда было достаточно, чтобы понять – здесь зарабатывали на жизнь иначе. Это был перевалочный пункт или дозорный, чтобы предупредить о страже, чтобы пересидеть вдали от королевских властей.

Интересно, откуда герцогу известно об этом месте?

– Я бы хотела знать, каким образом вы намереваетесь обнаружить предателя? Думаю, это моя служанка, не Ирен, другая.

Я быстро пересказала герцогу мои соображения, он выслушал внимательно, хмурясь, когда я говорила о своих догадках и приводила разумные доводы, и не пытался подтрунивать.

Иногда он пристально вглядывался в моё лицо, словно хотел прочесть мысли или понять, не вожу ли я его за нос. Вероятно, привычка царедворца.

Теперь я не понаслышке знала, что такое придворные интриги, и как далеко они распространяются. И как мало в них значит человеческая жизнь.

– Пойдёмте, ваше величество, мы привлекаем ненужное внимание.

Он тронул меня за локоть, почти робко, как если бы нас мог увидеть король. И я чуть было не спросила, каков он. Этот мужчина, кому судьба отдала Бланку в жёны.

Раньше и не задумывалась, не чаяла дойти. Или считала, что перекинусь в свой мир раньше, чем состоится эта встреча мужа и жены. Но с каждым проведённым в книге днём я всё больше сомневалась в том, что вернусь так быстро.

У порога нас встретили хозяева. Бородатый муж, с повязкой на глазу, выглядящий как пират, и его молоденькая жена, имевшая навыки придворной жизни. Я сразу поняла, что они ряженые.

Больно ловко дама по имени Фабиа присела в реверансе, когда мне её представили. А её муж Мигел легко склонился в поклоне.

Ладно, посмотрим.

– Нам требуется перекусить с дороги.

– Конечно, гранд и гранда, – пропела Фабиа и попятилась в дом.

Мы вошли следом. Мне было любопытно посмотреть на убранство разбойничьего вертепа, но я оказалась не в избе, устланной соломой, а во вполне себе приличном доме зажиточного купца, устроенного изнутри не без некоего изящества.

Резные ставни и оконные рамы, мебель пусть и не такая добротная, как в замке Мендоса, но зато украшенная резьбой и птичьими, и морскими мотивами. Сундук у окна служил одновременно будуарным столиком и хранилищем одежды, кровать была застелена гобеленовым покрывалом, арка с кружевной резьбой отделяла обеденную зону от жилой.

Здесь вполне могли долгое время и не без удобств находиться благородная дама со служанками, для которых предназначались низкие кровати по углам.

Герцог молчал, давая мне время привыкнуть.

Я уже поняла, что он опасался истерики с моей стороны и был приятно удивлён моей понятливостью. Если не сказать больше: она вызывала подозрение.

В обеденной зоне за грубо сколоченном столом, накрытым простой серой скатертью, так не вязавшемся с изящной мебелью жилой комнаты, сидел Хьюго – великан из слуг герцога.

Заметив меня, он, дожёвывая на ходу козий сыр и запивая молоком из кувшина, вскочил на ноги и низко поклонился.

А потом и вовсе поспешил исчезнуть за дверью в конце столовой.

Фабиа извинилась и тут же хлопнула в ладоши, чтобы двое молчаливых слуг быстро накрыли на стол.

– Еда простая, гранда, но мы достанем всё, что потребуется.

– Мне немного надо, – ответила я, беря со стола виноград. Его точно нельзя отравить, а я была голодна. – Пусть все уйдут, мне надо обсудить с вами детали.

Я обращалась к герцогу, и по его знаку все тотчас удалились. Вышли наружу, оставив нас наедине.

– Вы можете доказать мне свою верность, ваше сиятельство, или я должна верить вашим словам?

Глава 17

Память Бланки внезапно приоткрыла запертую ранее дверь, и на меня хлынули её воспоминания. Первая часть, хранящаяся в одном из сундучков.

Клятва верности, принесённая одним магом второму, а наибольшей магической силой тут, безусловно, обладали аристократы, считалась верным средством от предательства.

А если её приносил подданный помазаннику Божьему, то и вовсе нерушимой. Пока король или королева, на худой конец, регент, с разрешения Совета выступающий от имени наследника, не вернёт слово давшему клятву.

Очень удобно. Оставалась одна загвоздка: клятв верности могло быть не больше трёх за всю жизнь человека. Супружеские обеты были не в счёт.

Здесь речь шла именно о верности слову. И опять-таки она могла заключаться только с обоюдного искреннего согласия.

Дверца памяти закрылась, и это было всё, что я узнала. Но и то вовремя.

Подозрительно вовремя.

Однако думать об этом буду потом. Сначала следует нерушимый союз заключить.

– Готовы, ваше сиятельство? Принести клятву верности? Или вы уже связаны договором с кем-то другим?

Я встала из-за стола и прошла к закрытому окну. В комнате было жарко, но я ценила меры предосторожности: пока в комнату не проникает воздух, можно установить ловушки от любопытных ушей.

Это тоже подсказала память Бланки. И всё же я напоминала сама себе путника с завязанными глазами, идущего по узкой тропинке между двумя пропастями.

Я специально отвернулась к окну, чтобы герцог придумал оправдание, почему он не может принести мне клятву. Конечно, скажет, что уже дал её королю.

– Хотите союз, ваше величество? – произнёс он будничным тоном, отпивая из деревянной кружки парного молока. Вина здесь не водилось, или его не подали. – А вы знаете, какова плата?

– Для вас? Да, вы не сможете меня предать.

Я обернулась, чтобы посмотреть ему в глаза. И встретила взглядом с синей тьмой, таившейся в его душе.

Он встал и медленно подошёл ко мне. Казалось, когда он положил руки мне на плечи, что уже само по себе было величайшей дерзостью, тьма из его души заглянула в мою, как бы выбирая, нет ли где укромного уголка, чтобы ей спрятаться? Чтобы пустить всходы, которые через пару месяцев окрепнут и прорастут сильными побегами.

– И вы не сможете предать меня, ваше величество.

– А зачем мне вас предавать? Ещё несколько дней назад вы были уверены, что я слабая фигура. Пешка на шахматной доске.

Удивительно, насколько здесь знали эту восточную игру! Не иначе, влияние мавров – чернокожих слуг, привезённых с Востока.

– Пешки предадут первыми. И часто решают исход игры.

Герцог провёл вниз по моим рукам, пока наши ладони не соприкоснулись. В моей голове ветер свистел, ни одной здоровой мысли не было, я стала продолжением его воли.

– Чего же вы хотите от меня?

– Для начала, чтобы вы приняли мой подарок. Не спрашивайте, какой, узнаете позже. А потом – чтобы убрали фаворитку короля.

– Чем она вам так не угодила, ваше сиятельство?

Я почувствовала укол ревности, хотя для неё не было причин. Мне хотелось, чтобы такая исполинская фигура, как единственный тёмный маг королевства, была на моей стороне. Это бы придало мне веса в собственных глазах.

И мне льстило, как женщине, что он выбрал мою сторону. Пусть для этого у него и были причины.

Но пока мои руки были в его руках, я верила, что наш союз основан не только на выгоде, но и на взаимной симпатии.

– Когда она станет королевой, то постарается уничтожить меня. Женщине легко нащёптывать своему мужчине клевету. Ночью она кажется правдой.

Я вздрогнула при словах «когда она станет королевой». То есть моя гибель почти пред-решена?

– Не дрожите так! Если мы заключим союз, она ей не станет. И её дети не будут править Клермондией.

– Тогда скажите прямо сейчас, ваше сиятельство, глядя мне в глаза, что у вас не было приказа короля избавиться от меня в дороге.

Он помолчал, но взгляда не отвёл:

– Не было приказа.

Врёт, значит. Говорят, что человек, когда врёт, смотрит в глаза, а если говорит правду, на мгновение отводит их. Как бы вспоминает.

Или приказа не было, но сделан достаточно явный намёк.

– Хорошо, тогда я согласна. Что требуется?

– Стойте спокойно, ваше величество.

Память Бланки не говорила о процедуре принятия этой клятвы. Вероятно, королева и не знала его, но я начала нервничать.

И не ошиблась в предчувствии: герцог снял с пояса маленький кривой ножик и полоснул мне по запястью. Я вскрикнула, перевела взгляд на тонкую полоску, наполнившуюся моей кровью.

Боль была несильной, царапина, не иначе, но когда герцог поднёс моё запястье к своим губам, я заволновалась ещё больше. Но стояла смирно, как договаривались.

Смотрела на него во все глаза, как Родриго Каста, всё так же не отпуская ни моего взгляда, ни моей руки, слизал каплю крови с моего запястья. Этот момент был настолько интимен, чувственен, что меня бросило в жар. Я почувствовала, как краснеют щёки, как туманится голова, и мне уже всё равно, что будет, если сейчас нас застанут врасплох.

– Я тоже должна это сделать? – спросила я, имея в виду кровь на запястье.

– Можно и так, моя королева. Но я не хочу заставлять вас пробовать мою кровь на вкус.

– А как же тогда? – шёпотом спросила я, чувствуя, что мне не хватает воздуха.

– По-другому, – быстро ответил он и подхватил меня за талию, потому что мне стало дурно.

Я на мгновение отвела глаза, а когда наши взгляды снова встретились, он медленно наклонился и поцеловал меня в губы.

Я почувствовала вкус собственной крови на кончике языка, смешанный со вкусом его губ. Терпких и горьких, как лесной орех или миндаль.

Я дёрнулась в его руках, но он держал крепко, и я поняла, что надо подчиниться. Продлить это мгновение просто ради союза, ради сладости, которую я надеялась обнаружить в его ласке. Похожей на клеймо. На тёмную метку.

На чёрную дыру, в которую меня затягивало с невероятной силой.

Я упиралась руками в его грудь, но мы оба знали, что это дань приличиям.

И вот всё закончилось, кроме моего головокружения!

– Что вы себе позволяете?!

Я могла говорить шёпотом, чтобы на звук моего голоса не прибежали хозяева или слуги. Репутация королевы – хрупкая вещь, ею не следует разбрасываться той, кто ещё не заняла место рядом с королём.

– Полноте, ваше величество, вы изображаете чувства, которых не испытываете. Но я объяснюсь, чтобы вы снова не обвинили меня в государственной измене. Я оградил вас таким образом от необходимости попробовать мою кровь на вкус. Иногда тёмная магия способна опорочить светлую душу.

И снова я смотрела на него, стоявшего напротив на очень близком расстоянии и не делавшего попыток отойти на шаг, и не понимала, говорит ли он серьёзно или снова подсмеивается.

– Союз заключён? – удивилась я.

Не чувствовала в себе перемен, надо будет спросить об этом кого-то знающего. Только вот кого?!

– Я буду действовать в ваших интересах, но и вы не предадите моих, ваше величество.

Наконец, он поклонился и отошёл к столу. Снова взял недопитую кружку с молоком и выпил до дна.

– А если вы нарушите слово?

– Хотите сказать, вы нарушите? Но раз вы решили дальше играть в невинность, я скажу вам, что будет: ваша магия накажет вас. Или моя меня. Либо уйдёт полностью, превратив человека в больной, чахлый сосуд, либо извратится так что убьёт носителя. А теперь позвольте откланяться, я приеду завтра к вечеру, думаю, наш общий враг будет найден.

На это раз он просто вышел, забыв или проигнорировав в который раз правила этикета. Вышел в ту дверь, через которую мы с ним вошли, но я недолго оставалась одна. Тут же пожаловали хозяева.

Разговорчива была лишь Фабиа, она извинялась за столь скромный приют знатной особы. Всем видом и взглядами показывая, что знает, кто я на самом деле, но раз надо играть в игру, будет соблюдать правила.

Словом, Фабиа Висконсин была светской кокеткой, какими их любят изображать на страницах современных рыцарских романов.

Но отнюдь не пустышкой.

Муж её быстро откланялся и сказал, что по всем вопросам я могу обращаться к его жене. Я заметила, как он вышел во двор, вскочил на коня и уехал куда-то со слугой герцога.

Фабиа тут же велела накрыть стол «по-настоящему пригодной пищей», и когда две молоденькие востроглазые, смешливые служанки с этим справились, сообщила, что моей аудиенции требует один человек.

Оставалось покориться судьбе, которая никак не желала оставлять меня или Бланку в покое, но, возможно, рассудила я, смотря на выставленные на стол рябчики в жаровне, и тушёную капусту к ним, оно и к лучшему. Некогда будет плакать.

– После обеда, гранда, – сказала я, предлагая хозяйке разделить со мной трапезу. И когда еду разложили по тарелкам, тут же поменяла их.

– Надеюсь, вы не против? – улыбнулась я. – Меры предосторожности. Моего слуги, что пробует пищу, нет сейчас рядом.

– Конечно, ваша милость, почту за честь быть вам полезной.

– Тогда расскажите, откуда вы с мужем. Кому служите? По-настоящему.

– Его сиятельство покровительствует вам.

Она уткнулась в тарелку, вода вилок по ней, будто хотела получше рассмотреть её содержимое. И всё же приступила к еде первой, надломив кусочек ароматного тёплого хлеба.

Скромничает или скрывает правду?

Я проглотила вязкую слюну. От ароматов пищи кружилась голова, но я помнила об осторожности. Глупо будет пройти столько миль пути, чтобы отравиться рябчиком за пару дней до конца путешествия!

– Сколько дней пути отсюда до столицы?

Ну всё, пора есть, иначе забуду об этикете и достоинстве Бланки и наброшусь на еду, как голодающее дитя.

– Почти четыре, если ехать с обозом, ваша милость.

Горячий хлеб со сливочным маслом, вкуснотища!

– Ваша милость, простите, что отрываю вас, но вас ожидают.

– Подождут, – отрезала я таким тоном, что Фабиа пролепетала извинения.

Я поймала себя на мысли, что слишком вошла в образ королевы, надо бы отвыкать, а то потом плохо в моём мире придётся.

Книга же рано или поздно завершится!

Мне просто надо дойти до цели и добиться того, что бы фаворитка осталась с носом! Надо потом заглянуть в ту книгу, в самый конец, когда вернусь, чтобы прочесть, что Бланка прожила долгую и счастливую жизнь. Пусть и в вымышленном мире!

– Кто там ещё пришёл?

– Ваш духовник, отец Педро.

Вот уж кого-кого, а его я ожидала здесь встретить меньше всего!

– Господь повелел мне наставлять вас, дочь моя, я не мог остаться безучастен к вашим несчастьям, – начал заунывным голосом священник, войдя в дом и осеняя себя крестным знаменем.

В первый момент мне показалось, что я перепила за обедом кислого вина: настолько радостным выглядел отец Педро. Будто уже не чаял найти меня живой и боялся расправы.

Фабиа, получив краткое благословение, выскользнула из дома.

– Я пришёл, чтобы поддержать вас, дочь моя.

– Я искренне рада этому, отец.

Вполне обычное начало, но я сгорала от нетерпения. Отец Педро и герцог явно не были союзниками, так как и, главное, зачем духовник пришёл сюда.

– Помнится, вы говорили, что сгораете от желания бескорыстно помочь ближнему, и я увидел в вас, невинном создании, укор себе. Иногда даже священники впадают в мирские грехи.

Иногда, хм!

Отец Педро ходил из стороны в сторону, полы его чёрной сутаны развевались, словно крылья ворона, и сам он мне напомнил большую птицу. Птицу, принёсшую весть.

В эти времена многие пользовались таким способом передать послания.

– У меня для вас утешение в ваших скорбях, дочь моя! Возьмите!

И отец Педро, остановившись напротив меня, просидевшей на стуле всё время нашей встречи, протянул Писание. То самое, которое должно было сгореть в пожаре, но даже страницы не обуглились.

– Я заложил, дочь моя, наставления, которые вам надобно внимательно прочесть.

– Так, отец мой.

Внутри Писания было что-то вложено. Записка или письмо?

– А я пока помолюсь за нас в соседней комнате. Позови меня, когда примешь решение.

Что-то хищное, даже можно было бы сказать, алчное на миг проступило в чертах его абсолютно невзрачного лица. Будто я помахала у него перед носом кардинальской шапкой.

Оставалось только кивнуть и по-прежнему сидеть на стуле, сжимая в руках нераскрытое Писание. Пока отец Педро не удалился. Я видела, что ему бы очень хотелось остаться, но, вероятно, он получил чёткие инструкции.

Или, наконец, внял голосу жадности, который я пыталась в нём пробудить при нашей последней беседе в шатре герцога?

Я осталась одна. Досчитала до семи, потом до десяти туда и обратно, чтобы успокоиться. И раскрыла Писание там, где была закладка.

«Много замыслов в сердце человека, но состоится только определённое Господом», – прочла я сверху на странице.

Снова указание свыше?

Развернула серый конверт и сложенную втрое бумагу. Добротную, на таких писали аристократы.

Герцог изволил доверить планы бумаге? Невозможно, он слишком осторожен!

Почерк был женским.

Едва я начала читать, как руки мои задрожали, а сердце забилось сильнее, кровь отлила от щёк, и посреди жаркого дня мне сделалось холодно.

Это было послание от фаворитки его величества Энрике. От той самой Марии Тавора, кто как кровавая тень следовала за мной по пятам с самого моего появления здесь!

Глава 18

Призрак, наконец, обрёл кровь и плоть. И жаждал объясниться.

Я начала читать. Внимательно, останавливаясь после каждого предложения, будто как только отвлекусь, оно могло поменять смысл.

«Ваше королевское величество! (ах вот как, вспомнила-таки)

Я нижайше прошу у Ваших ног прощения за дерзость обратиться к Вам напрямую, не будучи представленной по всей форме (ну лиса!). Но обстоятельства непреодолимой силы вынудили меня (знаю, какие, моё возвращение к королю, конечно).

Я лышу себе надеждой (хм, напрасно), что могу спасти вашу драгоценную жизнь (вот это онахватила! Значит, фаворитка – особа пылкая и не привыкшая откладывать дела в долгий ящик. Тем лучше для меня).

Понимаю, что нас разделяет не только многие тысячи миль, но и мои собственные дети – плоть от плоти королевского дома Бургудской династии (фаворитка ещё и тщеславна. Представляю, с каким упоением и старанием выводила она эти строки гусиным пером). И у Вас нет причин доверять мне (хорошо, что ты это понимаешь).

Именно поэтому я пошла на то, чтобы создать для вас артефакт, содержащий кусочек моей памяти. Это лишило меня части магической и природной силы, но ради короля и будущего своих детей я готова на многое. Вы, вероятно, ваше величество, удивляетесь, зачем я пишу Вам, когда мы делим одного мужчину, но, поверьте, я всё объясню вам при личной встрече. Надеюсь, она случится очень скоро. Если Вы того пожелаете.

А пока скажу, что у меня нет причин желать Вам смерти (ну конечно, так и поверила. У тебя-то и нет!). Это прозвучит дико, но такова правда. Мне не стать королевой, даже если Господь решит прибрать Вас к себе раньше срока, простите покорно за такую дерзость! (ах, Господь решит, разумеется, только лишь он. На Земле-то у меня врагов нет).

Но на Ваше место, ваше величество, придёт другая принцесса. Я боюсь, что с ней мне будет договориться сложнее. А мыс Вами обе, изведывавшие лишения, способны найти общий язык. Ради нашего короля.

Я предлагаю вам союз, ваше величество (сегодня день такой, для заключения союзов?), но сначала посмотрите артефакт. Ваш духовник подскажет, как его использовать, он покажет Вам правду о том, кто должен, кто поклялся Вас защищать, но преследует свои тёмные цели (я даже догадываюсь, о ком речь).

Но не буду долго утомлять Вас, ваше величество, потому что лучше один раз увидеть. Позже я с радостью поведаю Вам причины, толкнувшие брата короля на измену. Впрочем, Вы уже и сами, должно быть, догадались: неуёмная жажда власти. Над королевством, над Господом, над женщиной. Надо мной.

Ваша покорная слуга, Мария Тавора».

Я прочитала и некоторое время так и осталась сидеть, смотря в окно, за которым буйствовал летний полдень. Мной овладело одно желание – сжечь письмо. И забыть тот сладкий яд, который оно источало.

Потом заставила себя перечесть. Да, сомнений не было – фаворитка намекала, что герцог Каста её поклонник. Безутешно влюблённый в мать троих детей и желающий прибрать её к рукам и затащит в постель в обход короля.

Звучало, как бред. Не из-за троих детей, я слышала, что фаворитка пылка и хороша собой, а из-за короля. Энрике Первый не отличался добрым нравом, об этом прямо говорилось в книге, но там были объяснения скверному характеру короля – он не мог быть рядом с любимой женщиной.

А вот когда соединился, когда постылая королева умерла...

Тут я поняла, что скомкала письмо. Бумага под моими пальцами, от тепла ладони принялась плавиться, не причиняя боли. И не успела я даже позвать на помощь, как она рассыпалась в пыль.

– Ваше величество, вы звали меня? – робко заглянул в дверь отец Педро.

Куда только делся его покровительственный тон?! Вероятно, мой духовник боялся, что я сдам его герцогу. Я бы так и поступила, но закрывать глаза на явные намёки на предательство герцога (хотя я в них и не верила), в моём случае безрассудно.

– Покажите артефакт Марии. Я желаю посмотреть.

– Смирение – добродетель, дочь моя.

– А любопытство?

– Небольшой грех, простительный вашему полу.

Из кармана сутаны священник выудил бархатный мешочек и с поклоном передал мне.

– Что там?

– Просто бросьте это в чан с водой и смотрите. Он предназначен для вас, значит, увидите отражение только вы, дочь моя.

Я взвесила содержимое мешочка в ладони. Увесистый, будто гальку напихали.

Память Бланки подсказывала, что есть маги – носители крови древних сказителей – они могут делать подобные вещи из своих воспоминаний. И только они. Значит, Мария Тавора обладает прекрасным светлым даром, чтобы вербовать сторонников.

И эти воспоминания невозможно подделать. Может, не стоит смотреть их? Отравлять свой разум сомнениями, которые сожрут изнутри, заставят слабеть и лишаться сторонников.

Может, Мария этого и добивается? Не смогла меня убить, так хочет отравить мой разум?

– Оставайтесь здесь, отче, – приказала я и подошла к тазу с чистой водой, стоявшему здесь для омовения рук и лица. Высыпала содержимое мешочка – серебристые камешки, гладкие, идеально овальной формы, они падали на дно медного таза, издавая тихий перезвон, похожий на звук далёкого колокольчика.

Первое время ничего не происходило. Совсем.

Я насчитала пятнадцать камней-близнецов, но стоило закончить счёт, как поверхность воды подёрнулась рябью.

Я наклонилась и увидела двоих также ясно, будто стояла рядом с ними.

Всё было так ясно, будто я стояла рядом с Марией и герцогом каста.

Разговор проходил в её покоях, о том говорила просторная комната, украшенная всеми цветами красного и чёрного. В мебели, добротной и одновременно изящной преобладали кружева и морские мотивы.

– Что вы предлагаете, ваше сиятельство? Вы так добивались моего внимания, что мне, конечно, лестно, но я не совсем понимаю вашу цель. Настоящую.

Мария стояла у окна, загораживая проём. Одета в светлое платье, украшенная жемчугами и драгоценными опалами, она походила на статую. Черты лица идеальные, белоснежная кожа оттеняла черноту кудрявых волос, забранных в причёску по последней моде – всё в облике фаворитки кричало, что она дорогая вещь.

«Дорогая шляха», – возникло в моей памяти. Отголосок чувств настоящей Бланки.

Её бы сейчас сюда! Она-то лучше меня ориентировалась во всех этих интригах.

«Ну да, разумеется, именно поэтому её сослали в глушь навсегда», – произнёс противный до правоты внутренний голос.

– Вы мне писали, – продолжила фаворитка. – Не бойтесь, что я покажу ваши пылкие признания его величеству?

Я бы могла рассматривать её бесконечно, запоминая манеры и жесты, но отчасти потому, что боялась взглянуть на герцога Каста. Ещё сегодня поклявшегося оберегать и защищать меня.

Тешила себя надеждой, что всё это было давно. Или что герцог ведёт двойную игру в мою пользу (ну, конечно, каждая из нас так и думает, а он играет лишь по своим правилам! Дамы могут потерять голову, но не он. Во всех смыслах).

– Я в вашей власти.

Голос герцога звучал глухо. Без тени насмешки, которую он всё время применял ко мне. И он колот меня ею, будто зонтиком или палкой, а с Марией вёл себя иначе. Пусть не склоняя головы, но находился на почтительном расстоянии, время от времени бросая в её сторону взгляды, полные скрытого и не очень обожания.

Как волк, облизывающейся на добычу. Заглядывающийся на неё из засады, выжидающий, потому что точно знает: никуда ей от него не деться.

Я поняла, что сжала кулаки до такой степени, что ногти больно вонзились в кожу.

– Но вы не погубите меня, ваше сиятельство. Потому что я единственный, кроме вашего отца, кто предан вам. И единственный в Совете его величества, кто не говорит об этом вслух. Ради вашего сына, которого вы втайне желаете однажды видеть на троне.

– Молчите!

Мария отвернулась к окну, прижав руки к вискам, будто у неё разом заболела голова.

Неужели герцог не замечает, что она притворщица?

– Я помогу вам.

Мой якобы союзник сделал к ней один шаг. Маленький, но уверенный, он подходил ближе, пока не встал у Марии за спиной.

Я тоже сделала к ним шаг.

– А она?

Обо мне говорят, ясно.

Герцог помалкивал. Я не видела выражения его лица, не могла подойти ближе, будто наткнулась на невидимый барьер. Если бы могла, стукнула бы по нему и разбила вдребезги. Чтобы осколки вонзились ему в спину.

Конечно, герцог закроет возлюбленную. Было бы неплохо, если бы при этом они оба свалились из открытого окна. Надеюсь, здесь высоко.

Я почувствовала, что слабею. Теряю связь с телом Бланки, но при этом её мысли соединяются с моими. Сплетаются в один прочный узел, и скоро, совсем скоро я уже не смогу отличить одни от других. Возможно, даже не захочу.

– Она слаба, как королева. Говорят, что король должен быть силён, но мы-то с вами знаем, что за спиной такого короля должна стоять сильная женщина. Я решу вопрос с вашей соперницей. По-своему, но решу. Вам лучше о том не знать.

– А её брат-король? Не пойдёт ли он войной?

– Короли нередко жертвуют детьми и жёнами, ваша светлость. Не то что кузиной! У каждого монарха есть долг – прежде всего заботиться о процветании своей страны, а уж потом дальних родственников.

Он подходил всё ближе и ближе к Марии, но не делал попыток обнять её. Просто дышал в затылок. Вероятно, это его тактика

– Вы говорите ужасные вещи. Совсем как мой отец.

Фаворитка постаралась уйти в сторону, да некуда было, герцог в прямом смысле этого слова «придал её в стенке». Или к окну. Тут либо прыгай насмерть, либо иди на условия тёмного герцога.

– Я должна подумать.

Голос Марии донёлся откуда-то издалека. Из окна налетел ветер и смахнул герцога вместе с фавориткой. А потом и меня превратил в пыль.

– Ваше величество, выпьете вина. Не грех, – отец Педро хлопотал возле меня, уже снова сидевшей на том же самом стуле, что и до ритуала.

Я чувствовала себя так, будто меня прокрутили через мясорубку, а потом собрали заново небрежной рукой.

Вино я взяла и сделала три больших глотка.

– Вы же священник! Разве вам дозволено прикасаться к подобным артефактам? – спросила я тихо, подняв на духовника глаза.

Вблизи он мне показался бесконечно усталым и старым. Ещё не немощным, но уже подходящим к тому рубежу, когда дверь в комнату, полную народа, закрывается, а впереди только длинный светлый коридор. С одной-единственной дверью в конце. Пока закрытой, потому что до неё надо дойти.

Я вздрогнула, так явственно я увидела всё это, как ещё пару минут назад фавориту и герцога, что мне снова захотелось выпить холодного вина.

– Я не могу сам или пользоваться, но разве спасти божье создание, доверенное тебе Господом, чтобы направлять его и вести по жизни – грех, дочь моя?

Ещё один лис! Раньше в моём мире существовал орден иезуитов, которые всё могли повернуть так, представить любое дело, чтобы выглядело в выгодном им свете.

Вероятно, отец Педро обучался у них.

– Я подумала. Мне надо встретиться с графиней Ридегейрой. Но завтра. А сегодня оставьте меня, я желаю почитать Писание, возможно, на его страницах я найду ответы на мучающие меня вопросы.

– Не называйте имён. Интересующая вас особа спасается в монастыре неподалёку. Орден Урсулинок.

Отец Педро распрямылся и кивнул, поклонился низко и попятился задом к выходу.

Одну меня не оставляли. Фабиа пригласила на прогулку по лесу в коляске, пока служанки готовят обед, и я согласилась.

Давно в прошлой жизни я замечала, что иногда решение задачи стоит отложить ненадолго, и ответ придёт сам собой.

А в этой книге у меня был чит-код – Писание, отвечающее на вопросы. Но я не злоупотребляла им: мало ли, вдруг количество вопросов ограничено. А впереди у меня ещё много неожиданностей.

И путь всё не кончается, а делает три загогулины на километр.

Но я обязательно дойду до конца. И вернусь к прежней жизни.

– Я хотела спросить вас, гранда, не найдётся ли для меня магического шара. Я бы хотела помолиться вечером и почитать Писание, здесь же нет храма, верно? А при свете керосиновой лампы это сделать сложно. Буквы расплываются перед глазами.

– Я найду для вас такой, ваша милость. Спрошу у мужа, он будет рад услужить вам.

Фабиа поклонилась с такой улыбкой, будто хотела сказать: а вы помните нашу доброту.

Я буду помнить. Всех и вся. И предъявлю каждому свой счёт в свой час.

Но сначала пора извлечь козырь из рукава. Идалия – сестра разбойника. Мало того что умна, так ещё и цыганский глаз имеет. Зоркий, бдительный, всё примечающий.

А главное – будет стараться ради брата и самой себя. Кроме как на меня, у них надежды ни на кого нет. Почитай, вытянули счастливый билет в моём лице!

А я, надеюсь, тоже. Как и то, что разбойник Хорхе сдержит слово, и Идалия явится вовремя.

Глава 19

Перед сном я зажгла магический шар и снова обратилась к Писанию.

Прочла молитву, какую нашла в памяти Бланки, а она знала их много, и задала мысленный вопрос: «Стоит ли мне идти в монастырь на встречу с фавориткой? Поможет ли мне это вернуться домой?»

Да, вопроса было два, но из одного выходил второй, поэтому так и задала.

Выдохнула и раскрыла книгу, ткнув пальцем.

«Поразит пред тобой Господь врагов твоих, восстающих на тебя; одним путём они выступят против тебя, а семью путями побегут от тебя».

Второзаконие, хм. Что бы это означало? Например, что я выиграю от свидания с фавориткой, ладно. Одним путём выступят – значит, герцог и фаворитка с канцлером Тавора заключили союз, всем вместе стараются меня устранить. Но я их рассорю? В союзе семь человек, или это метафора?

Проворочалась в постели, прогнав любопытную служанку, которая поинтересовалась, почему у меня горит магический шар. Эти шары очень дороги, так что Фабиа, понятное дело, беспокоилась, но возразить мне не смела.

Ничего, герцог им оплатит счёт. И мне заодно!

Снова я вернулась мыслями к нему. Вот что за гад! Решил меня предать, влез в душу со своими разговорами о чести и совести! Ага, о том, что он за меня хлопочет, что фаворитка ему враг. Видела, как он возле неё увивался. Как орёл возле добычи! Ничего, я вам устрою!

Может, король Энрике здесь не такой уж и Жестокий? Вот кто настоящая тёмная лошадка, с прочими, увы, всё понятно!

Я заснула глубоко за полночь. Мысли так и вертелись то вокруг знатных особ, то я переживала, как там моя верная Ирен. Не сошла с ума в беспокойстве за Бланку? Если бы можно было послать ей весть, что со мной всё в порядке! Но герцога не обманешь, он сразу всё поймёт.

Хорошо, пока это отложим. Будем действовать пошагово.

Утром меня разбудили крики во дворе. Спросонья я подумала, что это дворники во дворе ругаются возле мусорных баков, как бывало часто поутру, а потом открыла глаза и поняла, что нахожусь в доме с деревянным потолком.

Вспомнила, кто я теперь, и резко села.

Ругались две женщины. Одна была точно Фабиа, прогоняющая вторую, называя её нищенкой и побродяжкой. Грозилась спустить на неё собаку, которая тут же начала лаять во дворе.

Возле двери уже переминались с ноги на ногу две служанки. В руках одной был чан с чистой водой, вторая держала в руках полотенце и мочалку.

– Гранда, разрешите помочь вам? – робко начала одна.

Обе были молоды, и манеры имели грубоватые. Видимо, взяты в услужение из близлежащих деревень.

– Что там происходит? – спросила я, сдерживаясь, чтобы не подойти в одной ночной рубашке к окну. Неприлично, конечно, тут меня не поймут.

А тем временем вторая дама из ругающихся что-то тихо произнесла со знакомым мне акцентом.

– Быстрее оденьте меня, мне надо быть там.

Я махнула рукой на удивлённых служанок, но оказалось, что поторопить их нереально. Существовал протокол как отхода ко сну знатной дамы, так и пробуждения. И даже если бы за окном происходила битва, служанки не смогли бы его нарушить.

Но я сообразила, что могу отправить одну из них с посланием к Фабии.

Черкнула пером на бумаге записку, где сообщала, что прибывшая – моя дама, и я прошу разместить её, пока не буду готова к выходу. И с чистой совестью отправилась в соседнее помещение, похожее на баню.

Помыться как следует, конечно, не удалось. Некогда размываться. Даже магия была бессильна против времени. У меня его оставалось очень мало, так что я только обмылась наскоро с помощью служанок, умылась и позволила им расчесать мои волосы.

Совершу омовение в монастыре. Урсулитки – богатый орден, туда попадали знатные девы и приносили с собой весомые дары, да и Мария Тавора, насколько я успела составить о ней мнение, была слишком тщеславной, чтобы подвергнуть себя аскезе. Святости убогой жизни, то есть.

Большинство верили в Бога, как и в моё время, либо когда припёрло, либо когда того требовал обычай. Или, что чаще всего, формально соблюдали ритуалы.

Это касалось даже некоторых священнослужителей, строящих карьеру подобно моему духовнику отцу Педро.

Наконец, я была готова принять гостью. Вышла в единственную комнату, что служила мне спальней и столовой, дала знак служанкам позвать хозяйку. И села на стул, приготовилась ждать.

Постаралась придать лицу безмятежное выражение, но даже без зеркала, оставшегося на сундуке, понимала: я вся в нетерпении.

И пусть! Пусть считают, что я не умею владеть собой.

Тем легче будет моим врагам, если они здесь, выдать свои истинные намерения.

В приоткрытую дверь проскользнула Фабиа. Она выглядела свежей, как майская роза, кокетливой, будто не в лесной глуши сидела, а на приёме собралась. И платье сменила.

Но на лице её отражалось изумление, сменяющееся беспокойством при взгляде на меня. Точь-в-точь как тогда, когда герцог заподозрил во мне умалишенную!

– Ваша милость, – присела она в лёгком реверансе. Здесь любили красивые ритуалы без повода, манерные поступки и слова. – Я поражена услышанным. Та оборванка утверждает, что служит вам!

– Верно, – брякнула я и посмотрела на Фабию так, что все её слова застряли в горле. От герцога набралась. Не иначе.

Раньше я всегда старалась быть хорошей девочкой, угодить отцу, которого давно не видела, потмоу, что «он ведь услышит обо мне и придёт». И оценит.

Не пришёл и не оценил.

И Бланка ждала того же сначала от брата-короля, матери и отца, потом от венчанного супруга. Оба мы с ней наивные дурочки! И я тоже хороша: поверила словам того, кто играет всегда за себя. Лживая тварь!

Он ещё пожалеет, что хотел меня обмануть!

– Может, я должна с вами советоваться, гранда, в выборе слуг?

– Но его сиятельство дал мне указания.

Ох, лучше она о нём не вспоминала.

Я отшвырнула веер на стол и встала.

– Его здесь нет. И он не выше меня, гранда. Помните об этом. Зовите Идалию, и все вон!

Ох, нелегко быть королевой.

Мне сразу захотелось извиниться перед Фабией, глаза которой наполнились словами, а на устах застыли слова извинения.

– Не сейчас. Потом принеси мне виноградный сок. Хватит с меня вина!

В комнату вошла Идалия. С видом не горничной, но женщины, готовой служить. Не бескорыстно, но с пользой для всех.

На ней было тёмно-вишневое закрытое платье, и она в нём совсем не походила на нищенку. Разве что на небогатую вдову.

– Я увидела ваш зов, гранда. Рада служить. Приказывайте.

Чуть склонила голову.

– Есть первое небольшое поручение, Идалия. Вот и посмотрим, как ты с ним справишься.

– Мне надо, чтобы ты проникла в стан герцога незамеченной и отдала записку моей молочной сестре Ирен. Узнаешь её по ножу за поясом. Она светловолоса и косит на один глаз. Она передаст тебе духи, которые ты принесёшь ко мне сегодня же. Справишься?

– Зачем вам духи?

– А тебе не всё равно? – ответила я вопросом на вопрос.

Наверное, я устала, потому что раздражалась по любому поводу. Сказывалась усталость от ноши на плечах, и это совсем была не королевская мантия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.